

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ

ОБЩАГА-НА-КРОВИ

ОБЩАГА-НА-КРОВИ

Annotation

Роман «Общага-на-Крови» Алексея Иванова, создателя таких бестселлеров, как «Золото бунта», «Сердце Пармы», «Географ глобус пропил», публикуется впервые. История одной студенческой общаги, на много лет ставшей домом для персонажей этого миниатюрного эпоса, — подлинная жемчужина современной молодежной прозы. Главный герой романа — студент по прозвищу Отличник, его друзья и враги населяют микрокосм студенческой общаги. Здесь, как в сердце мироздания, происходит все то, из чего состоит человеческая жизнь: обитатели общаги пьют вино и пишут стихи, дерутся и играют на гитаре, враждуют с комендантшей Ольгой Ботовой и ее полууголовным мужем Ринатом, ненавидят и любят друг друга со всем максимализмом юности, так отчаянно, словно остальной Вселенной для них не существует... Страсть и предательство, слезы и кровь — все это крепко-накрепко связало героев А. Иванова, и даже смерть не способна разорвать этот заколдованный круг... Блистательное чувство юмора, тонкий психологизм, отточенный стиль — все это в очередной раз убедительно подтверждает характеристику, данную в журнале «Афиша» критиком Львом Данилкиным: «Иванов — золотовалютные резервы русской литературы».

- [Иванов Алексей](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
 - [ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Иванов Алексей
Общага-на-Крови

ПРОЛОГ

Они квасили всю ночь, день спали, а вечером сели опохмеляться. Естественно, пивом. Их было человек десять — парни и девушки, все из общаги. Пиво принесли в автомобильной канистре и наливали в чайник, а уж из чайника, по потребности, разливали в стаканы.

Пиво легко проваливалось из горла в желудок и дальше, в мочевого пузырь. Время от времени кто-нибудь вставал и под развеселые комментарии остающихся отправлялся в туалет. В своем блоке туалет почему-то постоянно был занят, и приходилось бегать через коридор в блок напротив.

— Нет повести печальнее на свете, чем повесть о закрытом туалете, — сказал самый остроумный после того, как в первый раз не попал в искомое место.

Когда он не смог пробиться туда же во второй раз, он уже не упражнялся в остроумии, а с досадой выключил свет.

Когда он вышел в третий раз, то обнаружил, что свет по-прежнему не горит, а туалет по-прежнему заперт изнутри.

— Эй, ты спишь, что ли? — постучав, осторожно спросил он.

Ему не ответили. Он еще постучал. Все равно не ответили.

— Я дверь вышибу, — предупредил он. В туалете хранили молчание.

Тогда он саданул в хлипкую дверь плечом и с первого же раза вывернул хлипкий шпингалет. Дверь отскочила сантиметров на двадцать и уткнулась во что-то мягкое. В темноте ничего не было видно. Взломщик, не отводя взгляда от темной полости, протянул руку, нашарил выключатель и щелкнул.

Он увидел изгиб унитаза, блестящую алую лужу в его чаше и багровые разводья на полу. На фаянсе безвольно лежала тонкая, очень бледная рука. На ее сгибе еще шевелилась живая кровь.

Взломщик осторожно прикрыл дверь, зачем-то погасил свет и прошел в свою комнату.

— Так, — хрипло сказал он развеселой компании. — Все сматываемся. Мужики, прячьте бутылки. Вовка, звони в «скорую». В сортире — самоубийца.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Так в их дверь не стучал никто, кроме Лели. Она словно заранее извинялась, и тихий стук растворялся в воздухе. Но Отличник услышал его и окончательно проснулся.

Он лежал и глядел на комнату, полную прохладного запаха улицы. Ночью Ванька, как всегда, расхлебянил окно, и темный ветер вымыл стены, вещи, тряпки, стер с их поверхности обычный их вкус — хорошо настоящего сигаретного дыма, старого пепла, пыльной материи, бумаги, кофе и чая. Теперь они были свежи и накрахмалены ночной зябкостью. В воздухе, где таял стук Лели, не было никакого движения. Комната уже слилась с миром за стенами общаги и была словно брусок уличной чистоты, задвинутый в затхлый массив здания, как ящик. Солнечный свет, словно порезавшись, яростно пылал в гранях стаканов на столе, на грязном лезвии ножа, на ручках ложек.

Леля снова робко постучалась. От этого звука воздух вздрогнул, в окне мелькнула птица, а посреди комнаты из пустоты возникли светящиеся пылинки. За дверью послышался шорох, вздох, шаги, и Отличник уже подумал, что Леля отказалась от своего намерения, как раздался уверенный голос Нелли:

— Не открывают?

— Спят, — тихо, таинственно ответила Леля.

— Интересно, чем они ночью занимались? — И Нелли без стука решительно распахнула дверь.

Тотчас, будто нажали кнопку, включился уличный шум — невнятные голоса, щебет воробьев, шарканье шагов, подвывание и шелест далекого троллейбуса. Обе шторы на окне, от солнечного света ветхие, кинулись вперед как по сигналу, развернулись и выпукло надулись парусами. Ком холодного воздуха прокатился по комнате, забурлив в пепельнице тревожно выскочившим пеплом. Створка окна, блеснув, как выстрел в висок, стремительно захлопнулась. Шторы, словно расстрелянные, моментально обвисли. Пепел на столе из последних сил прополз немного и застрял на полпути среди окурков, похожих на падшую мелкую скотину.

Нелли вошла в комнату и твердо остановилась посередине. Леля, сделав страшные глаза, спряталась у нее за спиной. Отличник рассматривал их сквозь туман ресниц. Нелли была одета для института, а Леля в халате, который ей был велик и вечно сваливался у нее то с одного плеча, то с

другого, как спящий кавалерист с лошади.

— Вы что, сдохли, что ли, уроды? — свирепо предположила Нелли. — Подъем!

С кровати Игоря донесся печальный стон.

— Доброе утро, красавицы, — сонно сказал Игорь.

— Опять всю ночь по бабам таскался? — напрямую спросила у него Нелли.

— Господь с тобой, радость моя, — сладко произнес Игорь, прикрывая глаза от солнца ладонью. — Учебники, учебники...

— Знаем мы твои учебники, — грозно и туманно заявила Нелли. — Лучше бы не сочинял, старый пес, а сигарет дал.

— А в буфете их приобрести невозможно?

— Ты такой жадный, Игорек!.. — с ужасом ахнула Леля.

— Вон лежат на стуле, — не меняя позы, указал Игорь.

Нелли взяла со стула открытую коробку, посмотрела и сказала:

— Подлец! Тут пусто!

— Как — пусто? — удивился Игорь. — На момент моего погружения в сон там содержалось не менее пяти штук.

— Их, наверное, Ванечка выкурил, — предположила Леля.

— Я Ивана, видимо, вскоре ударю бутылкой по голове, — задумчиво произнес Игорь. — Посмотри тогда, радость моя, в моей тумбочке, внизу.

— Больно мне охота в твоих грязных подштанниках рыться.

— В таком случае не смотри, — спокойно согласился Игорь.

Нелли присела и открыла дверцу его тумбочки. Фыркая и шипя, она побренчала дезодорантами Игоря и сообщила:

— Подлец! Тут их тоже нет!

— Так, — глубокомысленно подвел итог Игорь. — Тогда, радость моя, посмотри в кармане у Ивана. Больше сигаретам деться некуда.

Ванька спал одетым поверх одеяла лицом к стене. Нелли, скорчив гримасу отвращения, подошла к нему и запустила руку в карман его джинсов.

— Не спутай карман с ширинкой, — предостерег Игорь.

— Всю жизнь не путала и вдруг спутаю... — проворчала Нелли.

— Только без рук, гады... — во сне пробормотал Ванька.

Когда Нелли, добыв сигареты, с презрением удалилась, Леля крадучись направилась к Ваньке. Встав на цыпочки, она осторожно заглянула ему в лицо и ласково погладила по плечу.

— Ва-анечка, — тихо позвала она. — Ва-ня... Просыпайся.

— Хрен вам, — буркнул Ванька.

Леля печально вздохнула и посмотрела на Игоря.

— Игорек, а ты спишь? — шепотом спросила она.

— К сожалению, еще нет, — официально ответил Игорь.

— Пойдем к нам чай пить.

— Знаешь, радость моя, я бы лучше отдал предпочтение сну.

Леля опять вздохнула и отправилась к Отличнику. Она присела на край его койки, положила руки ему на грудь и, наклонившись, потянулась к нему губами. Они мелко поцеловались несколько раз. Отличнику было приятно чувствовать мягкие Лелины губы.

— Приходи, Отличничек, к нам чай пить, — прошептала Леля.

— А ты мне купишь коржик с зубчиками?

— А ты обещай, что придешь, тогда куплю.

— Обещаю.

— Дай честное-пречестное, самое верное слово.

— Лопни моя прорва, — смеясь, поклялся Отличник.

Отличник постучался и вошел в комнату номер двести двенадцать. Леля сидела у стола и, обернув ладонь полотенцем, разливала по стаканам заварку из маленького пузатого чайника, похожего на игрушечного слона. Нелли с ногами забралась на подоконник и курила — она любила курить, сидя на подоконнике. В окне за ее плечом Отличник увидел угол стены общаги, сложенный из желтого, как вечность, кирпича. Угол уходил по резкой вертикали вверх и вниз, за урезы окна. На каждом кирпиче солнечный свет играл, как мелкая вода на голышах переката. Вдалеке, за дорогой, за троллейбусной остановкой, за больничным парком, за мостом, растворяясь в утренней майской лучезарности, плавали призрачные розовые многоэтажки заречного района.

— Садись на Нелечкин стул, — пригласила Отличника Леля.

Золотой дым сигареты смешивался с майским золотом солнца, и Нелли выглядела как светило во время затмения — темный силуэт, испускающий сияние.

— Какая ты красивая, Нелли, — усаживаясь, сказал Отличник.

— Кто тебе это сказал? — не сразу спросила Нелли.

— Никто. Я сам вижу.

— Ты не можешь этого понимать, потому что ты юн и, следовательно, глуп, — безапелляционно заявила Нелли.

— Опять ты, Нелечка, обижаешь Отличника, — укорила ее Леля. — Я тебе, Отличничек, купила коржиков, какие ты просил...

— Спасибо, Леля, — сказал Отличник, взял коржик и стал сгрызать с

него зубчики.

— Я не обижаю его, — возразила Нелли, пуская дым. — Я приучаю его трезво глядеть на мир и избавляться от инфантильных иллюзий.

— При чем тут инфантильные иллюзии? — улыбнулся Отличник.

— Ты в этом ничего не можешь понимать, потому что ты маленький мальчишка. Сознайся, кто тебя подучил так сказать.

— Не слушай ее, Отличничек, — посоветовала Леля, расставляя стаканы двумя пальцами. — Она бешеная.

— Сам я это понял и сказал просто так! — не унялся Отличник.

Нелли подумала и напрямик спросила:

— И чего тебе от меня надо?

— Ничего, — пожал плечами Отличник.

— Значит, ты в чем-то провинился, — убежденно изрекла Нелли.

Она спустила ноги, спрыгнула на пол и ловко швырнула окурок в форточку. Одернув юбку, она деловито уселась Отличнику на колени и по-хозяйски обняла его за шею.

— Я тоже так хочу, — завистливо сказала Леля.

— Тебе нельзя, Лелька, потому что ты старая и толстая.

— Ты сама, Нелечка, старая и толстая, — обиженно сказала Леля и стала дуть в стакан. — Даже старее и толще, чем я.

Нелли провела ладонью по лбу Отличника, взбив ему волосы, и задумчиво посмотрела ему в глаза.

— Отличник, — велела она, — скажи честно: ты меня любишь?

— Конечно люблю, — серьезно ответил Отличник.

— А как я могу узнать, правда ли это?

— Поверить, — подумав, сказал Отличник.

— Нет... — недоверчиво сказала Нелли. — Таких уже не бывает.

— Он же есть, — улыбнувшись, возразила Леля.

— А кого ты больше любишь, меня или Лельку?

— Это глупый вопрос, Нея.

— Давай поженимся, а? — внезапно предложила Нелли.

— Мы и так всегда будем вместе, — уверенно возразил Отличник.

— Нет. Всего-то через год и я, и эта корова, и Симаков с Каминским получим дипломы и разведемся, а ты будешь учиться здесь еще три года.

— Но вы будете ездить в гости ко мне, а я — к вам.

— Чепуха. Мы все забудем друг друга. А так я буду тебя любить и дальше.

— А как же Игорь, Неломка? — ехидно спросила Леля.

— С ним я буду изменять Отличнику.

— Может, Нелечка, тогда лучше выйти замуж за Игоря и изменять ему с Отличником?

— Нет, — поразмыслив, не согласилась Нелли. — Отличник на такое не пойдет.

— Неля, ты бы сменила тему, — предложил Отличник.

Нелли закрыла ему рот ладонью.

— Отличник! — официально заявила она. — Заткнись и слушай. Я — женщина, которая старше и умнее тебя во много раз. Я буду учить тебя жить, чтобы ты не погиб. А ты будешь делать все, как я скажу.

— Нам, Нелечка, нельзя учить Отличника, — возразила Леля. — Мы развращенные, а он чистый.

— Ну... Леля... — весь поджался и скривился Отличник.

Нелли захохотала, схватила Отличника за щеки и поцеловала.

— Скажи, Отличник, — весело предложила она, — ты что, и вправду веришь, что мы хорошие?

— Дура ты, Караванова! — яростно стирая помаду, сказал красный Отличник. — Убирайся давай с моих колен!..

— Ну чего в нас хорошего? — допытывалась Нелли.

— Отстань!

— Я знаю: ты понимаешь, что каждому из нас кажется, будто в нем есть что-то хорошее и важное для всех. Но неужели ты веришь, что так на самом деле?

— Знаешь, как ты мне надоела? — с досадой сказал Отличник. — Шла бы поскорей на свою консультацию, а то опять выгонят за опоздание.

— А может, и вправду есть?.. — робко предположила Леля.

— Просто он один в это верит, вот ты в него и влюбилась.

— Ну какая же ты противная, Нелечка!.. — сконфузилась Леля.

— Тс-с-с!.. Тихо! — вдруг шепотом закричал Отличник. — Тихо вы!.. Кажется, Ботва пришла!

Все разом замолчали. В блоке кто-то стучал в чью-то дверь. Леля потихоньку приоткрыла свою дверь и глянула в щелку.

— Ботова к вам... — оглянувшись, прошептала она Отличнику.

Ольга Васильевна Ботова была комендантом общежития. Кличка у нее была Ботва. Маленькая, толстая, дряблая, с близко поставленными глазами, неизменно одетая в синий тренировочный костюм, она и вправду чем-то напоминала ботву — завядшую, бесформенной кучей выброшенную за ненужностью.

Уверенным шагом она вошла в блок и забарабанила в дверь двести

четырнадцатой комнаты, где жили Отличник, Игорь и Ванька.

В блоке было четыре комнаты, объединенные узким П-образным коридорчиком. Здесь находились умывалка и туалет. Стены были покрашены глухо-сизой, пластилиновой краской. Они словно бы покрылись гусиной кожей от того, что краска была с мусором и плохо размешана. Дурно оструганные косяки словно зудели махрами задравшейся, нерасчесанной древесины. Пол покрывала желто-оранжевая банная плитка.

Постучав, Ботова сразу открыла дверь и вошла.

— ... и еще спите! — донесся до двести двенадцатой ее громкий голос. — Ну-ка давайте вставайте! Все уже на занятиях!

— Доброе утро, Ольга Васильевна, — едва слышно Отличнику ответил Игорь. — У нас ведь сессия, свободный день...

— Знаю я ваш свободный день!.. Почему у вас в комнате электрочайник? Запрещается ведь держать электроприборы в комнате!

— Электрочайником, Ольга Васильевна, крайне затруднительно сжечь кирпичное здание.

— Ну, не знаю, не знаю, Игорек... Симаков, ну-ка подъем!

Ответа Ваньки слышно не было. Если даже он и проснулся, то все равно притворялся спящим.

— Симаков! Из пушки не разбудить засранца... Ну ничего, он мне еще поклонится в ножки. Бегаешь тут за ним, как не знаю за кем, по-хорошему относишься... «Не буду, Ольга Васильевна, больше не повторится!» Вам веришь, а вы мне подлите!

— А что он опять натворил, Ольга Васильевна?

— Ну, что-что... До пяти утра спать не давал, орал матерные песни на черной лестнице, в двери чужие, паразит, ломился, бутылки из окна кидал. Еще неизвестно, кто на вашем этаже балконную дверь разбил — тоже он, наверное. Где он пил-то вчера? С тобой? Или с этими вашими девками из двести двенадцатой?

— Нет, Ольга Васильевна. И мы, и девушки вчера рано спать легли. Да и Иван вроде бы часа в два пришел.

— Уж ты бы мне не врал, Игорек, дружка своего не покрывал бы. Мне ведь про него уже все рассказали. Ты так ему и передай, что завтра у нас студсовет и будем ставить вопрос о выселении Симакова из общежития. Чтобы в семь часов вся комната ваша в читалке была. Я, Игорек, тебя лично попрошу, чтобы ты привел Симакова. А сегодня пускай он под окном стекло от бутылок подметает.

— Помилосердствуйте, Ольга Васильевна! — взмолился Игорь. — Вы

же доброй души человек! Не выгоняйте его, я лично за ним следить буду! А сессия скоро закончится, и он уедет на практику!

— Добрая-то я добрая, Игорек, но на все добра не хватит. Сколько его терпеть можно? Раз ему сказали, два, три — ничего не понимает! Ну и пусть катится, такие нам не нужны! Вы за него уже сколько раз заступались? И до сих пор не поняли, какое это говно? Хватит, выгоним, и без права поселения на будущий год. Пусть тогда где хочет, там и живет — на вокзале, на помойке, меня это не касается. И все, больше не уговаривай меня.

Ботова подумала.

— Да, вот еще, — вспомнила она. — Ты, Игорек, сейчас, как встанешь, ничем не занят?

— Учиться буду.

— Ну... Тогда ты приди ко мне, поможешь мне замок на чердак навесить, а то плотника сегодня нет и Ринат на работе. Там только петлю починить надо. Придешь?

— Конечно, обязательно приду. Только зря вы, Ольга Ва...

— Все-все, ничего не слышу! — перебила она. — Я уже ухожу!

Подслушивавшая Леля проворно закрыла дверь. По блоку прошлепали тапки Ботвы.

— Сука, — сказала Нелли.

— Ну как так можно?.. — страдальчески спросила Леля.

Нелли встала, взяла массажную щетку и, глядя в зеркало на стене, начала причесываться. Потом бросила щетку на кровать и выдвинула ногой из-под шкафа босоножки.

— Ладно, — холодно сказала она. — Пойду я на консультацию, а то и вправду опоздаю.

— Разозлилась, — печально пояснила Леля, когда Нелли вышла. — Она думает, что Ботва любит Игоря, и ей неприятно, что Игорь будет с ней общаться.

— Мне кажется, что комендантша и действительно того... — Отличник неуверенно замолчал, ожидающе глядя на Лелю.

— Всем так кажется. — Леля отломила кусочек коржика. — Игорь говорит, что она еще с первого курса его домогается. Вообще говорят, что она тут чуть ли не с половиной парней перетрахалась.

— А Ванька что? — перевел разговор Отличник. — Выгонят его?

— Да вряд ли, конечно. — Леля достала ложку из стакана и начала обводить ею квадраты на клеенке, покрывающей стол. — Игорь за него

заступится, да и Ваня ведь дружит с Ринатом, мужем Ботовой, и с Гапоновым... Если кого-то выселяют, то в конечном счете решает студсовет, а не комендантша, а Гапонов — председатель студсовета. Да и кого выселяют на сессии? Все равно все скоро разъедутся на практику.

— Почему же ты такая грустная стала, Леля?

— Просто не люблю всего этого... Ване придется с этими ублюдками связываться — с Гапоновым, с Ринатом, Игорю — с Ботвой, Нелечка будет злиться... Да и вообще... Страшно, когда тебя могут вот так раз — и выбросить на улицу, а жить негде и не на что...

Отличнику стало душно. Он поднялся из-за стола и повернулся к окну. Солнце ослепило его. «Оттолкнуться коленями — и туда... — подумал он. — Чтобы не успеть поверить во все это, чтобы еще счастливым...»

Сзади подошла Леля и погладила его по затылку.

— Отличничек, — прошептала она. — Ну что ты? Все будет хорошо. Ведь нас не разлучит какая-то Ботва...

Она усадила Отличника на койку, сама села рядом и надолго замолчала.

— О чем ты думаешь? — наконец спросил Отличник.

— Я хочу понять, почему Ванька пьянствует, — медленно сказала Леля. — Мне кажется, это ему и удовольствия-то большого не доставляет... Меня пугает, что он, когда пьяный, всех будить бросается, кричит, в двери ломится, даже к чужим.

— Он нас с Игорем всегда поднимает, когда пьяный приходит, — подтвердил Отличник. — Просит, чтобы мы дежурили, потому что боится во сне проблеваться и задохнуться.

— Сколько я с ним ни пила, его никогда не тошнило, — заметила Леля. — И мне страшно, Отличничек, когда он пьяный... Он сам не знает, куда злость свою девать, и бегаёт, всех будит, буянит или ещё дальше напивается. И страшно, и жалко его, ты не представляешь, как жалко. — Леля глядела в глаза Отличнику. — Ведь он совсем не злой, просто ни капельки. Он мягкий, добрый, веселый, умный. Умные ведь не бывают злыми — только жестокими.

— Почему же тогда он злой?

— Мне кажется, что это не злость, а отчаяние. Он от отчаяния кажется злым. И гудит от отчаяния.

— А откуда у него это отчаяние? Леля пожала плечами.

— Мне кажется, что ему просто страшно быть наедине с собой. Мучает его что-то... — Она отвела взгляд от Отличника. — Он вечно выделяется и выдает себя за другого. Раньше он в приличной компании

пил — с нами, с Игорем, со Стрельченками, с Мишей Беловым, с Бумагиным, и все было нормально. А с третьего курса начал бухать с какими-то идиотами типа Гапонова, Рината или Геперозова — вот тогда и пошел буяннить. А почему? Что случилось?

— И ты считаешь, что это оттого, что он себя боится?

— Что-то и страшное, и жалкое у него на душе, и он боится думать об этом, изгоняет все мысли. Но что с ним может быть? Это, понимаешь, не чего-то там плохое, ужасное, вроде как он зарезал кого, а, наоборот, что-то хорошее, чистое, что у него отняли...

— Я знаю, что ты думаешь, — сказал Отличник. — Ты думаешь, что все Ванькины вывихи из-за того, что он в кого-то неудачно влюбился и любит до сих пор.

— А разве не похоже? — тихо спросила Леля. — Ведь я ему нужна, только чтобы потрахаться со мной...

— Нельзя так говорить, Лелечка. И думать так нельзя, — твердо возразил Отличник. — Он любит тебя, но почему-то боится своей любви. Он не тебя мучает, а себя.

— И все же я не могу так жить... — совсем тихо сказала Леля.

Леля ссутулилась и поникла, сплела пальцы и стиснула руки между коленей. Отличник за подбородок осторожно приподнял ее голову, чуть нагнулся и заглянул ей в лицо. Леля сидела не открывая глаз, но ресницы тяжело набухли слезами.

— Ну что ты, Лелечка, — нежно сказал Отличник, утешая ее, как только что его утешала она. — Конечно, Ванька — свинья... Но ты терзаешь себя, когда пытаешься его осуждать. Брось. Прими его таким, какой он есть. Ведь твой главный дар — это сострадание... Ты это умеешь... Не изменяй себе, и все придет. Если хочешь, я помогу тебе, как получится, конечно...

Леля молча и вслепую подставила ему губы. Отличник поцеловал ее, и она стала вытирать лицо ладонями.

— Может, так и надо... Во мне, Отличник, иногда вдруг столько гадких мыслей появляется, что я сама себе удивляюсь... А ты говоришь, что я добрая.

— Это плохо, когда гадкие мысли, — согласился Отличник. — Но это не самое страшное.

— А что самое страшное?

— Когда не любишь, — убежденно сказал Отличник.

И тут дверь вдруг распахнулась и с порога раздалось:

— Та-ак, мои кости моют, сплетничают, на постели валяются!.. Лелька,

я тебя сколько раз предостерегала от случайных связей? Тем более с детьми.

Нелли закрыла дверь, скинула туфли и положила на стол сумку. Леля встала и подошла к Нелли, которая в это время убирала в шкаф косынку. Леля обняла ее сзади за талию и потерлась щекой о плечо.

— Ты все-таки не пошла на консультацию, Нелечка?

— Уйди, старая шлюха, — сварливо сказала Нелли.

— Ты меня еще любишь, Нелечка? — жалобно спросила Леля.

— Лелька, ты сама подумай, — отстраняясь и разворачиваясь лицом, нравоучительно сказала Нелли. — Я люблю Отличника. Ты у меня его отбиваешь. Целуешься, валяешься с ним в койке, ревешь — вижу по глазам. И как я могу любить тебя после этого? — Она сделала паузу и сказала Отличнику: — Я сейчас буду переодеваться, но ты можешь не отворачиваться. С детьми даже в женскую баню пускают.

Нелли начала расстегивать пуговицы блузки.

— Но ведь Отличник не твой лично, Нелечка, — заметила Леля. — Я ведь могу немножко его полюбить, пока тебя нет.

— Как не мой? — удивилась Нелли. — А чей же? Кто его воспитал, родил, грудью вскормил, в конце концов?

— Отличник общий, — упрямо возразила Леля.

Когда Отличник вернулся в свою комнату, Игорь и Ванька уже проснулись. Игорь заправил кровать, сидел на ней и курил, стряхивая пепел в пепельницу, стоящую перед ним на стуле. Ванька тоже сидел на своей изрытой постели и брэнчал на гитаре. У них обоих был такой вид, словно только что они сказали друг другу что-то очень неприятное. Следуя их примеру, Отличник тоже опустился на свою койку.

Ванька был босой, в мятых джинсах с расстегнутой ширинкой и в клетчатой рубашке, раскрытой по всей длине. Он внимательно глядел на гриф, по которому робко переступали его желтые прокуренные пальцы, и медленно, запинаясь, набирал на струнах мелодию романса «Белая акация». Ванька был одного роста с Отличником, но старше всех: старше Игоря на два года, Нелли и Лели на три, а Отличника — на целых шесть лет. Самым ярким впечатлением от его внешности была всклокоченная темно-рыжая борода, из которой торчал длинный нос. В противовес одетому Ваньке Игорь сидел на кровати в трусах и белых носках. Но, в отличие от Ваньки, который носил простонародные, раздольные сатиновые «семейники», Игорь признавал лишь узкие плавки. Они очень шли к его поджарой, вытянутой фигуре с широкими плечами и узкими бедрами, к

смуглой коже, щедро поросшей черным волосом.

Увидев Отличника, Игорь посмотрел на Ваньку и сказал:

— Иван. Вот пришел Отличник. Есть предложение начать серьезный разговор.

Ванька страшно не любил таких серьезных разговоров, в основном потому, что обычно его начинали воспитывать. Он уронил руку на струны, высыпав на пол оставшиеся ноты романса, и, глядя на гриф, запел дурным голосом, варварски себе аккомпанируя:

*— Поговорить серьезно надо,
Ведь мы живем одной семьей,
И я вас всех давно затраhal
Своим дурацким поведением...*

Некоторое время Игорь молча смотрел на Ваньку. Игорь был склонен к подобным эффектным театральным паузам. Ванька нервничал и злился.

— Ну, Иван, — начал Игорь, — будь так добр, расскажи, как ты провел миновавшую ночь.

Ванька механически колупнул ногтем струну.

— Хрена ли докапываешься? — грубо спросил он. Ванькина грубость была первым шагом назад.

Игорь, соответственно, сделал шаг вперед.

— Ну, поведай нам, с кем ты принимал алкоголь, в каких количествах? Поясни, зачем ты производил на черной лестнице нечеловеческий ор, из окна — бросание бутылки, в коридоре — выбивание дверей? Поясни нам, во имя чего все это?

— Во имя моей собственной охоты к этому, — пробурчал Ванька.

— Ну хорошо, Иван, — сдерживаясь, сказал Игорь. — Судя по всему, для тебя большую ценность, нежели Леля, Нелли, Отличник, в конце концов, я, представляют горячительные напитки вкупе с Гапоновым, Ринатом, Жихарем и иже с ними. Видимо, они за тебя беспокоятся, ты им дорог, они желают тебе помочь, даже если ты их не уполномочивал. Пусть так. Тогда узнай, дорогой друг, что с утра визитом доброй воли тебя лично почтила Ботова Ольга Васильевна, комендант.

— И чего этой глесте надо? — хмуро спросил Ванька.

— Она сообщила нам, что завтра состоится студсовет и тебя выселят

из общаги.

— Хер они меня выселят, — уверенно сказал Ванька.

— Иван, позволь тебе напомнить, что ты живешь здесь четвертый год. Следовательно, ты знаешь, что этот акт имеет большую степень вероятности и проводится элементарно.

— Ну, выгонят, и плевать. Вернусь через день, и все.

— Сейчас начало сессии у заочников, Иван. Мест в общаге и так нет, а теперь тем более.

— Выгоню этого драного заочника, которого на мое место поселят, и барахло его в окно вышвырну, — более уверенно сказал Ванька, вдруг схватил гитару, заиграл и заорал:

*— А пусть он, гнида, собирает
Да по асфальту свои шмотки,
Свои дырявые рубашки
И сорок пар носков вонючих,
А также свой будильник верный,
И туалетную бумагу,
И семь трусов своих семейных
Да по огромному пространству!..*

— Прекрати ерничать, — продолжил воспитание Ваньки Игорь, переждав Ванькину серенаду. — Кого ты выгонишь, Иван? Селить будет Гапонов, и поселит он своего собутыльника, скажем, того же Жихаря. Ты Жихаря сумеешь выгнать, Иван? Подумай в меру своих возможностей.

— Не будет он селить его вместо меня. Бухали же...

— Не тешь себя иллюзиями, Иван. Он поселит. Ему на тебя наплевать. Какие они тебе друзья? Проглотят и не подавятся.

— Ладно, Игореха, я уже миллион раз это слышал... Ну и что? Вам-то что, а?

— А нам вот что, слушай. Ты, безусловно, станешь жить нелегалом. И вот тебе вопрос: где? Есть вариант: в комнате у Нелли с Лелей. Это значит, что через неделю тебя выловит бабка Юлька, доблестный вахтер, и всей комнате будет за это непоселение на будущий год.

— Не ссы, не буду я там жить, — раздраженно сказал Ванька. — И без вас найду где...

Игорь обомлел.

— Ты, Иван, за кого, интересно знать, нас считаешь? Да это же свинство чистой воды, Иван...

Игорь поднялся, сдернул со спинки стула свои брюки и, повернувшись к Ваньке спиной, принялся натягивать их, прыгая на одной ноге. Ванька молчал, сидел неподвижно, а потом вдруг яростно сбросил с колен гитару.

— Блядь! — в сердцах выругался он. — Ладно, простите меня. Игореха, слышь?.. Не люблю я этих бесед за жисть... Давайте конструктивно поговорим. И сигаретой угости.

Игорь, стоя спиной к Ваньке и отдуваясь, застегнул ширинку, ремень, достал из кармана пачку сигарет и бросил на стол.

— Не злись, Игорь, — попросил и Отличник.

— Зачем ты его жалеешь, Отличник? — спросил Игорь, все еще не глядя на Ваньку. — Он же нас ни в грош не ставит!

— Ну, хватит, Игореха, — зыркнув на него из-под бровей, сказал Ванька. — Полаялись, и будет. Скажи лучше, чего я должен сделать?

Игорь надел рубашку, сел на койку, тоже закурил и сказал:

— Во-первых, ты должен уговорить Гапонова, чтобы он тебя не выселял.

— Это как два пальца обоссать, — прокомментировал Ванька.

— Во-вторых, пообещать Ботовой, что прекращаешь пьянку. В-третьих, убрать стекла от бутылки с асфальта под окнами. Со своей стороны я сегодня поговорю с комендантшей и попытаюсь ее умаслить.

— Лучше ублажи ее, — скромно посоветовал Ванька.

— Твои остроты, Иван, очень часто отличаются отсутствием ума, юмора и такта, — холодно заметил Игорь.

— Ладно, замаяли, — тут же согласился Ванька.

— А зачем заминать, Иван? У тебя излюбленная тактика — не выяснять отношений.

— А на хрена нужны эти гнилые разборки?

— Эти, как ты выразился, Иван, гнилые разборки нужны, чтобы лучше понять друг друга. Например, понять, почему ты пьешь.

— Ты чутьем понять попробуй, а не лезь в душу.

— Я не лезу в душу, Иван. Я не вор. Я прошу разрешения войти. И все-таки ответь на мой вопрос: почему ты пьешь?

— Станция «Березай», приехали, вылезай! — с досадой сказал Ванька.

— Леля думает, что ты... — начал было Отличник.

— Да заколебала Лелька меня своей простотой! — разозлился Ванька. — Знаю я все, что она думает! Думает, что у меня баба какая-то,

которую я безответно люблю, оттого и пью. Убеди ты ее, Отличник, как друга прошу, что фигня все это!

— Но, Иван, ты действительно живешь неправильно, хотя я и не берусь судить о причине. Мы все хорошо изучили тебя, и мы видим, что ты не тот, за кого себя выдаешь, что твой образ жизни — это гусарство, лихачество. Он не годится для тебя, потому что ты слишком умен, слишком тонко чувствуешь...

— Где тонко — там и рвется, — перебил Ванька.

Игорь осекся, но сообразил и продолжил:

— Вот посмотри, Иван, сколько сегодня ты нам неприятностей доставил. В конце концов, ты не только нам кровь переводишь, но, что для всех нас гораздо тяжелее, ты и себя гроишь, жизнь прожигаешь! Ты же не Гапонов, не Ринат и не Жихарь с Генерозовым, чтобы такая бездарная жизнь доставляла тебе, как ты утверждаешь, удовольствие!

— Короче, чего надо? — утомленно спросил Ванька.

— Не пей.

Ванька ответил кратко, энергично и матерно.

— Ладно, черт с тобой, Иван. Не пей с ними и не буянь. В принципе, это одно и то же. Если ты напиваешься в их компании, ты всегда буянишь. Давай договоримся: с сегодняшнего дня ты пьешь только с нами. По рукам? Тебе можно верить?

— Почему я знаю, можно ли мне верить? — мрачно сказал Ванька.

Игорь поглядел на часы и хлопнул себя по бедрам.

— Может, на неделю, Отличник, мы совесть в нем пробудили, — сказал он, вставая с койки. — Пойдем тогда, мой юный друг, посетим пункт общественного питания с целью общественно напиться. А ты, Иван, сиди тут и думай как о нашем разговоре, так и о нашем уговоре. Можешь заодно и ширинку застегнуть.

— Да ну вас... — буркнул Ванька. — Отвалите, Христа ради...

После столовой Игорь решил отправиться помогать Ботве и потащил Отличника за собой. Они прошли через вестибюль, чинно поздоровались с бабкой Юлькой, сидевшей на вахте, и свернули в небольшой коридорчик, где находились комната и кабинет комендантши. Игорь велел Отличнику подождать в коридоре, а сам постучался и вошел.

Отличник слонялся у двери комендантской не меньше получаса, пока наконец не вышли Игорь и Ботова. В руке у Игоря была плоская, грязная картонная коробка, вскрытая с одного конца. Из коробки торчала желто-прозрачная, промасленная оберточная бумага.

— А этот нам зачем? — запирая дверь, спросила про Отличника Ботова.

Игорь за ее спиной подмигнул Отличнику: все, мол, схвачено.

— Ну как зачем, Ольга Васильевна? — с укором пояснил он. — Помогать мне будет, подай-принеси. Согласитесь, по всяким мелочам не вас же мне гонять.

Они направились к лестнице и начали подниматься. Спускавшиеся навстречу девушки, увидев комендантшу, замолчали и, проходя мимо, внятно поздоровались.

На чердак общежития и далее на крышу имелось два выхода. Один люк над площадкой главной лестницы был тщательно окрашен и с незапамятных времен закрыт на амбарный замок. Второй люк над черной лестницей был ржав, но всегда открыт. На зиму петли замка заматывали проволокой, но по весне студенты сдирали ее и лазили наверх учиться и загорать.

Ботова остановилась под этим люком, задрала голову и сказала Игорю:

— Ты взгляни, Игорек, там на крышке люка петли для замка, а одну сорвали, и люк не запереть. Ты уж почини как-нибудь...

— Нет проблем, — поднимаясь по грохочущей стремянке и осматривая петли, сказал Игорь. — Для вас, Ольга Васильевна, хоть с крыши сброшусь... Отличник, подай, мой друг, плоскогубцы.

— Нет, Игорек, сбрасываться не надо, — посоветовала комендантша. — До меня-то другой комендант был, так вот при ней — в каком это? Году в восемьдесят втором, получается, — один дурак спрыгнул, и поперли коменданта...

— И вас после этого назначили?.. Отличник, теперь отвертку... То-то старшекурсники мне говорили, пока я на первом-втором учился, что раньше в общежитии бардак был, а теперь — порядок. А почему тот дурак спрыгнул, Ольга Васильевна?

— Кто его знает. Наверное, пьяный был.

— Пить — здоровью вредить, — изрек сверху Игорь.

— Это ты Симакову скажи, — сварливо отозвалась комендантша.

— Мы его, Ольга Васильевна, под вашим руководством от выпивки мигом отучим, — заверил Игорь.

— Не верится мне что-то, Игорек. Я вот гляжу: компания у вас там не из тех, где исправиться можно. Один ты приличный человек.

Отличник глядел вверх и видел небо в чердачном проеме, небо, в темноте помещения лучисто-голубое, ослепительное, с белым пером облака. Отличник как-то забыл, где он находится. Этот лоскут неба,

отстриженный от небосвода, казалось, как живую картину можно было перенести в любую часть света. Он был безотносителен к земле, и поэтому под ним могло случиться что-то необычайное, чего на земле не бывает, что-то щемяще-прекрасное. Отличник вдруг увидел это палящее небо над кипящим тропическим лесом, обрезанным кромкой пляжа, где из песка торчат шипастые завитки раковин, а рядом гудит океан, встающий горой у горизонта... И там, на волосатом стволе поваленной пальмы, чью крону уже съел прибой, ждет его какая-то девушка, еще неизвестная, но уже любимая и желанная. Там, на вулканическом острове Тенерифа, ждет Отличника неизмеримое счастье.

— Отличник, — позвал Игорь, — подай петли, шурупы и молоток!

Отличник взял у комендантши неожиданно тяжелую коробку и осторожно высыпал на цементный пол ее содержимое: массивный замок в смазке, горсть шурупов, кольцо с ключами и петли. Выбрав нужное, Отличник подал все это Игорю.

— Почему это, Игорек, ты его так зовешь? — улыбаясь и глядя на Отличника, спросила комендантша.

Отличник покраснел.

— Потому что учиться на одни пятерки, — пояснил Игорь. Он чуть-чуть сполз вниз по лестнице и стал привинчивать новую петлю к косяку люка. — А за... чем вы, Оль... га Василь... евна, хотите крышу запел... реть? — Каждая пауза приходилась на тот момент, когда Игорь с силой давил на отвертку и ввинчивал шуруп.

— Да я сама-то, Игорек, ничего против не имею. Если вы там загораете — не положено, конечно, но я сквозь пальцы смотрю уж. Не такая я и самодурка, как вы считаете. Мне проректор велел. Есть тут у него люди, которые ему рассказывают все, ну, они ему и рассказали, что кое-кто тут из наших залезут на крышу, запрутся там и... это... Ну, короче, Игорек, велел проректор закрыть крышу, чтобы из нее публичный дом не устраивали.

— Подай замок, Отличник! — велел Игорь. — И ключи тоже.

Игорь вставил дужку замка в петли, запер замок и толкнул крышку люка вверх. Замок прыгнул, петли выдержали.

— Принимайте работу, Ольга Васильевна, — спускаясь вниз и отдавая ключи, отрапортовал Игорь.

— Ну спасибо, Игорек! — обрадовалась комендантша. — Теперь я твой должник. Приходи ко мне чай пить с печеньем.

— Непременно, Ольга Васильевна, — пообещал Игорь. — И вы к нам тоже приходите, не забывайте нас... Что ж, мой юный друг, не выкурить ли

нам сигарету после трудового подвига?

Комендантша пошла вниз по черной лестнице, а Игорь с Отличником вышли на балкон. Высокое солнце стояло над общагой, словно облокотившись о ее стену, сложенную из желтого, как вечность, кирпича. Игорь закурил и навалился на перила балкона.

— Дело сделано, — довольно сказал он. — Отмазал я Ивана, пока в комендантской торчал. Только вот не вызывает во мне положительных эмоций процесс лизания задниц... Я тебе, мой юный друг, сюрприз хочу сделать. — Игорь порылся в кармане. — Зная твою склонность к юношеским мечтаниям на крыше, я тебе у Ботовой с колечка ключик позаимствовал.

Игорь протянул Отличнику новенький ключ.

— Спасибо, — искренне обрадовался Отличник.

— Только уговор, — предупредил Игорь, — если тебя застукают, я тебе ключа не давал, хорошо?

Возвращаясь домой, у двери двести двенадцатой комнаты Игорь выбросил окурок, постучался и вошел. Нелли сидела на подоконнике и курила. Лели в комнате не было. Отличник не хотел заходить — он собирался засесть за учебники, но в проеме двери Нелли увидела его, и в таком случае уйти Отличник посчитал невежливым. Он вошел вслед за Игорем.

Нелли молчала, глядя на них. Подойдя, Игорь обнял ее за плечи и поцеловал в лоб.

— Чего приперлись? — фальшивым тоном спросила Нелли.

— На тебя посмотреть, — ответил Игорь.

— Посмотрели — и будет, — сказала Нелли, затянувшись сигаретой и отвернулась к окну.

— Ты чего такая злая? — напрямую спросил Игорь. — Узнала на консультации, что опять готовилась не к тому экзамену?

— Отстань, — раздраженно сказала Нелли. Она по-прежнему смотрела в окно и не поворачивалась.

Отличник подумал, что Игорь и Нелли лучше поладят вдвоем, и беззвучно приоткрыл дверь. Игорь оглянулся на него и благодарно кивнул. Отличник выскользнул наружу и пошел к себе.

Ваньки в комнате не было, но сидела однокурсница Игоря Марина Савцова. Это была невысокая, полная девушка с сильно развитой грудью и крашеными волосами. Она была довольно симпатичной. Лицо ее имело спокойно-развратное, какое-то манящее выражение, словно готовое каждый

миг смениться на выражение крайнего наслаждения. Марина оторвалась от газеты, которую читала, и с улыбкой поглядела на Отличника.

— Привет, — низко и нараспев сказала она. — А где Каминский?

— Ушел куда-то, — ответил Отличник, не желая, чтобы Марина сунулась сейчас в двести двенадцатую комнату.

— Ну ладно, ждать его я не буду, — с сожалением сказала Марина, встала и подошла к зеркалу. — Ты передай ему, что Надя Новиченко к родителям сегодня поехала.

— Передам, — сказал Отличник.

Марина хитро усмехнулась ему и поплыла на выход. Отличник понял, зачем она приходила. Игорь давно уже посвятил его в свои любовные похождения. Марина жила в двухместке вместе с Новиченко, и если та уехала к родителям, значит, Марина до завтрашнего вечера будет страдать от одиночества, которое Игорь поможет ей скрасить. Отличник взял полотенце и протер зеркало, словно стирая с него отражение Марины, а потом достал учебники и уселся на стул, где только что сидела Марина. Стул хранил тепло ее соблазнительного зада, и Отличник как-то разволновался, но потом плюнул, мысленно послал Марину по тому адресу, который только что его так взволновал, и раскрыл учебник.

А Игорь в это время запер дверь и вернулся к Нелли.

— Что с тобой, радость моя? — тревожно спросил он, пытаясь заглянуть ей в лицо. — Ты очень нервничаешь. Какая это сигарета по счету?

— Миллиардная, — издевательски сказала Нелли. Игорь мягко вынул сигарету из ее пальцев и выбросил в форточку.

— Ну-ка успокойся, — велел он, расстегнул верхнюю пуговку на ее блузке и аккуратно поправил крестик, висевший на золотой цепочке и похожий на крошечного человечка, пытающегося обнять Нелли своими лапками.

— Прекрати! — вдруг истерично крикнула Нелли, дернулась всем телом, оттолкнула Игоря и прыгнула на пол. На ее высоких скулах появились пятна румянца, а глаза были сухие и раскаленные. Нелли села на кровать, взяла со стола пачку сигарет и дрожащими пальцами стала разрывать целлофан.

Игорь с видом человека, выполняющего капризы тяжелобольного, уселся на стул напротив нее и положил ладони ей на колени.

— Рассказывай, в чем дело, — негромко, но твердо велел он.

— Думаешь, тебе будет приятно? — почти с ненавистью спросила Нелли, уставив на него пустые, черные дыры зрачков. — Расскажу, так

ведь, того и гляди, вмешиваться придется, суетиться, а там и по красивой морде схлопотать можно!..

— Нелли, — поглаживая ее колени, тихо ответил Игорь, — за что ты меня так обижаешь?

Нелли опустила голову, помолчала и начала рассказывать...

Напившись у Лели чаю, Ванька пошел клянчить у бабки Юльки метлу, чтобы замести бутылочные стекла под окном общаги, а Леля пошла его контролировать. Сама же Нелли отправилась в буфет за сигаретами. Она возвращалась, когда из дверей своего блока выглянул Ян Гапонов и окликнул ее:

— Караванова, посой!..

У Гапонова был странный, какой-то детский дефект речи. Сейчас Гапонов был сильно пьян, глаза его глядели тускло, светлые небольшие усы были прижаты на одну сторону.

— Зади, — велел Гапонов.

Нелли подумала, что Ваньке еще предстоит разговор с Гапоновым о выселении, поэтому решила не ссориться, а развернулась и вошла в комнату. Здесь царил бардак, окно было без штор, из открытого шкафа свешивалась штанина, воняло застарелыми окурками и потом. На соседней кровати храпел сосед и приятель Гапонова Ленька Генерозов. На столе на мокрых газетах громоздилась грязная посуда, валялись открытые консервные банки, окурки, стояла полупустая бутылка портвейна. Гапонов запер дверь, пошатнувшись, обошел стоящую на дороге Нелли и сел на единственный стул.

— Садись, — безразлично сказал он.

Нелли оглянулась. Ей не оставалось ничего иного, как сесть на кровать напротив Гапонова колени в колени. Гапонов долго молчал, глядя куда-то вниз, потом вздохнул, как перед тяжелым усилием, почти не вставая, вдруг уперся Нелли в плечи и повалил ее, ничего подобного не ожидавшую, на одеяло. Сам он моментально лег сверху, рывком подтянул ее вдоль кровати и, дыша в лицо перегаром, потащил узкую юбку.

— Я... з-закричу... — шепотом выдавила Нелли, силясь высвободить руки.

— Ори, — хрипло согласился Гапонов.

Юбка уже задралась до ляжек, когда Нелли наконец вырвала руки и схватила Гапонова за волосы над ушами. Как штурвал, она повернула голову Гапонова набок, и Гапонов со стоном перевалился в сторону. Нелли, освободившись, села и быстро соскользнула на пол. Отойдя на шаг, она оправила измятую юбку, опустив ее вниз и шевельнув бедрами. Она тяжело

дышала, прядь волос попала в рот. Не говоря ни слова, она пошла к двери, но, пока отпирала замок, Гапонов тяжело поднялся на ноги и дернул ее за локти, оттаскивая назад. Нелли прижалась к шкафу спиной, а Гапонов навалился на нее животом.

— Почему не даешь? — без выражения спросил он, снова подтаскивая вверх ее юбку.

Гапонов выдыхал прямо в глаза. Нелли отвела взгляд от его запекшихся губ, молча смотрела на бутылку портвейна, которая от толчка упала и разлилась по столу.

— Дай добром... Я же драл тебя на певом кусе, или забыла?..

— Все, Гапон, — сдавленно ответила Нелли. — Ты уже в полете...

— Ты же лядь, — просто сказал Гапонов. — Тебя же все имели, чего теперь девочку строишь, Караванова?..

Нелли резко ткнула пальцами Гапонову в ребра. От неожиданности Гапонов дернулся и отшатнулся, а Нелли еще оттолкнула его на середину комнаты и опять пошла к двери. Гапонов стоял неподвижно. Когда Нелли открыла дверь, Гапонов сказал ей вслед:

— Докобенишься, сука. Сосать у меня за счастье считать будешь...

Когда Нелли начала рассказывать об этом Игорю, она как-то моментально успокоилась, даже заledenела в спокойствии. Но чем дальше она говорила, тем ярче в ее речи проступало что-то истерично-вызывающее, тем циничнее, бесстыднее, гнуснее и подробнее он становился, и к концу Нелли уже злобно смаковала свою историю. Игорь сникал и сгибался. Нелли словно захлебывалась своим унижением и им унижала Игоря, стремясь сделать ему больно, очень больно, еще больнее, и находила зверское наслаждение в этом истязании его и себя. Окончив, она глядела на Игоря с ненавистью, с презрением победителя, глумящегося над побежденным. Она почти задышалась, готовая, кажется, броситься на Игоря и вцепиться в лицо ногтями.

Оба они молчали: Игорь — опустив голову, Нелли — жадно ища его взгляда.

— Забудь все это, — вдруг глухо произнес Игорь. Нелли хищно ощерилась, как волчица, и звонко, злобно расхохоталась ему в лицо.

— Больше этого не повторится, — сказал Игорь, встал, не прикасаясь к ней, осторожно обогнул ее колени и пошел на выход.

Отличник с учебником в руках лежал на своей койке. Игорь остановился у стола, спиной к Отличнику, оперся костяшками пальцев о столешницу и стал смотреть в окно.

— К тебе заходила Маринка, — сообщил Отличник. — Звала тебя к

себе, она сегодня всю ночь одна.

Игорь вдруг застонал и склонился над столом, словно его рвало.

— Боже мой, какая дикая грязь... — со страшной болью сказал он. — Ведь им ничего не стоит все растоптать, испоганить, загадить...

Отличник даже сел на кровати, пораженный словами и видом Игоря.

— Кроме нее, у меня же нет ничего... Она — последняя надежда моя... И они меня таким же паскудством делают, как и сами...

— Да что случилось-то, Игорь?.. — пролепетал Отличник.

Игорь выпрямился.

— Только что Талонов чуть не изнасиловал Нелли, — проскрипел он и бросился из комнаты.

Отличник вскочил, объятый мгновенным ужасом. Он нырнул под кровать за тапками и кинулся к двери, но столкнулся с входящим Ванькой. Ванька подмел асфальт от бутылочных стекол, выпил пивца и, проводив Лелю, возвращался крайне довольный жизнью.

— Стоять смирно! — гаркнул он, хватая Отличника. — Представляешь, харя, гляжу в окно триста десятой — там Танька Стрельченко, голая как лампочка, а за спиной у нее — Маркелов!.. Оборзело поколение!

Лицо у Отличника скривилось, как от зубной боли.

— А куда это Игореха почесал с такой рожей? Чай к Ботве пить?.. — по инерции весело спросил Ванька, и улыбка уползла в его бороду, как уж в траву. — Эй, чего тут у вас?

— Гапонов только что Нельку чуть не изнасиловал, — прошептал Отличник, глядя Ваньке в глаза.

— Блядь!.. — сказал Ванька и рванулся вон из комнаты.

Отличник метнулся за ним.

В это время Игорь уже добежал до комнаты Гапонова, стукнул в дверь и, не услышав ответа, вошел.

В комнате все было так, как описала Нелли. По столу разлилась лужа портвейна, в которой лежала бутылка и раскисшие окурки. Гапонов и Генерозов спали. Игорь постоял посреди комнаты, переводя дыхание, сел на стул, как недавно сидел Гапонов, и, подавшись вперед, потряс Гапонова за плечо. Гапонов закричал, расклеил мутные глаза и, увидев Игоря, вяло сказал:

— Пошел в жопу...

— Подъем! — крикнул Игорь и коротко, но сильно ударил Гапонова в левый бок.

От этого крика зашевелился и Генерозов. Гапонов застонал, потер кулаками глаза и сел на кровати, спустив босые ноги на грязный пол.

— Чего надо? — невнятно спросил он, взял со стола стакан с опивками чая, глотнул, выплюнул обратно набившуюся в рот заварку, поставил стакан под кровать и застыл в расслабленной позе.

— Так, Гапонов, — начал Игорь. — Ты сегодня затаскивал сюда Караванову? Слушай, учти, если ты хоть раз прикоснешься к ней...

— А ты кто такой? — поднимая голову и сосредоточенно вглядываясь в Игоря, вдруг спросил Гапонов.

— То есть — кто? — с вызовом поинтересовался Игорь. — Ты с похмелья меня уже не видишь?

— Говном воняет — чую, а ни хрена не вижу, — спокойно сообщил Гапонов, глядя на Игоря с таким выражением, с каким обычно ожидают разъяснения недоразумения.

— В общем, так, Гапонов, — уклонился Игорь. — Если ты хоть раз сунешься к Нелли, пеняй на себя. Она не твоя женщина, и заруби это себе на носу.

— Дай ты ему по рылу, Ян, — со своей койки предложил Генерозов.

Гапонов, казалось, задумался.

— Всегда драл кого хочу, — пожимая плечами, словно придя к парадоксальному логическому выводу, сообщил Гапонов Игорю. — Кого хочу, как хочу и скоко хочу.

— А попробуешь Караванову захотеть, будешь разбираться со мной! — предупредил Игорь.

— А тебе разок дам по яйцам, ты и успокоишься.

— Вот что, Гапонов! — взбесился Игорь, наклоняясь к нему. — Ты со мной не шути. Ты со своими шуточками допрыгаешься. Забудь про Караванову, добром говорю. Руки будешь совать — так я их тебе пообломаю, а если полезешь — по стене размажу, усвоил? Она — моя женщина, Гапонов, заучи это. Я за нее тебя любой ценой уделаю. Ты лучше и думать о ней не смей, козел!

Гапонов дослушал Игоря, не торопясь поднял ногу и вдруг мощно пнул по стулу, на котором Игорь сидел. Стул отпрыгнул на метр и с грохотом опрокинулся. Игорь, мелькнув подошвами кроссовок перед лицом Гапонова, рухнул на спину, ударившись затылком об пол.

Мгновение спустя дверь распахнулась, и в комнату ввалился Ванька Симаков.

Весь разговор Игоря с Гапоновым он подслушал. Отличник застал Ваньку возле двери гапоновской комнаты скорчившимся пополам,

прилепившим ухо к замочной скважине, с отвердевшим лицом, со скошенными глазами и шевелящейся бородой. Когда в комнате раздался грохот упавшего стула, Ванька моментально разогнулся. Взгляд его из бесконечной пустоты переехал на Отличника.

— Спрячься в кухню от Игоря! — яростно прошептал Ванька, толкнул Отличника в грудь и распахнул дверь.

Отличник, ничего не соображая, вылетел из блока в коридор и юркнул на кухню.

Ванька застал Игоря и Гапонова уже вскочившими и готовыми броситься друг на друга.

— Атас, мужики!.. — закричал он, втискиваясь между ними. — Спокойно, Игореха, спокойно, — тараторил он, обнимая Игоря за талию и увлекая в сторону. — Все живы, Игореха, Красная армия победила, Гитлеру капут...

— Ну-ка пусти!.. — пытаюсь вырваться, рычал Игорь.

Гапонов стоял молча. Ванька подтаскивал Игоря к двери.

— Остынь, Игореха, остынь, кому говорят, — твердил он. — Только мордобоя нам еще не хватало... Пойди в коридор, успокойся. Мне самому надо с Яном поговорить. Иди-иди, ты уже все сказал, а мы тебя внимательно выслушали...

Ванька дотащил обалдевшего Игоря до выхода, выпихнул его в блок и сразу захлопнул дверь. Игорь тотчас могуче пнул в нее. Ванька быстро отщелкнул замок, приоткрыл дверь, выставил в коридор бороду и спросил:

— Долбанулся, что ли?.. — и снова захлопнул. Приглаживая руками волосы, Ванька, не глядя ни на кого, прошел в комнату. Гапонов все так же молча сел на кровать. Из коридора не доносилось ни звука.

— Ну и срач у тебя, Ян, — сказал Ванька, неторопливо поднимая стул и усаживаясь на приличном от Гапонова расстоянии. — Давай поговорим, Ян, как мужик с мужиком. Генерозов, ты, наверное, пописать хочешь?

— Пусть здесь остается, — хмуро велел Гапонов.

Ванька заерзал, доставая сигареты, и закурил.

— Чего с Каминским-то сцепился? — поинтересовался он.

Гапонов тоже медленно закурил.

— Кама на меня залупой пошел, — спокойно пояснил он.

— И что дальше делать будешь? — осведомился Ванька, стряхивая пепел в ближайший стакан.

— Что хочу, то и буду, — веско ответил Гапонов.

— Не надо, Ян, доставать Каминского, — сердечно попросил Ванька. — Фигня ведь начнется, сам знаешь.

— А чего мне этот дрищ сделать сможет? Рыпнется — по зубам огребет.

— Ты как пацан, честное слово, — поморщился Ванька. — Ну, своротишь ты ему скулу, так ведь выселят за драку.

— Кто выселит? Сам я себя, что ли, выселю?

— Ну, я тебя как друга прошу, — сдался Ванька. — Оставь его.

— А тебе-то чего?

— Он меня выручал, когда мне было хреново, и я за него заступлюсь.

— Да я против него ничего не имею, — пояснил Гапонов. — Ну, возбужнул раз от гонора — хер с ним. Он мне не мешает, пусть живет.

— Так ты к Каравановой не лезь.

— А чем я его хуже? Он имеет, и я хочу. Она же лядь ошажная.

— Во-первых, она не блядь и блядью не была, — начал Ванька.

— Ага, — перебил Гапонов. — С половиной моего курса перекувыркнулась, и целочка, значит? И сам я ее по пьяни прищемил, но дано.

— Видишь, это было давно, Ян, — устало возразил Ванька. — И про блядство ее — на три четверти вранье. Кому не дала — тот и вонял с досады. А теперь у нее есть постоянный мужик — Каминский, и ты лучше не суйся.

— Токо что мне это Кама вкручивал, теперь ты?

— А что мне прикажешь делать? — удивился Ванька. — Я живу вместе с ним, и это меня задевает! К тому же не обломится тебе.

— Может, и обломиса, — многозначительно сказал Гапонов. — Чего это она Каме дает, а мне не дас? Знаю я этих баб, замуж она хочет, вот и держиса за этого мудозвона. Зесь, в ошаже, эту лядь никто больше, кроме него, не возьмет, а ей дано пора. Еще один аборт — и она уже рожать не сможет, кому такая нужна будет? Тем более если здесь, в ошаже, она мужика не заведет, ее затрахают насмерть.

— Даже если и так, — разозлился Ванька, — Каминский-то берет ее в жены!

— А я, может, тоже на ней бы жениса, — ухмыльнулся Гапонов.

Ванька в изумлении присвистнул.

— А что? — довольный произведенным эффектом, сказал Гапонов. — Баба она хорошая, на рожу красивая и в постели ток знает. За мужа держаса будет, хозяйственная, самостоятельная. А лядовать начнет — успокою.

— И ты думаешь, что если она тебе поверит, что ты на ней женишься, так сразу тебе и даст? А потом ее под зад коленом?

— Сразу и дас, — согласился Гапонов. — А потом видно будет.

— Все равно не даст, Ян, — сказал Ванька. — Не поверит.

— Каже верит, а мне не поверит?

— Мне не объяснить тебе, но положиись на мое слово. — Ванька помотал головой, раздумывая. — Я ее лучше, чем ты, знаю и точно говорю: не поверит. Не даст.

— Ну, это я без тя разберусь, — спокойно ответил Гапонов.

Оба они замолчали.

— Слушай, Ян, — с трудом начал Ванька. — Я тебя как друга хочу попросить: выбрось ты все это из головы. Ни к чему хорошему это не приведет. Отстань от них обоих, Ян.

— Пошел ты на хер со своими просьбами, — отрезал Гапонов.

Ванька поднял на него взгляд.

— Не надо так говорить мне, Ян, — вкрадчиво произнес он. — Я с тобой пока по-человечески беседую, как с другом, и зла не хочу.

— Да я сам о себе позабочусь, Ванька.

— Что же ты тогда о себе не позаботился, когда зимой тебя менты загребли? Кто тебя отмазывал, может, помнишь? А когда из техникума тебя плющить приходили, кто еще из наших за тебя вышел, а? Или тот случай с Вьюшковой — припомни, кто тогда все замял?

— А чего ты мне это в лаза тычешь?! — разозлился Гапонов. — Я тя просил тогда, что ли?

— Нет, не просил, я тебе как другу помогал.

— Ну, помог, и спасибо. Что терь, мне те за это всю жизнь ноги целовать?

— Обойдусь без поцелуев. Ты лучше отстань от Каравановой.

— Не лезь не в свое дело, Ванька, я тебе уже сказал.

— А ведь тогда, Ян, я тоже не в свое дело лез.

— Ну что за нафиг, лядь! — в сторону сказал Гапонов. — Ты долбанутый, что ли, ни хера не понимаешь?

— Все я понимаю, Ян, — медленно ответил Ванька. — И то, что ты из-за стояка своего Каравановой жизнь поломаешь — тоже понимаю. Тебе других баб мало, что ли?

— Своих баб считай, Симаков. Ты меня уже достал.

— Дай ты ему в рыло, Ян, — со своей кровати предложил Генерозов. — Видно ведь, чего ему от тебя надо.

— Зажми щель, Говнорезов, — не оглядываясь, сказал Ванька.

— Ах ты... — приподнимаясь, начал Генерозов. Ванька развернулся на него, взял со стола за горлышко бутылку и вдруг швырнул ее в стену над головой Генерозова. Бутылка лопнула, просыпавшись вниз, и Генерозов

вжался в койку.

— Я за такую фигню сейчас вышвырну тебя осюда, Симаков, — спокойно предупредил Гапонов.

— Шакалов своих прижать не можешь, а меня выбросить намылился? — Ванька со злой улыбкой глядел на Гапонова. — Я еще не договорился с тобой. Если ты добром отстать не хочешь, давай посчитаемся. С тебя должок и за технарей, и за Вьюшкову, и за ментов. Давай расплачиваться. Баш на баш — и разойдемся.

— Да ты сам у меня в долгах по уши, — усмехнулся Гапонов. — Еси б не я, ты за пьянку дано уж выперли бы из оцаги. Не начинай лучше, Ванька, кто кому должен. Зесь я хозяин.

— У меня нету хозяев, Гапонов. Учти, если ты снова начнешь под Караванову клинья подбивать, у тебя не с Каминским — сперва со мной разборки будут.

— Хер с пробормом я на тебя, Симаков, положил, понял?

Ванька надул щеки и медленно выпустил воздух:

— Последнее предупреждение, Гапонов. Я тебя долго уламывал, уговаривал, просил... Не заставляй меня к крайнему средству прибегать. Ведь потом сам себе яйца вырвешь.

— Зец, как ты мне надоел. — Гапонов, глядя на Ваньку, плюнул на пол и встал. Постояв перед Ванькой, качаясь с носков на пятки, он пошел к двери, отпер ее и открыл. Затем он вернулся к Ваньке, встал около него и вдруг схватил его за шкирку, свалил со стула на колени и рванул к выходу.

— Пошел осюда, гондон дырявый! — взревел он. Ванька локтем ударил Гапонова в пах и, когда Гапонов, зарывав, согнулся пополам, вскочил, схватил его за руку и умело выкрутил ее так, что Гапонов развернулся спиной к нему и выгнулся дугой, выпятив живот. Ванька подвел его к грязному столу, взял его за волосы на темени и ткнул его лицом в лужу портвейна.

— Ну, сука, не жить тебе... — прохрипел Гапонов.

— Теперь, Гапон, слушай меня внимательно, — почти спокойно сказал Ванька. — Запоминай, Гапон, сразу, надолго... От Каравановой ты отстаешь навсегда. — Ванька ткнул его в портвейн, как котенка. — Ты даже не думаешь о ней, понял?

— Ах ты, сука... — хрипел Гапонов.

— Это было во-первых. Во-вторых, — не обращая внимания, продолжал урок Ванька, — ты оставляешь в покое Каминского — ни разборок, ни драк, ничего... А в-третьих, завтра на студсовете все мы остаемся жить в общежитии — и я, и Каминский, и Караванова, и все мы

получаем поселение на будущий год, понял? Твердо запомни эти три требования. А если чего, слушай, Гапон, что я сделаю...

— Ну, с-сука... — твердил Гапонов, и Ванька снова обмакнул его в портвейн.

— Слушай, что я сделаю, — говорил он. — Я беру у Каравановой заявление и несу его в ментовку. Если Караванова не напишет, я сам напишу, мне терять нечего...

— Свидетеля нет, сука...

— Вот это самое главное, Гапон: я свидетель. Я свидетель, понял? Я тут за стенкой был, в двести шестой, у Бумагина, и все слышал. Бумагин подтвердит, что я в его комнате сидел. Если чего — я тебя заложу с потрохами, и загремишь по статье. Всосал? — Ванька сделал паузу и в последний раз начал тыкать Гапонова в портвейн. — Все услышал? Все понял? Все запомнил?

Бледный от волнения Отличник стоял у входа в блок. Ванька без слов обнял его за плечо, развернул и повел обратно в кухню. Из кухни им навстречу вышла девушка с чайником, кивнула и пошла дальше. Выкрашенная в вездесущий синий цвет, кухня была голая, но довольно чистая. В окне косым обрезом виднелась стена общаги, которая в это время дня заслоняла от кухни солнце. Все помещение заполняла густая тень, и от этого контраста город за окном, уже ощутивший приближение вечера, стал вызывающе ярким: оранжевые дома с черными и алыми окнами, жирные, болотно-зеленые кроны деревьев и фиолетовое небо, на дне которого светились вдали фантастически белые многоэтажки заречного района.

Ванька плюхнулся на подоконник, под которым стоял мусорный бак. К баку, как щит к надгробию воина, была прислонена крышка. Отличник сел на кухонный стол, чья столешница была покрыта рыжими кругами ожогов. Ванька закурил, поскреб бороду и спросил:

— Ты слышал?

— Слышал.

— Хреново все это... — Ванька сплюнул. — Гапонов-то, оказывается, сам к Нельке неровно дышит. Не надо было с ним ссориться, да деваться некуда... И шантаж мой белыми нитками шит. Ну, Бумагин, конечно, за меня горой, только изнасилования-то не было, да и заяв никаких никто писать не будет — чего Нельку позорить...

— Зачем же ты тогда всем этим грозил? — удивился Отличник.

— Сам посуди, отец. — Ванька снова сплюнул. — Нам что главное? Завтрашний студсовет пережить. На Нельку Гапонов и так больше не

полезет, меня побоится. А вот чтобы меня не выперли из общаги, мне Гапонова ошеломить надо было. Вот и ошеломил, блин. Лишь бы Гапон до завтра не расчихал, что к чему. А следующий студсовет только в конце сессии. Значит, если кого не зарежем, то доживем год в общаге. Лельке и Нельке на пятый курс поселение дадут без проблем, за ними грехов нет. Игорехе дадут, потому что его Ботва любит. И тебе дадут, потому что ты маленький, не пьешь, не куришь, учишься зашибись. Ну а о себе я сам позабочусь. Если Гапонов решит мне заподлить и не даст поселение, я ему еще тот цирк-шапито организую. Скажу: квасили вместе, а теперь я — пидарас, а он — д'Артаньян? Развоняюсь на всю общагу. Талона тогда самого из председателей выкинут. Так что мы при своих остались.

Отличник молчал. Ванька поглядел на сигарету в прыгающих пальцах.

— Игореха, конечно, правильно поступил, что побежал к Гапону резкость навести, — продолжил Ванька. — Но вот делать этого он не умеет, начал сопли на кулак мотать... А не успел бы я, так завтра на студсовете Гапонов сказал бы, что Камин-ский первым полез, Говнорезов бы подтвердил, а Игореха не стал бы ничего объяснять, чтобы Нельку выгородить. И меня с Игорехой на пару завтра турнули бы из общаги. К тому же Гапонов Игорехе здюлей бы навешал, а потом с полным правом опять на Нельку полез и началась бы форменная коррида.

Ванька докурил и ввинтил окурок в стену.

— Игореха, конечно, отличный человек, но слабоват. Он ставку делает только на свою любовь, а это слишком шатко для нашей долбаной жизни. Он думает, что коли с бабами он Александр Македонский, так и в остальных случаях всех победит и на хер пошлет. А разным Гапоновым на его любовь насрать прицельно с пожарной каланчи. Поэтому я и встрял. Хотя по уму мне эта склока — как для жопы дверца...

Ванька, выговорившись, спрыгнул на пол и поглядел на руки.

— Вроде не дрожат больше. Значит, не психую... Пойдем домой, отец. Сейчас Игорехе надо будет еще клизму поставить.

Игорь с Ванькой сначала поругались, потом помирились, потом ходили в двести двенадцатую к Нелли и Леле, потом решили купить вина и устроить общий ужин, потом поставили вверх дном всю комнату, разыскивая пустые бутылки, чтобы сдать их, потом наконец уперлись в гастронам, успев перед уходом опять разругаться. Отличник же решил снова сесть за учебу. Передряги передрягами, а сессия сессией, и экзамен приближался.

Но погрузиться в учение с головой ему все равно не удалось. Сперва

пришел за сигаретами Вадик Стрельченко. Потом по душу Игоря вновь явилась Марина Савцова. Потом кто-то искал, где живет какой-то Бобылев. Потом пришла успокоившаяся Нелли и, ругаясь, долго рылась в продуктовой тумбочке, выбирая что-нибудь на ужин. Потом снова пришла Нелли и, ругаясь, выгнала Отличника из-за стола, чтобы достать тарелки. Потом притащился однокурсник Отличника Максим Зимовец и долго, с унижением и угрозами, выпрашивал учебник. Потом опять пришла Нелли и, ругаясь, забрала соль. Потом в гости завалился Борька Аргунов и, видя, что никого нет, а Отличник занят, разлегся на Ванькиной койке и начал курить. Покурив и не дождавшись внимания, он за гриф, как убитого гуся за шею, подтащил к себе гитару, смел рукой накопившийся от бездействия на струнах музыкальный мусор и заиграл похоронный марш. Тогда Отличник не выдержал.

— Все, Аргунов, — вставая и собирая тетради, подвел он итог. — Не могу я больше в этой проходной учиться. Выметывайся — я запираю комнату и ухожу в читалку.

Читалка находилась на первом этаже. Отличник пошел туда через вестибюль, где на вахте бабку Юльку уже сменил какой-то студент из подрабатывающих старшекурсников. Читалка представляла собой большой, совершенно голый зал, полностью заставленный ученическими партами. За ее окнами в узком скверике вдоль общаги молодые мамы катали коляски и курили сигареты.

В читалке, несмотря на то что в сессию здесь собиралось много народу, стояла благоговейная тишина, нарушаемая лишь осторожным шорохом затекших ног, шелестом страниц и редким шепотом, столь тихим, что он почти превращался в телепатию. Отличник сел подальше от дверей за парту с красивой однокурсницей Милой Северьяновой и наконец-то полностью ушел в учебу.

Он просидел в читалке два или три часа, и его лишь дважды оторвали от занятий: один раз собрала конспекты и ушла Мила, другой раз, пригибаясь, словно под обстрелом, к Отличнику пробрался Игорь и сказал, что Нелли и Леля зовут его перебирать гречку. На это Отличник ответил, что он с утра мыл посуду, а некоторые дрыхли, и пусть они теперь сами перебирают гречку, а он будет учиться, потому что поступал в институт не для того, чтобы мыть посуду за тех, кто ночью шляется по бабам или вышибает двери, и не для того, чтобы перебирать гречку, а чтобы получать высшее образование. Прослушав гневную отповедь Отличника, Игорь, так же пригибаясь, убежал.

Отличник еще некоторое время сидел и читал, и тут за ним пришла

Леля.

— Отличничек!.. — театральным шепотом прокричала она и от ужаса округлила глаза. — Мы все уже за стол садимся!..

— Иду-иду, — покорно согласился Отличник, собирая тетради.

Общага переживала последний предсонный всплеск жизни. Двери ее хлопали, пропуская вереницы жильцов и гостей. В вестибюле у телефона-автомата маялась очередь. Со студентом-вахтером уныло ругалась какая-то девушка по поводу журнала, который у нее то ли свистнули со стола вахты, где обычно лежала выписанная студентами почта, а то ли вообще не принесли. На главной лестнице была суeta, на черной — голоса, смех и дым сигарет. Балконы усеяли курильщики, как воробьи — телеграфные провода. На кухнях шипела вода в кранах и могуче трещали на плитах сковородки. Из блоков доносился футбольный гвалт и захлебывающаяся скороговорка телекомментатора. Отличник шел по этим лестницам и этим коридорам, о чем-то несущественном болтая с Лелей, и ощущал, что он гаснет, растворяется, наполняя собой общагу, и его осязание становится вечным общажным сквозняком, его зрение смягчается прозрачными сумерками ее помещений, слух его превращается в голоса, смех, хлопанье дверей, кухонный шум, и душа его вмещает в себя всю вселенную общаги с ее радостью, разочарованием, первой любовью, надеждой и болью. Отличник шел и чувствовал, что он любит, бесконечно любит общагу.

В двести четырнадцатой Ванька, Игорь и Нелли уже сидели возле стола. На подоконнике теснились четыре бутылки, сипящий электрочайник и две кастрюли, у одной из которых из-под крышки валил пар. Ванька ковырял штопором в пробке пятой бутылки. В комнате все было синим от вечера и сигарет.

— Ты, блин, уже заколебал всех!.. — закричал Отличнику Ванька.

— Приперся все-таки... — проворчала Нелли с выражением глубочайшего неудовольствия.

Леля за плечи усадила Отличника и, целуя его в макушку, с вызовом сообщила:

— Он хороший, да! А вы все дураки.

Ванька вскочил, сдвинул четыре стакана и разлил вино.

— Лелька, где у этого чучела бутылка? — спросила Нелли, и Леля, спохватившись, попросила Игоря:

— Игорек, достань там из-за шторы лимонад Отличнику.

— Может, винища, харя? — подмигивая, спросил Ванька.

— Сами пейте вашу бурду, — отозвался Отличник.

— Это не бурда, Отличничек. Ванечка «Алиготе» купил.

— Пусть лимонад пьет, — строго велела Нелли. — Во-первых, не половозрелым детям вино противопоказано. Во-вторых, он денег не давал. Кстати, Отличник, с тебя два рубля. А в-третьих, хоть один нормальный человек будет среди ваших пьяных рож.

— Радость моя, ты бы лучше занялась тарелками, — ласково попросил Игорь.

— Не ори на меня! — сурово осадил его Нелли.

— Ну, понеслась... — вздохнул Ванька. — Давайте по пять грамм.

— Дождись Нелли, — придержал его Игорь.

— Подлец! — с пафосом сказала Нелли, столовским жестом кидая перед Ванькой тарелку с гречневой кашей и двумя сосисками.

Ванька плотоядно понюхал сосиски, блаженно засопел и обнял Нелли.

— Ты пищевая проститутка, Симаков! — отбрила его Нелли. — Ты женщинам за пищу отдаешься. Убирай из моего уха свою позорную бородавку.

— Ни одного поцелуя без любви, Нелечка! — поддержала ее Леля, раскладывая всем салат.

Наконец Игорь поднял стакан и, потупившись, замолчал.

— Не тани, отец! — застонал Ванька. — Душа горит!..

— Давайте выпьем за нас, — веско сказал Игорь. — Чтобы мы всегда были вместе и чтобы нам вместе всегда было хорошо.

Все выпили и переключились на тарелки.

— Чего это, Симаков, ты сегодня хорошее вино купил? — спросила Нелли, рассматривая бутылку на подоконнике.

— Это я собезьянничал, — с полным ртом сообщил Ванька. — В гастрономе в очереди передо мной мужик на свадьбу покупал целый ящик «Алиготе». А я что, не жених? Ну и взял тоже. Что крестьянин, то и обезьянин.

— По-моему, чуть-чуть недосолено, — поделился наблюдением Игорь. — Солнышко, подай соль, будь добра...

— Неблагодарная свинья, — подавая соль, сказала Нелли, которая солила кашу. — Больше никогда ничего не получишь.

— Ладно, хватит жрать, — неожиданно быстро сказал Ванька. — Пора погреться. — Он схватил бутылку. — Как говорят французы, «либерте, фрaternите, „Алиготе"».

— Не гони коней, Иван, — предостерег его Игорь.

— Пьяница-пьяница, за бутылкой тянется, — поддразнила Леля.

Ванька снова начал разливать. Отличник с изумлением заметил, что из

его тарелки уже исчезли салат и обе сосиски.

— Ну ты, Ванька, и горазд жрать, — сказал он с уважением.

— Ем быстро, — ответил Ванька.

— И много, — добавила Нелли.

— И часто, — добавила Леля.

— И не впрок, — подвел итог Игорь. Ванька разлил вино.

— Положить тебе еще салатику, Отличник? — спросила Леля.

— Мине тоже салатику, — пропищал Ванька, подсовывая тарелку.

Нелли взяла свой стакан, посмотрела на свет и удивилась:

— Что там за гадость плавает?..

Она поставила свой стакан Ваньке, а его стакан взяла себе.

— Вы слышали, друзья мои, что позавчера в пятьсот шестой комнате человеку голову проломили? — вдруг мрачно спросил Игорь.

— Как?! — потрясенно воскликнула Леля и уронила с ложки на стол салат. — За что?..

— Разлил, а потом долго держал, — пояснил Ванька.

— Дурак, — обиделась Леля.

— Надо нам с вами выпить за то, что у нас все обошлось, — сказал Ванька. Отличник понял, что он имеет в виду истории с выселением и с Гапоновым. — Я вот в связи с этим придумал уникальный рецепт, как справиться со всеми жизненными трудностями.

— Н-ну? — с сомнением поинтересовалась Нелли.

— Надо все проблемы разделить на две части — разрешимые и неразрешимые, — начал объяснять Ванька. — Разрешимые отбросить. Неразрешимые тоже разделить на две части — важные и неважные. Неважные отбросить. Важные тоже разделить на две части — срочные и несрочные. Несрочные отбросить.

— Короче, — велела Нелли.

— Короче, вот так все делить, делить проблемы, пока наконец не останется последняя, самая главная: где купить пива?

Все расхохотались и стали чокаться. Ванька влил в бороду свой стакан, снова схватил бутылку и разлил оставшееся.

— Иван, умерь свой пыл, — недовольно заметил Игорь.

— Рюмочка по рюмочке — веселый ручеек, — задорно ответил Ванька.

— Вот только напейся сегодня, Симаков! — грозно предупредила Нелли. — Я тебя любить больше не буду!

— Ты, Ванечка, так много пьешь... — робко сказала Леля. — Мы даже познакомились с тобой, когда ты был пьяный.

— Да? — удивился Ванька. — М-м... Не помню. И где это было?

— На втором курсе, в октябре, на дне рождения у Коли Минаева. Ну, это когда Игорь обидел Минаева... Мы играли в вопросы и ответы, а он спросил, почему в магазине минтай без головы дороже минтая с головой?

— И ты в тот день отдалась этому ничтожеству? — подчеркнуто мрачно осведомился Игорь.

— Дурак, — краснея, сказала Леля и толкнула Игоря в бок.

Взяв стакан, она начала пить вино мелкими глотками.

— Между прочим, Леля Леушина, — официально сообщил Игорь, — на втором курсе в октябре у вас еще был роман со мной.

— Заканчивался уже, — язвительно уточнила Леля. — Потому что вы, сударь, меня обесчестили и бросили.

— Значит, Лелька, когда я ночами не спала, думая о твоём будущем, ты у меня мужиков потихоньку отбивала? — ахнула Нелли.

— Ну, Нелечка, ты ведь тогда еще не дружила с Игорем...

— Дружила, — упрямо сказала Нелли. — Мы любим друг друга, Лелька, еще с абитуры, поняла, шлюха ты портовая?

— Осмелюсь возразить, — встрял Игорь, — что я поступил после рабфака, Нелли Караванова, радость моя, и мы не могли быть знакомы с абитуры, ибо я на абитуре никогда не был.

— Подлец! — сказала Нелли.

— Ты же тогда, Нелечка, любила Вовочку Петрова...

Тут Леля и Нелли хором расхохотались так, что Ванька, Игорь и Отличник, не зная чему, засмеялись вслед за ними.

— Расскажи, Нелечка, чем все закончилось, — попросила Леля.

— Дура, тут же дети, — ответила Нелли.

— Ну-ну, выкладывай, радость моя, — сурово насупился Игорь.

— Отличник, ты еще маленький, заткни уши, — велела Нелли. — И вообще, вы — скоты. Зачем вы развращаете мне молодого человека? Я его специально выращиваю в тепличной атмосфере, чтобы он женился на мне, когда я состарюсь и отдалюсь от дел.

— От тел, — поправил Игорь.

— Подлец, — сказала ему Нелли и обратилась к Отличнику: — Отличник, ты помнишь, что обещал на мне жениться?

— Ты изменник, Отличничек, ведь ты мне это обещал!..

— Оставьте его в покое, — досадовал Игорь. — Давайте говорите.

— Гуди, мать, — велел Ванька.

Нелли быстро послала Отличнику поцелуй одними губами.

— Дело было такое, — начала она. — Любили как-то раз мы с

Вовочкой Петровым друг друга.

И вот однажды напились и пошли в комнату к нему, он тогда один был. А мы с этой клячей, — Нелли кивнула на Лелю, — на втором курсе жили не в этой общаге, а напротив, а сюда приходили только один раз на день первокурсника. И решила я по пьяни переспать с Петровым... — Нелли искоса глянула на Отличника и чуть не рассмеялась. Ванька сиял, Игорь сидел смурной. — Ну, туда-сюда, захотелось мне перед самым главным покурить. Надела тапки и шубу на голое тело и вышла в коридор. Все мои тряпки у Петрова остались. Петров ждет. Через час вылетает — нет меня нигде. Бегал он, искал, а на вахте его бабка Юлька и спрашивает: не от тебя ли час назад голая девушка в шубе убежала? Петров примчался к нам с Лелькой — я там сижу. Швырнул он мне всю мою одежду, и больше мы с ним не встречались.

— Чего ж ты сорвалась-то от него, мать? — сквозь смех спросил Ванька.

— А я номер комнаты забыла, — пояснила Нелли. — В планировке запуталась, спросить не у кого — ночь. Сперва по этажу рассекала, потом с горя и двинулась домой.

— Типично общажная история, — угрюмо резюмировал Игорь.

— А чем тебе не нравятся общажные истории? — сразу же весело осведомился Ванька.

— Тем же, чем и общага.

— А общага чем не нравится?

— Я думаю, Иван, что от вопросов, которые не поражают собеседника глубиной интеллекта, следует воздерживаться.

— Знаешь, Ванечка, мне общага тоже как-то не нравится, — виновато сказала Леля. — Ну, не то чтобы категорически не нравится, а как-то не по себе здесь. Я едва захожу в общагу, моментально какая-то психованная делаюсь. Здесь атмосфера очень нервная, только крайности признаются, всегда чего-то из себя строить надо. Напряжение, как перед экзаменом, и отдохнуть невозможно. Если бы я могла, я бы, конечно, не жила здесь.

— Ты, солнышко, говоришь верно, но не видишь причин, — сказал Игорь. — Вот сейчас я объясню, а вы послушайте.

— Кто ясно мыслит, тот ясно излагает, — льстиво втиснул Ванька.

— Главный страх в общаге — это подавление личности, — выпреним слогом начал Игорь. — Человек здесь ничего не значит. Во-первых, его личное мнение никем не учитывается и попирается. А во-вторых, сама система здесь обрекает на нищету и несправедливость. Любая вещь здесь — шкаф, матрас или кипятильник — чужая, а заменить своим

запрещено, да и нелепо. И поскольку нет права чего-либо иметь, человек становится рабом того, кто дает ему со своего плеча. Отсюда проистекают два омерзительных свойства общаги.

— Каких? — спросил Ванька, который, для точности прищулив глаз, разливал вино.

— Их сущность в убеждении, что если человек ничего не имеет, то и считаться с ним нет смысла. Это выражается в том, что в общаге и жилье, и душа человека становятся проходным двором. Аннулирование закона «мой дом — моя крепость» здесь принято называть «общажной вольницей» или «общажным братством». И это квасное братство на руку только нахальству, цинизму и лицемерию. А если жилье и имущество становятся достоянием любого желающего, то и душа становится общественным достоянием. Эта полная открытость уничтожает тайну личной жизни человека, да и вообще таинство жизни. Отсюда и полное пренебрежение к нравственности.

— Давайте выпьем, — быстро вставил Ванька.

— А второе омерзительное свойство общаги — произвол. Здесь власть развращает гораздо быстрее и глубже. И страшно не ущемление прав, а его мотивация: отрицание духовной жизни у человека. Посмотрите сами: все, что здесь делается начальниками, посвящено одной цели — доказать тебе, что у тебя нет души. Благодарю за внимание.

— Но, Игореха, произвол, проходной двор — это все внешнее, — возразил Ванька. — Все равно остаешься самим собой, если, конечно, способен. А произвол — штука опасная и для того, кто его творит. Беззаконие власти порождает беззаконие бунта. Если решаешь вырваться, то свобода просто невообразимая, беспредел...

— Не дай вам бог увидеть русский бунт, — усмехаясь, очень тихо произнесла Нелли.

— Так что, Игореха, произвол в общаге — залог высшей духовной свободы. Ну а проходной двор... Так ведь это квасное братство не с бухты-барахты возникло, это какая-то форма совести... Колебет оно, конечно, часто, но если следовать его законам, то никогда подлости не совершишь...

— Ванечка, не надо материться, — попросила Леля.

— А тайн тут нету — так это двояко расценить можно, — не услышав Лели, продолжал разгоряченный вином Ванька. — Конечно, от этого и дикое общажное блядство. Но из-за того, что жизнь твоя прозрачна, здесь соврать нельзя. Вот за это я люблю общагу больше всего. Демагогии, идиотизма — выше крыши, но лжи здесь нет. Спасти себя тут только совестью можно. Ложь — это ведь главная защита человека. Если ее отнимают, поневоле психовать начинаешь. Из-за нервозности здесь... ну... сила

духовной жизни, что ли, выше. Общага сама тебя к высшей жизни вытаскивает.

— Эта тирада, Иван, по канонам литературных жанров называется панегириком, — веско заметил Игорь. — А он необъективен по многим причинам. Во-первых...

— Погоди, Игореха, дай договорить, — отмахнулся Ванька. Он был красный, потный, взлохмаченный. Внимательно глядя на него, Нелли аккуратно зажгла сигарету. — Здесь соврать нельзя, значит, верно себя оцениваешь и начинаешь к себе серьезно относиться, потому что, кроме себя, ничего больше нет. И жить по-настоящему только здесь начинаешь, потому что общага сразу ставит перед тобой те вопросы, на которые надо отвечать, если хочешь человеком оставаться. И нигде, кроме общаги, с ними напрямую не столкнуться, потому что обычно они растворены в быту, незаметны и даже как-то необязательны, ведь они же глубинные, сокровенные. Да, кроме общаги, и не ответишь на них нигде — накала не хватит, не готов будешь, прощелкаешь их к чертовой матери и останешься последним чмом. Здесь наша жизнь как в фокусе собрана, предельно обострена и обнажена, потому что общага — это... это...

Ванька опять сбился, не находя слов.

— Истина, — вдруг сказал Отличник.

— Не ожидал я, Иван, что ты вдруг окажешься таким пламенным апологетом общаги, — заметил Игорь, — и столько обнаружишь в ней достоинств, доселе нам не ведомых...

— Весь мир — общага, — сказала Нелли.

Отличник задумался: а чем же для него является общага? Он вспомнил ее всю, словно вышел из пересечения каких-то пространств и оказался напротив ее подъезда, а над ним, надменно не опуская взгляда, стояла общажная стена, сложенная из желтого, как вечность, кирпича. Отличник словно входил в смысл общаги, как в здание, и уже сам только вход нес в себе массу значений. Отличник представил, как он поднимается по ступенькам крыльца, и перед ним ряд из шести дверей. В этом ряду тайна только в крайней левой двери, ибо лишь она открывается, а остальные заперты намертво. Человек, решивший войти в общагу, обязательно почувствует свое ничтожество у этих зачарованных дверей, когда несколько раз подряд не сможет совершить элементарного действия — открыть какую-либо из них. А найдя нужную, он окажется в узком коридорчике, который собьет с толку, заставляя повернуть перпендикулярно тому направлению, на продвижение по которому человек затратил уже столько

усилий. Коридорчик этот разделен пополам еще одной дверью, которая, притянутая пружиной, всегда закрыта и хитро открывается на входящего, заставляя его сделать оторопелый шаг назад. И последним толчком этого несложного, но мудрого механизма принижения человека и сбивания спеси является коварный высокий порог, о который спотыкаются слишком робкие и слишком наглые. Для робких это напоминание о необходимости легкого поклона, а для наглых — удар, предупреждающий о том, что все здесь смерды, крепостные господина, воплощенного в громаде общаги, и, как все холопы, они должны оставить за порогом гордость и подчиниться закону, который неслышно и грозно звучит в каждом закутке.

После такого внушения вестибюль выглядит как тронный зал. Здесь, в вестибюле, квадратном, пустом и гулком, сходятся все ниточки от всех марионеток, рассыпанных по этажам. Здесь на телефоне-автомате краской написан его номер, точно очередное беспощадное напоминание о том, что все здесь принадлежит не людям, а чему-то высшему, обладающему правом и возможностью описать и пронумеровать все свое имущество. Те же черты высшего хозяина проступают в почтовом ящике с секциями, откуда торчат замурзанные пачки писем и где над каждой секцией начертана буква алфавита, словно некий символ, обозначающий определенную группу людей в инвентаре хозяина, объединенных по признаку, ускользающему от их понимания. Даже вахта в вестибюле — кафедра из досок, покрытых олифой, — это не более чем очередное свидетельство высшей власти, ибо вахтер и все проходящие мимо не обращают друг на друга никакого внимания.

Отличник вспомнил главную лестницу общаги, по которой постоянно снуют вверх и вниз и где невозможно пройти и марша, чтобы не посторониться, кого-нибудь пропуская. Люди здесь пытаются стать незаметными, тощенькими, скособоченными и услужливыми. Антиподом главной лестницы с ее пристойным внешним видом, иерархией, обязательной вежливостью и энергетическим оброком в виде усталости от долгого подъема служит черная лестница, и она воистину черная. Свет тут не горит, перила сорваны, стены покрыты надписями, а потолки закопчены от сигаретного дыма. Здесь на ступеньках, мешая движению, всегда сидят курильщики, и поэтому черная лестница лучше всего предназначена для сообщения только между соседними этажами. Выхода в мир она не имеет: ниже второго этажа она перекрыта дощатым щитом, а двери в вестибюль заколочены. Хотя черная и главная лестницы вроде бы должны быть конкурирующими, враждующими, на самом деле они не мешают, а помогают друг другу, разделяя функции, необходимые для бытия общаги.

Холлы удручающе голые; они различаются лишь наличием неподобающих предметов — листов фанеры, хромой тумбочки, выброшенной хозяевами, ученической парты, на которую во время дискотек водружается аппаратура. Ощущение сквозняка, пустоты и прохлады в холлах создают двери двух балконов, сквозь которые холлы навывлет пронзает солнечный свет.

В длинных и узких коридорах общаги воздух какой-то особый, не воздух, а эфир. Он всегда неспокоен, и даже ночью здесь не бывает тихо, потому что здесь словно бродят призраки иномерных событий, идут по стенам тени людей, дрожит напряжение отзвучавших голосов, текут неуловимые потоки пронесенной здесь когда-то любви, радости, обиды, боли, тоски или ожидания. Здесь трясется синий свет неоновых плафонов, а вдалеке всегда висит квадрат окна, из которого, если смотреть с расстояния, парадоксальным образом видны одни только облака. Зато если подойти вплотную, то можно увидеть весь город целиком — из окон общаги всегда видно больше, нежели позволяет линейная геометрия.

От общаги существует только одно освобождение — лестница на крышу. Главная магистраль не допускает мысли о свободе, и люк здесь закрыт. Если кто-то все-таки делает попытку подняться к нему по стремянке, стремянка лязгает и грохочет, привлекая к беглецу всеобщее внимание и публично позоря его любопытством зевак. Зато через люк над черной лестницей до сегодняшнего дня можно было подняться на крышу, парящую над городом вне пределов законов общаги. Но дальше иного пути, кроме самоубийства, нет.

Вечер испортил Ринат Ботов. Пьяный, он зачем-то шатался по коридорам, услышал голоса в двести четырнадцатой комнате и постучал. Было уже около полуночи, и Отличник, разозлившись на мужа комендантши, решил лечь спать. Не раздеваясь, он накрылся одеялом, но уснуть не смог — Ринат внес в компанию то угрюмое напряжение, при котором невозможно расслабиться.

Отличник лежал и глядел на Рината, одетого, как и его жена, в тренировочный костюм, глядел на его широкое, темное, мясистое и в то же время красивое татарской красотой лицо, которое сейчас было особенно вялым и тупым. Ринат, усевшись на стул Отличника, допивал вино и молчал. Нелли, пощипывая губу, отвернулась и глядела в черное окно. Игорь, лишь бы не разговаривать, курил сигарету за сигаретой. Леля посидела немного, потом тихонько собрала посуду и ушла ее мыть. Один только Ванька что-то рассказывал Ринату, махал руками, ржал над

собственными шутками. Ринат все не уходил и не уходил, и Отличнику стало жаль Ваньку, который своей неестественной оживленностью пытался сгладить неловкость ситуации и прикладывал мучительные усилия к тому, чтобы не обозлить Рината перед завтрашним студсоветом.

— Ванька, спой чего-нибудь, — подсказал Отличник.

Метнув на него благодарный взгляд, Ванька схватил гитару. Он спел свою любимую «Белую акацию», спел «Гори, гори, моя звезда», спел «Степь да степь кругом» — Ринат все сидел над последним стаканом и курил сигареты Нелли. Ванька спел еще песен пять, пока Ринат наконец не осушил стакан и не поднялся.

После его ухода воцарилось молчание. Леля не возвращалась.

— Пойду на мотор, куплю водки, — сказал Ванька. — Дайте денег.

— Может, Иван, остановимся? — грустно спросил Игорь.

Нелли молча достала и протянула Ваньке десятку.

Ванька надел кроссовки и ушел. Лели еще не было. Игорь и Нелли стали о чем-то тихо разговаривать, и Отличник отвернулся к стене. Услышав шорох, они замолчали — то ли испугались, что разбудили Отличника, то ли, наоборот, испугались, что он еще не спит и может их слышать. Отличник понял, что уснуть уже не сумеет, и загрустил оттого, что его присутствие тяготит Игоря и Нелли. Он решил пойти в двести двенадцатую к Леле, сел и пошарил под кроватью ногами, ища тапочки.

— Ты куда, Отличник? — заботливо спросила Нелли.

— В туалет, — сказал Отличник и пошел. Однако в двести двенадцатой Лели не было.

Возвращаться обратно Отличнику не хотелось, он побрел в коридор и там увидел, что Леля с кем-то стоит и курит на балконе. Отличник направился к ней и вдруг узнал в Лелином соседе все того же Рината Ботова. Ринат вдруг придвинулся к Леле, обнял ее и начал целовать. Отличник ясно видел их силуэты в проеме балконных дверей на фоне темного, но яркого неба.

— Не надо, Ринат, не надо... — услышал Отличник Лелин голос. — Нет, ну, прошу тебя... — Ринат тискал Лелю, забираясь под кавалерийский халат. — Уходи, — зло сказала Леля. — Я тебе говорила, что ничего тебе не будет... Иди к своим бабам. Отличник оторопел, замер на месте, но, опомнившись, бросился в кухню, нашарил в потемках крышку мусорного бака и брякнул ею по стене. Выглянув из кухни, он увидел, что Ринат убрал руки и оба они — Ринат и Леля, — щурясь, пристально смотрят в коридор. Отличник вышел и направился к ним.

— Мусор выбросил, — подходя ближе, пояснил он.

Ринат, рассмотрев его, отвернулся. Отличник встал на балконе рядом с Лелей, но по другую сторону от Рината, и облокотился о перила. Некоторое время они втроем стояли молча, потом Ринат засопел, распрямился, плюнул через перила и ушел.

— Он ко мне приставал, — подождав немного, сказала Леля.

— Да я видел... — неохотно сознался Отличник.

— Он уже ко мне давно пристаёт, — спокойно сказала Леля. — С прошлого Нового года. Говорит, любит, а мне он омерзителен... Ты меня презираешь, Отличничек?

— Господь с тобой, — улыбнувшись, успокоил ее Отличник.

Он поднял лицо. Небосвод над городом был полон мерного, бездонного, вечного и темного света, в котором на разной глубине, то любопытно-близко, то в равнодушной и невообразимой дали горели мелкие звезды. Лунный шар полупрозрачно таял, а сквозь него просвечивала бездна. Отличник ощутил, как сейчас, когда за полночь, в мире наступает время истины и все меняется местами: небо становится главным из всего, что есть в мироздании, а земля истончается в призрак; за внешней простотой видимого мира сквозит беспредельность космического смысла. Во тьме, как корабли, плыли кроны деревьев, темно-синие сверху и рыбно-чешуистые снизу, а рядом с ними на голых скатах крыш коряво торчали антенны, словно разросшиеся, подобно кораллам, железные кресты на фантастических погостах роботов. На асфальте хаотично смешивались и накладывались друг на друга полотна света от каждого фонаря и лучи теней от столбов и стволов. Вся эта качающаяся, пьяная чересполосица вертикалей казалась ветхими подпорками, сикось-накось поставленными под брюхо великой темноте.

— Поговори со мной, Отличник, — тихо попросила Леля.

— Там, наверное, Игорь и Нелли нас заждались... — первое, что пришло в голову, сказал Отличник, думая о своем.

— Не прогоняй меня.

— Я не прогоняю... Я так просто...

— Не ждут они нас. Они уже трахаются давно.

— М-м-м... — промычал Отличник, который никак не мог сосредоточиться и настроиться на разговор. — А почему Ваньки долго нет? До мотора минута ходу.

— Да вон он сидит, — просто сказала Леля. — Водку пьет.

— Где?... — снова растерялся Отличник, но тут и сам увидел в тени лип вдоль дороги человека на скамейке. Человек сидел неподвижно, только один раз шевельнулся и блеснула бутылка. Прежние мысли выскочили из

головы Отличника. Ему стало жутко. Он не понимал, почему Ванька в одиночестве сидит на скамейке и глушит общую водку.

— Боже мой, надо позвать его... — ежась, сказал Отличник.

— Не надо. Он напиться хочет. Со всеми вместе ему не хватит.

— Что с тобой, Лелечка? — поворачиваясь, спросил Отличник. — Почему ты говоришь про него так... равнодушно?

— Я, может, и не люблю его, — глядя на Ваньку, сказала Леля.

— А кого ты любишь? — тупо спросил Отличник.

— Тебя.

Леля сзади обняла его, прижалась к его спине и положила подбородок на его плечо, касаясь щеки щекой. Отличник почувствовал два мягких, жарких, давящих пятна на своих лопатках. Он ошарашенно молчал. Может быть, он и сам знал то, что сказала ему Леля, только не хотел разбираться, а точнее — верить. Внезапность Лелиного слова окончательно разрушила его способность понимать что-либо. А вдруг и нету на Земле никакого острова Тенерифа, показалось ему. Вдруг здесь, в этой общаге, в Леле и находится то, чего он ждет и даже не решается искать? Страшная жалость шевельнулась в груди Отличника, затыкая горло. Но Отличник с ужасом почувствовал, что он не хочет жалеть, не хочет любить, просто не может любить Лелю, хотя ему надо ее любить. Путь любви к Леле лежит через долгую боль, а в нем боли не было. Было только счастье, поэтому любовь к Леле стала бы ложью. Отличник понял, что он не нуждается в спасении, чем была любовь Лели. В нем столько силы и воли, что он никогда и не будет нуждаться в спасении. Он всегда сможет спасти себя сам. Ему нужна была только радость, а она ждала его под небом Тенерифы. И, словно оправдываясь, он спросил, хотя глупее этого вопроса вряд ли что можно было придумать:

— А как же Ванька?

— Ванечка останется Ванечкой. Он ничего не потеряет.

— Я ничего не понимаю, Леля, — мягко и виновато признался Отличник.

— Ты сам виноват, что я его тоже люблю...

— Почему я? Ты же была с ним знакома и до меня?..

— Ну и что? — По касанию щеки Отличник понял, что Леля улыбается. — Я люблю его так, как ты говоришь, — даром... И в том смысле, что люблю его лучшим, что есть во мне. И в том смысле, что не жду награды. И в том смысле, что зря люблю, напрасно.

— Почему, как же так?.. Лучшее, что есть в душе, — напрасно?..

— Ты почему-то, Отличничек. Значит, еще маленький. Был бы

взрослее — не спрашивал бы. Но когда ты повзрослеешь, ты уже не будешь таким... чистеньким.

Леля отстранилась, поцеловала его в макушку, убрала руки и встала рядом. Она молчала и попрежнему улыбалась, поставив локти на перила, сплетя пальцы и глядя куда-то на дорогу.

— Но почему? Объясни мне, Лелечка! — требовал Отличник.

— Почему самое лучшее — даром?.. — Леля продолжала застыло улыбаться, словно говорила о сущей ерунде. — Потому что мне стыдно. Сколько было до меня замечательных людей, великих людей, самых несчастных. Они знали истину об этом мире, а им никто не верил. Их прогнали, осмеяли, надругались над ними, а потом сбросили их в ямы с негашеной известью, сровняли могилы и забыли имена... Такие люди есть и сейчас, но почему я не могу их увидеть, найти, чтобы помочь, полюбить? Почему я такая слепая и черствая? Почему, наконец, они умерли, а я живу? И как мне не стыдно жить в этой вонючей общаге, в этой грязи, когда я думаю о них?.. Почему эта природа так прекрасна, бесконечна, бессмертна, а я мала, погана, смертна, но ставлю себя выше ее, сужу ее, наконец, просто плюю на нее, когда вместо того, чтобы посмотреть в окно, хлещу винище... Ведь от этих звезд свет столько тысяч лет шел, а я и имен их не знаю — стыдно это, непорядочно... Разве не стыдно, разве порядочно жить, когда не знаешь, зачем ты живешь, кто дал тебе эту жизнь? И ведь даже в бога не веришь, чтобы хоть обмануть себя... И вообще... Все главные вещи в мире — такие большие, могучие, но они существуют только в моем сознании, в сознании темного, слабого, ограниченного человека. Чувствуешь свой долг перед ними, а выполнить его как надо не можешь — ведь ты не великий, не могучий, не вечный... Стыдно. Я потому и держусь за Ванечку, что мне перед ним больше, чем перед другими, стыдно. Он ведь все понимает лучше всех нас и пьет именно поэтому, а там любовь его несчастная — только повод... Вот если бы я его любила только потому, что люблю, я бы счастлива была. А вот так, из-за стыда, — одно только мучение.

Леля замолчала, увидев, что Ванька, покачиваясь, идет к общаге. Его фигура была очень темной на фоне светлого от луны асфальта.

Леля распрямилась.

— Пойдем, Отличничек, — сказала она. — Неудобно, если он никого не застанет в комнате...

— Я не хочу пока... — помотал головой ошарашенный Лелиной откровенностью Отличник. — Ты иди одна, Лелечка... Я еще чуть-чуть постою здесь, хорошо?

В то время когда Леля и Отличник стояли на балконе, Игорь и Нелли ушли в двести двенадцатую комнату и заперли дверь. Игорь прямо у двери начал обнимать Нелли, целовать ее глаза и губы, а Нелли, вялая и сонная от вина, молча и неуверенно отстранялась. Игорь принял ее нежелание за память об истории с Гапоновым. Расстегивая на Нелли блузку, он нежно шептал:

— Забудь все... Кроме нас, сейчас ничего больше нет...

Нелли разделась сама, бросая скомканную одежду куда попало. Ее покачивало. Наклоняя голову и изгибаясь всем телом, она достала из ушей сережки. Игорь аккуратно повесил брюки и рубашку на спинку стула.

Повалившись на кровать, Нелли покорно принимала ласки Игоря, только немного отворачивалась, когда он пробовал ее поцеловать.

— Ты сейчас забудешь, как тебя зовут, радость моя... — хрипло обещал Игорь. — Ты увидишь, что никто не делает этого лучше меня...

— А зачем тебе... так?.. — поддаваясь напору Игоря, равнодушно спросила Нелли.

Игорь молчал, тяжело дыша.

— Душа спасенья ищет, — наконец сказал он.

Леля, нервно-возбужденная, с ежесекундно меняющимся лицом и белым, почти истеричным блеском в глазах, зашла в комнату вслед за мотающимся Ванькой и сразу заперла дверь. Ванька плюхнулся на стул и в первый же попавшийся стакан налил себе водки из бутылки, которую, осушив наполовину, притащил с собой.

— Ванечка, не пей больше, — дрожащим голосом попросила Леля.

— Больше не буду, — кивнул Ванька. — Но меньше и столько же — буду. — Он брякнул бутылку на стол.

— Не надо, — опять жалобно попросила Леля, садясь рядом.

С Ваньки на миг словно слетело опьянение, когда он твердой рукой поднял стакан, резко выдохнул в сторону и выпил.

— Почему не надо?.. — почти без голоса спросил он и ковырнул чьей-то ложкой засохшие объедки в чьей-то тарелке.

— Ну, ради меня не надо...

— Ради тебя? — Ванька искоса глянул на Лелю. — Ты у меня — сокровище... Это повод поднять за тебя тост.

— Я тебе... Я тебе эту бутылку сейчас об башку расколю! — вдруг с ненавистью, наклонившись вперед, крикнула Леля.

— Это мысль, — жуя, согласился Ванька. — Это, мать... ты здорово придумала... просто, знаешь ли... великолепно...

— Ванечка, — Леля тяжело дышала, — ну оставь водку...

— Чего тебе от меня надо, Леля? — вдруг ясно спросил Ванька.

Леля растерялась. Ванька снова налил. Леля встала и, казалось, не знала, что сделать. Постояв, она вдруг быстро села Ваньке на колени и обняла его за шею. Ванька едва успел убрать стакан.

— Ванечка, но ведь я же люблю тебя, — со слезами, бегущими по лицу, сказала Леля. — Ну, не пей сейчас... Я хочу тебя...

— Давай, мать, лучше дерябнем, — опять пьяно сказал Ванька.

— Я не хочу водки... Я хочу тебя...

— Ничего не получится, мать, — виновато сознался Ванька. — У меня у пьяного ничего не работает.

— А ты посмотри на меня... — убеждала Леля. — Ведь я тебе нравилась, ты сам говорил...

Ванька покорно потрепал Лелю где-то под мышкой.

— Ну, понимаешь, Леля, не хочу я сейчас, — с трудом сказал он и погладил Лелю по голове. — Не могу я... Тоска...

Леля слетела с его коленей, ударившись задом о стол.

— Скотина! — задыхаясь, крикнула она и сжала перед грудью кулачки. — У тебя уже кончено все, что раньше было, а ты еще!..

Она закрыла лицо ладонями и ничком упала на кровать Отличника.

Ванька тяжело вздохнул, медленно налил водки и быстро бросил стакан к бороде. От такого частого питья на этот раз его чуть не вырвало. Он издал горлом утробный звук, схватил другой стакан и вылил себе в рот каплю вина, оставшуюся в нем, чтобы перебить вкус водки. Отглотавшись и отдышавшись, он вытер губы и пересел на кровать Отличника рядом с неподвижно лежащей Лелей.

— Эй, мать, — поглаживая ее по задку, позвал он. — Я больше не пью.

— Зажрись своей водкой, дурак! — сквозь слезы глухо ответила Леля.

— Это ты, мать, дура, — ласково поправил Ванька. — Дурее Ботвы. Я тебе сто пятьдесят пять тысяч раз говорил: нет нигде у меня никакой несчастной любви! Слышишь, мать?.. Нет и не было. Честное пионерское. Бля буду. И никого я не любил и не люблю, кроме тебя, старой дуры. Слышишь меня? Ну скажи, слышишь?

Отличник сидел на полу в блоке и чуть не плакал. Он пришел с балкона, дважды постучался в двести двенадцатую, потом дважды в двести четырнадцатую, но нигде ему не открыли. Он приложил ухо к замочной скважине и услышал, как скрипят панцирные сетки. «Они уже трахаются давно...» — всплыла в памяти фраза Лели. Там трахаются, и тут трахаются.

Там заперто, и тут заперто. Отличник понятия не имел, сколько длится этот процесс. Он вспомнил то предчувствие любви, которое пело в нем при мысли о Тенерифе, и ему вдруг показалось, что лучшие друзья обокрали его.

Из коридора донеслись чьи-то голоса, и Отличник поднялся, надеясь, что это не спит кто-нибудь знакомый, у кого можно посидеть полчасика или даже переночевать. Отличник вышел в коридор и увидел Рината. Отчаяние ударило в виски.

Ринат разговаривал с девушкой, которая жила в самой дальней по коридору двести двадцатой комнате. Весь этаж знал, что эта девушка была любовницей Рината. Свою дверь она приоткрыла сантиметров на десять и держала на цепочке. В щель Отличник видел, что девушка стоит в ночной рубашке, с распущенными по плечам волосами. Отличнику было жаль эту девушку.

Имени ее он не знал. Она училась на одном курсе с Отличником, но держалась особняком, ни с кем не поддерживая отношений. Было ей лет семнадцать. В первый раз Отличник увидел ее после зачисления в институт, когда пришел в профком выписывать ордер на поселение в общагу. Эта девушка просила председателя профкома дать ордер и ей, но председатель отказал, потому что в общагу селили только иногородних студентов. Девушка рассказывала какие-то ужасы о своей семье с отцом-алкоголиком, братом-уголовником и многодетной матерью. Сжалившись, председатель посоветовал ей устроиться в общагу вахтершей, чтобы получить поселение. Когда начались занятия, Отличник с удивлением узнал, что эта девочка все-таки поселилась, причем вахтершей не работает, а живет по-царски: одна в четырехместной комнате. Впрочем, потом Отличник увидел, что у нее ночует Ринат, и понял, какой ценой девочка ушла из дома. Ботва все знала про это, но не трогала ее, хотя иной раз, вытаскивая по ночам из двести двадцатой пьяного мужа, орала и называла блядью. Из-за своего положения девочка стала нелюдима и неразговорчива, и общага, не дождавшись склок или скандалов, вскоре отвернулась от нее и забыла о ней.

— Пусти, — тускло говорил Ринат, упираясь ладонью в дверь.

— Убирайся отсюда, — с ненавистью тихо говорила девочка.

— Пусти, б-твою мать... Дверь, на хер, вынесу, если не откроешь, стерва, — угрюмо предупредил Ринат.

— Ты больше от меня ничего не получишь, — торопливо произнесла она. — Больше не смей прикасаться ко мне, скотина... Можешь выселять меня отсюда, я тебя никогда больше не пущу, понял?

— Дверь выбью, — тупо повторил Ринат и пнул по косяку.

Отличник и сам не понял, как он двинулся к Ринату. Ноги шли, голова плыла в тумане, а дух рвался вон из тела от страха.

— Отстань от нее, Ринат, — очень тоненько сказал Отличник.

Девочка увидела Отличника и испугалась его больше, чем пьяного Рината. Ринат с трудом повернул к нему голову.

— Чего надо? — вяло спросил он.

— Отстань от нее, — теперь осипнув, повторил Отличник.

— Пошел на хер, говнюк, — ответил Ринат, отворачиваясь. — Открой, сука! — велел он и злобно ударил в дверь кулаком так, что девочка отшатнулась вглубь комнаты.

Отличник как во мгле увидел, что его рука вытянулась в пространстве и легла на плечо Рината.

— Отстань от нее, — повторили губы. Никакая другая фраза уже не сочинялась.

Ринат убрал с двери кулак, снова оглядываясь на Отличника, и вдруг гигантская, исполинская пятерня, пахнувшая табаком и потом, закрыла Отличнику весь мир, смяла его лицо и толкнула назад. Отличник почувствовал, что летит, и в следующий миг ударился затылком о невообразимо твердый цементный пол.

Свет в глазах Отличника почему-то не погас, а долго-долго тек, шевелился, переливался и, наконец, сгустился в предметы. Голова Отличника лежала в ладонях у девочки, которая только что пряталась за дверь, и перед собой Отличник увидел ее бледное лицо, упавшие волосы и большие темные глаза.

— Не бей его!.. — убегая в сторону, кому-то крикнули глаза и вернулись обратно, слившись с глазами Отличника. — Тебе больно? — спросили они.

Отличник вырвался из притяжения этого взгляда и рассмотрел, что девочка на коленях склонилась перед ним, а он лежит на полу в коридоре. В вырезе ночной рубашки, спустившемся вниз, Отличник увидел бледные, острые грудки девочки. «Вот и Лелька так же всегда... — почему-то подумал Отличник. — Вечно на ней халат точно на десять размеров больше, болтается, как тряпка на швабре...»

— Больно? — спрашивала девочка, щупая затылок Отличника.

— Нет, не больно, все нормально, спасибо, — быстро сказал Отличник и порывисто сел, привалившись спиной к стене.

— Пошли!.. — прогрехотало где-то сверху, и что-то дернуло девочку так, что она вдруг оказалась стоящей на ногах, а потом ее утащило в

комнату, и на месте проема выросла дверь.

Обалдение медленно проходило. Резь в затылке сменилась редкими выстрелами, которые отдавались в темени и в плечах и выдавливали слезы. Отличник пощупал здоровенную шишку и медленно встал. Правая тапочка его отбежала шагов на пять и валялась на боку, как лодка на песке. Отличник добрал до него и всунул ногу.

О том, чтобы вернуться в свою комнату, он и не подумал, будто комнаты не существовало вовсе. В голове была жуткая пустота. Отличнику казалось, будто она образовалась не случайно, а для чего-то важного, требующего чистоты мысли. Если он будет думать о трахающихся друзьях, о Ринате, голова лопнет от вернувшейся боли. Ничего не соображая, он добрался до черной лестницы и двинулся вверх, по квадратной спирали маршей. Ступеньки гармошкой появлялись из мрака. На площадках с неестественной регулярностью вдруг освещались окна. Моментально чернея, как фотобумага на свету, Отличник пересекал слепящие лунные прямоугольники. Дойдя до девятого этажа, он достал ключ, который подарил Игорь, влез по стремянке, отомкнул замок, отвалил крышку люка, выбрался на чердак, бросил замок на прожженный матрас, валяющийся рядом, и выполз на крышу.

Было очень тепло и очень темно. Отличник приблизился к невысокому парапету, накрытому карнизом из оцинкованной жести, и посмотрел вниз. Он захотел прыгнуть, но в голове бешено застреляло оттого, что он наклонился, и Отличник не стал прыгать. Он не мог сделать этого, пока его что-нибудь отвлекает. Рассыпавшиеся над общагой звезды были похожи на колесики и шестеренки развалившихся часовых механизмов, которые, сопротивляясь вечности, пытались ее измерить, но потерпели поражение. И к горлу Отличника подкатило сдавленное, предсмертное ликование побежденного, который узрел все неимоверное могущество своего победителя и понял, что принять его вызов уже само по себе победа.

Отличник сел и стал смотреть на город. Пунктиры фонарей вдоль улиц расчертили его на шахматные квадраты. И геометрия города перекликалась с геометрией космоса над головой. Отличник видел тонкие линии, идущие от звезды к звезде. Они перечеркивались, скрещивались, сплетались зигзагами, проявляя рисунки созвездий, таких же простых, гипнотически-примитивных, какие оставили на сводах своих пещер ископаемые людские стада. По тонким стрелам этих линий в острых углах скапливалась незримая энергия. Она текла, нагнеталась, мерцала, и неподвижные созвездия вдруг исполнились величия, волнения, напряжения, страдания. И

только так можно было увидеть, что вся материя — земная и космическая — одухотворена насквозь.

Отличник глядел в звездное небо и думал, что во вселенной звезд неизмеримо больше, чем душ. Чем будет он под этими вечными огнями, он, лежащий на глыбе из желтого кирпича, что плывет в дикой пустоте? Зачем создан этот простор, этот свет и эта боль, наполняющая любую вещь в мироздании? И что может сделать он в сравнении с мощью и величием гигантских звездных скоплений и бесконечных пространств? Какой свет рассеет эту мировую тьму и какой звезде он будет принадлежать? И нужен ли кому-нибудь, кроме человека, свет его солнца? Какой свет, какой дар хранится в его душе? И что это такое — дар?

Отличник понимал дар не как душу, не как талант и не как жуткое везение, позволившее человеку очутиться в этом мире и сколько-то здесь жить. Он понимал этот дар как смысл существования человека, но не для самого человека, а для всего мироздания. Как главную идею человека, вполне вероятно не понимаемую даже им самим. А любовь, добро, талант — все это было только ипостасями дара. Даже вся вселенная — это лишь ипостась человека, который ее созерцает. Так же как и любой человек — ипостась общей вселенной. Вспоминая слова Лели о том, что все главные вещи в мире своей бесконечностью противоречат природе смертного человека, Отличник думал, что дар и уравнивает все. Но что же является его, Отличника, личным даром?

Он многое мог бы принять в себе за дар, но все это было слишком конкретным, ограниченным. И Отличник даже боялся: а вдруг его дар неузнаваем, потому что уродлив, ущербен, ведь у него, у Отличника, попросту нет любви! Конечно, он любил и Лелю, и Нелли. Но все же это была не та любовь, которая мерещилась ему под синим небом Тенерифы. А если без любви дар Отличника изувечен, то своим существованием Отличник калечит весь мир. Отличнику казалось, что зло, нелепость и тупость, процветающие в этом мире, процветают лишь потому, что он никого не любит. А любовью, которая грезилась ему в облике Тенерифы, нельзя любить по собственному желанию. И что же ему тогда надо сделать, чтобы уничтожить мировое зло, мировое уродство? Отличник знал: надо сделать шаг за парашют. Исчезнет он — и исчезнет мировое зло.

Смерть была самым правильным ответом на все, потому что после нее человеку уже невозможно ничего возразить. Лежа на крыше, Отличник думал, что собственное исчезновение всегда при нем, как пульс. Оно — верный ответ на все вопросы, на которые ответить невозможно, но отвечать нужно. Однако синяя надежда Тенерифы говорила Отличнику, что тем

мудрее будет этот ответ, чем больше накопится вопросов.

Отличник проснулся оттого, что страшно замерз. Утренний холод пробрал до костей. Отличник с трудом отклеился от крыши и встал, чувствуя ломоту во всех суставах. Он несколько раз присел и помахал руками, разгоняя кровь. В тело возвращались силы и тепло, голова прояснялась. Отличник подошел к парапету и увидел сонный, пустой город, увидел густой туман, встающий над излучиной реки за больничным парком, прозрачную дымку, плывущую по улицам. Огромное, нежное, розово-голубое небо раздувалось вокруг общаги. Отличник вспомнил все свои страшные ночные мысли, и ему неимоверно захотелось жить, жить, жить в этом мире, любить его, верить ему.

Ликование Отличника было так велико, что даже когда он, спускаясь по стремянке с чердака, увидел на лестничной клетке сидевшего и кутившего Рината Ботова, ни одно дурное воспоминание не шевельнулось в груди. Отличник ссыпался по лестницам и побежал в двести четырнадцатую комнату.

Здесь спали Леля и Ванька. Леля лежала на кровати Игоря, закутавшись с головой, и Отличник даже не сразу понял, что это она. Его кровать была заправлена с чисто женским изяществом. Отличник ничуть не хотел спать, был бодр и свеж, энергия переполняла его. Стараясь не звенеть, Отличник собрал со стола грязную посуду и с удовольствием вымыл ее. Потом он ногой с хрустом умял мусор в ведре и решил слетать до помойки.

Общага просыпалась, когда он шел по коридорам. За дверями трещали будильники, шлепали босые ноги, звякали чайники. В блоках шумели краны, и там умывались, фыркали и охали. Отличник спустился в вестибюль и вежливо поздоровался с бабкой Юлькой на вахте. Бабка Юлька только что заступила на дежурство и зевала.

Мусорные контейнеры стояли в дальнем углу асфальтовой площадки за углом. Площадку по диагонали надвое разделяла ровная линия тени от общаги. Под стеной была серебристая синева, дальше — серебристое сияние. Отличник яростно вывалил мусор в ящик и еще поколотил кулаком в доньшко ведра. Когда он развернулся и пошел обратно, диагональ тени на асфальте была пересечена вертикальным силуэтом. Улыбаясь и жмурясь, Отличник поднял голову, чтобы рассмотреть, кто это стоит на крыше. В тот же момент девочка, к которой ночью ломился Ринат — а на крыше была именно она, — сделала шаг через парапет и полетела вниз.

И Отличник взмахнул руками, выпустив ведро, которое с грохотом

покатилось по асфальту. Тело Отличника изогнулось, словно пыталось избежать страшного удара, словно Отличник хотел поймать эту девочку и бережно поставить на ноги. Но она летела вниз, а окна общаги летели вверх мимо нее. И Отличник успел представить, как дугой качнулся ее позвоночник, когда она сделала свой шаг. И в маленькой дуге, которую описала ее голова, уходя за грань крыши в невесомость, и в огромной дуге, что описал ее взгляд, уже были все дуги мироздания — меридианы, мосты, радуги, Млечные Пути. Но она все равно летела вниз, слишком поздно почувствовав, что сейчас начнется смерть, и желтые, как вечность, кирпичи общажной стены ручьем струились в зенит. Тогда от страха она скорчилась в воздухе, закрыв лицо руками, но все равно, пусть даже ничком и молча, молча, молча, все равно падала, пока асфальт, разрастающийся под ней, не распростерся во всю вселенную и она, как живой метеорит, не ударила в него своим телом.

Она была одета в какую-то легкую блузку и юбку, на ногах — полосатые носки и тапочки, в волосах — заколка. Воздух растрепал ее блузку, сбил набок юбочку, сорвал одну тапку, дыбом поднял волосы. Она упала все в той же позе — с закрытым руками лицом, ничком, чуть подогнув колени. Она ударилась об асфальт, и нижняя половина тела, выгнувшись в талии, подлетела обратно вверх и снова упала, а верхняя — голова, плечи, руки, грудь — словно приклеилась к асфальту и не вздрогнула. Девочка осталась лежать рядом с двумя мокрыми следами от автомобильных колес под высокой стеной общаги.

Отличник постоял, мигая, открывая и закрывая рот, и медленно, как сквозь воду, двинулся к ней. При каждом шаге земля словно бы проваливалась под его ногами. Качаясь, он приблизился и опустился на колени. Глаза девочки были закрыты, губы сомкнуты, волосы облепили лоб и щеки. Голова, как крутое яйцо, упавшее со стола на пол, казалась плоской с той стороны, какой лежала на асфальте. Вокруг пестрели черные капельки. С правой стороны лба к правому виску бежала алая трещинка. Руки и ноги выглядели совершенно целыми, они были живые, незагорелые, свежие, теплые. Юбка задралась, обнажив ляжки и чистые белые трусики. Ноги были подогнуты так естественно, словно девочка лежала в своей постели.

Отличник трясущейся рукой коснулся ее мягкого плеча, будто хотел разбудить, но боялся этого. И вдруг веки девочки поползли вверх, оголяя пустые глазные яблоки, губы расклеились, и вместе с кровью с них сорвался кусочек зуба.

— М-мама... — прошептала девочка.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Место самоубийства быстро обступила полуодетая толпа. На балконах до самого девятого этажа стояли зрители — девушки в запахнутых халатах поверх ночнушек, голые по пояс парни. Везде открывались окна, из них высовывались обнаженные плечи и лохматые головы. Взглянув, полуодетые люди из толпы уходили, чтобы через три минуты вернуться одетыми, и толпа постепенно обрастала одеждой. Гапонов в майке и трико суетился вокруг девочки. Он встал на колени, взглянул в ее открытые глаза без зрачков, поднес палец ко рту, желая, видимо, почувствовать дыхание. Возле головы девочки уже натекло много крови, такой яркой в это яркое утро, и два тонких ручейка хищно потянулись к ногам толпы от волос девочки, словно тени дьявольских рожек. Гапонов вскочил и, матерясь, стал расталкивать людей, освобождая пространство вокруг тела.

— Не подходи, лядь, разодись! — орал он. — До ментовки трогать нельзя! Отоди на два метра, блин, сказал же! Отоди, козел!..

Отличник тупо стоял в толпе, и тут Гапонов его увидел.

— Ты свидетель? — сразу спросил он.

— Чего? — с внезапной жуткой злобой вдруг ощерился Отличник.

— Как она прыгнула, — не замечая злобы, пояснил Гапонов.

— Я, — глухо сказал Отличник.

— Сама она или столкнули?

— Сама, — тщательно выговорил Отличник.

— Значит, самоубисво, — быстро сделал вывод Гапонов.

— Она хоть жива?.. — спрашивали из толпы.

— Помрет сейчас! — яростно крикнул Гапонов. В чистом, просторном небе лучился солнечный свет, сиял по всей земле. Стояли дома. Проезжали машины. На остановке разгружался троллейбус. В липе чирикали воробьи. Толпа вполголоса гомонила, и Отличник слушал ее шум, не оглядываясь на говорящих.

«Что случилось?» — «Девчонка разбилась». — «Убили?..» — «Говорят, сама». — «Откуда?» — «Говорят, с крыши...» — «Девятый этаж...» — «Господи!» — «Все, покойница...» — «Вроде жива еще». — «Глаза хоть бы закрыли...» — «А чего лежит-то?..» — «Простыню надо...» — «Сказали, дышит еще». — «В сознании?..» — «Мамочка, она же с нашего курса!..» — «Убили?!» — «Нет, я ее не знала». — «С девятого этажа — это все, конец». — «Крови-то сколько...» — «Чего не

поднимают?» — «Кто-то видел, как?..» — «Вроде кто-то видел...» — «„Скорую" ждут, что ли?..» — «А позвонили?» —

«Она на третьем этаже жила...» — «С третьего этажа так разбилась?..» — «У нас в доме в прошлом году мужик с пятого этажа упал, и ни фига». — «Сама, что ли?..» — «Ментовка сейчас приедет». — «А как звали-то ее?» — «Вроде дышит еще...» — «Все равно умрет». — «Убиться и с первого этажа можно...» — «Господи, какая дурочка!..» — «Из-за чего она?» — «В этой общаге уже который случай...» — «А родители-то как?..» — «Боже мой!» — «Димка, я не могу смотреть...» — «Хоть бы юбку задернули...» — «Молоденькая еще...» — «Она из нашей общаги, да?» — «Если сама, было, значит, из-за чего...» — «Ментовку ждут, не велели трогать». — «Осторожно, по ногам как по асфальту!..» — «Давно это было-то?» — «Не знаю, что с родителями будет...»

Кто-то плакал в толпе. Отличника задели за локоть, и он оглянулся. Рядом стоял красный, страшный Ванька, а с ним — бледная Нелли в туго затянутом на поясе халате.

«Кто нашел-то?..» — «Да она еще живая!..» — «Хоть поднять бы, на койку...» — «И живем не по-людски, идохнем так же...» — «Несчастливая любовь, возраст такой...» — «Дурочка, боже мой, какая дурочка!» — «Давно ментов-то ждут?» — «Не подходите, нельзя!» — «Вдребезги вся...» — «Родители с ума сойдут...» — «Она с первого курса, я ее видел». — «Зачем тут „скорая"? Тут уже в морг надо». — «А глаза-то закатились...» — «С девятого этажа? Из окна, что ли? С балкона? С крыши?» — «Общага вонючая...» — «Да ведь это не просто — так сделать-то...» — «Я на вступительных с ней за одной партой сидела...» — «Ребята, а почему она?..» — «Холодно тут».

— Отличник, — услышал Отличник шепот Нелли.

«Нельзя же так, в конце концов... О других думать надо... Мать есть, отец...» — «Умерла уже вроде...» — «Чего не едут-то?»

— Ты так не делай никогда, — попросила Нелли. Отличник не ответил. Сзади протолкался Игорь и остановился, глядя на девочку и приобняв Нелли за плечи.

«Жить бы да жить еще...» — «Не могу я понять этих самоубийц...» — «Да почему она?..» — «Вот так все будут стоять и пялиться, как мы сейчас...» — «Тошнит меня от крови...» — «Ничего, симпатичная была».

Игорь вдруг шагнул вперед.

— Не трогай! — кинулся к нему Гапонов, но Игорь уже нагнулся над телом девочки и одернул на ней юбку, закрывая трусики.

«Хоть один умный человек...» — «Гапону бы рыло разбить...» —

«Чего не едут так долго?» — «Еще жива до сих пор?..» — «Все равно не спасти...» — «Родители повесятся...» — «Тысячу раз ее видел, а знать бы...» — «Не стоило из-за любви...» — «Жизнь такая достала, вот и прыгнула...» — «Нет, я так не смогу...» — «В кровь не наступи, дура». — «Уж скорей бы ее убивали...» — «Ладно, пошли». — «Там Ринат Ботов вход на крышу стережет, говорит, чтобы следы не затоптали...» — «На фиг ему следы?» — «Что одна была... Что никто ее не толкал...» — «Умереть тоже уметь надо... Не так же, честное слово!» — «Да убили ее! По пьяни изнасиловали — и в окно!» — «Пора, Ленка, время уже, опоздаем...» — «Как в цирке...» — «Интересно, что она думала в тот момент?..» — «А ведь час назад жива была...»

Отличник почувствовал, как Нелли взяла его ладонь в свои руки, и снова оглянулся. Нелли расширенными глазами смотрела куда-то вверх, на общагу. Отличник тоже поднял голову, увидел лица в раскрытых окнах, людей на балконах, среди которых мелькнула Леля, и стену из желтого, как вечность, кирпича.

— Общага-на-Крови, — тихо и внятно произнесла Нелли.

Отличник медленно подошел к двери своей комнаты и вдруг понял, что он не может сейчас зайти туда, не может разговаривать с Игорем или Ванькой. Он постоял, тяжело шевеля мыслями, развернулся и постучал в дверь двести двенадцатой.

Ему не ответили, но он толкнулся и вошел. В комнате, ярко освещенной утренним солнцем, была одна только Леля, которая сидела за столом и курила. Она как-то слепо глянула на Отличника и отвернулась. Отличник обессиленно опустил на стул у другого конца стола и положил на столешницу голову.

Они долго молчали, не меняя поз. Потом Отличник услышал, что Леля плачет, и поднял лицо. Его потрясло, что Леля одна делает то, что надо делать, — просто жалеет девочку. Леля глядела перед собой, а слезы бежали по ее щекам. Лицо Отличника вдруг скрутилось, горло задрожало, и в нем что-то запрыгало, как шарик в свистке. И Отличник тоже заплакал, не успев даже перевести дыхания.

Они плакали, но плакали не только потому, что та девочка разбилась. Они плакали, потому что чувствовали, как безмерно, беспредельно они счастливы, но все равно не понимают, откуда же столько горя, от которого они плачут. И они плакали о вечной обреченности человеческого рода, о том, что время идет против нашей воли, что мы неразрешимо одиноки, что мы расстанемся с друзьями и друзья предадут нас, а мы — их, что любовь

все равно пройдет, что никогда мы не изведем свободы, что мы слабы и ничего не понимаем в этом мире, что вечная красота не включает нас в свои пределы, что сбудутся или угаснут наши мечты, а дела окажутся ненужными, что мы появились на свет не по своей воле, проживем жизнь по воле истины, которая к нам безразлична, и не по своей воле уйдем, что нас мучит страх, что будущее от нас сокрыто, что в мире нет правды, а на небе нету бога, что морская вода солона, а земля несъедобна, что мы теряем всегда больше, чем находим, что кто-то имеет власть над нами, хотя подлее нас во сто крат, что радость быстротечна, а боль не имеет конца, что нам никогда не увидеть всего на свете, что нам не суметь рассказать о себе все, что в полной тьме ничего не видно, а яркий свет слепит, что мы устали и никому до нас нет дела, что на нас лежит вина за чужое зло, а кто-то все равно нас лучше, что мало тепла, что нет уже парусных кораблей и мы не умеем ездить на лошадях, что сны наши уже не те, что были в детстве, а у Богородицы такое грустное лицо, что рано или поздно мы все равно умрем и нас сожгут или закопают в землю.

— Вот он, — сказала Ботва, подталкивая Отличника в спину.

Отличник, внутренне поджавшись, переступил порог двести двадцатой комнаты. У торца стола, разложив перед собой листы бумаги, сидел молодой прыщеватый милиционер. Кроме него в комнате девочки-самоубийцы находились еще Талонов и Ринат. Талонов был угрюм, а Ринат, привалившийся спиной к шкафу, выглядел сонным. Отличник осмотрелся со странной боязнью перед вещами умершей хозяйки. Все вещи имели такой вид, словно они брезгливо скорчились от прикосновения чужих людей. Отличник был здесь в первый раз и неприятно удивился, что у любовницы Рината оказалось пустовато и голо. «Как Ринат мог ходить сюда? — подумал Отличник. — Как он смел заставлять эту девочку спать с собой, если вокруг такая грустная бедность, такое неприкрытое одиночество?»

— Как спрыгнула-то она, видел? — спросил милиционер.

— Ну, — сказал Отличник.

— Не «ну», а нормально разговаривай! — тотчас злобно одернула его комендантша, усаживаясь на кровать.

— Фамилия? Имя? Отчество? — деловито начал милиционер.

Отличник назвал, и Ботва, словно выдавая некую его гнусную тайну, сообщила:

— А кличка у него здесь Отличник, товарищ следователь.

— Рассказывай, что видел, — велел следователь.

— А чего рассказывать?.. — против воли строптиво сказал Отличник, ни на кого не глядя. — Видел, как спрыгнула, и все.

Следователь впервые поднял на него неподвижные глаза.

— Я тебя человеческим языком спрашиваю, — ледяным тоном предупредил он. — Загремишь у меня под следствие, и там посмотрим, как говорить начнешь... На крыше кто-нибудь еще был?

— Я никого не видел, — сдерживаясь, сказал Отличник.

Следователь долго записывал.

— Почему в это время оказался на улице?

— Мусор пошел выносить.

Долгие паузы молчания после ответов придавали вопросам какую-то пренебрежительность, а ответам — абсурдность.

— А где помойка?

— Вон, из окна видать.

Следователь записал, не посмотрев в окно.

— С потерпевшей знаком был?

— Нет.

— Как так? — демонстративно удивилась комендантша. — Учитесь вместе, живете рядом и незнакомы? Что-то мне мало верится!

— Мы на разных факультетах учились, и не был я с ней знаком, и все! — с прорвавшимся вызовом сказал Отличник.

Ботва печально поглядела на следователя.

— Свидетель утверждает, что видел тебя рано утром спускающегося с крыши, — сообщил следователь.

Свидетель, то есть Ринат Ботов, поднял одну бровь, словно сам слышал это впервые. Отличник вдруг почувствовал себя в чем-то виноватым и испугался.

— Ну, — согласился он, ощущая еще неясную свою связь со смертью девочки и уже содрогаясь.

— Как ты оказался на крыше?

— Залез по лестнице да оказался.

— Ольга Васильевна утверждает, что вчера заперла этот люк.

Гром грянул над Отличником! Он совсем забыл об этом! Он по привычке даже не подумал, что надо запереть люк обратно! Если бы он сделал это, возможно, и не случилось бы самоубийства! Отличнику показалось, что ему прямо в лицо предъявили неопровержимое обвинение: ты — убийца! Ноги его обмякли, пот потек по спине, и Отличник с ужасом почувствовал страшное желание каяться во всем-всем-всем. «Ну-ка, держись!.. — сказал он себе. — Держись!»

— Так как же ты отпер замок? Чего молчишь?

Отличник совсем не был готов к такому вопросу. Придумать или соврать чего-нибудь он, смятенный, уже не мог, но и втягивать Игоря тоже было нельзя.

— Украл он его, товарищ следователь! — победно сказала комендантша. — Как я объясняла вам, так и украл.

Отличник молчал, не опровергая.

— Так и записываю, — подвел итог следователь. Он записал и продолжил: — А замок куда дел?

— Бросил на матрас, — безразлично сознался Отличник.

— Там, на чердаке, старый матрас валяется, прожженный, — пояснил Ринат. — На нем я и нашел замок. Не врет.

— Почему, когда слезал с крыши обратно, люк-то не запер?

— Забыл, — сказал Отличник. Следователь хмыкнул, записывая.

— А чего делал на крыше? Зачем полез туда?

— Просто так, — пожал плечами Отличник. — Ничего не делал.

— Не могу понять его!.. — щелкнув языком, искренне призналась комендантша.

— Онанизмом занимался, — уверенно сказал Ринат.

Все, включая следователя, ухмыльнулись. Жуткая злоба смыла страх в Отличнике.

— Они пьянствовали ночью в комнате, — добавил Ринат. — Двести двенадцатая и двести четырнадцатая — вместе.

— Пьяный был, что ли? — словно подсказывая, спросил следователь, видно, сжалившись над Отличником. — Ну чего тебя понесло туда?

— Охота было, — сквозь зубы сказал Отличник.

— Да все понятно, — встряла комендантша. — Вы записывайте, товарищ следователь. Я их всех прекрасно знаю. В двести двенадцатой две ихние девки живут — Леушина и Караванова, а в двести четырнадцатой, вместе с этим, два парня — Симаков, пьяница, и Каминский. Они, значит, напились и... э-э... совокупляться начали, а его выгнали. Ему бы в холле подождать или на балконе, а он, дурак, на крышу поперся.

— Ладно, записал, — согласился следователь. — Ну и что там было на пьянке?

— Известно что, у них всегда одно и то же, — ответила комендантша.

— Ничего не было... — бессильно сказал Отличник.

— Ты мне зубы не заговаривай! — перебила его комендантша. — Знаю я, как у вас ничего не бывает! Вы, товарищ следователь, обратите внимание, что в его комнате постоянно пьянки и дебоши. Они небось и

довели ту девчонку до самоубийства — мыслимое ли дело-то жить в таких условиях! И заметьте, с ней не разговаривали, хотя живут рядом, — значит, невзлюбили за что-то и выживали. Вот и выжили, сволочи! Сперва довели до психоза, а потом этот ей и крышу открыл: мол, скатертью дорога!.. Да он, может, сам и спихнул ее, от них всего ожидать можно! Вы за них возьмитесь, товарищ следователь, они ее довели, причем специально, рассчитали все, это точно, и никто больше не виноват!..

Отличник обомлел. Он обвел глазами лица находившихся в комнате — тупые, внимательные лица, — и вдруг понял, что дикий бред, рожденный страхом Ботвы за своего мужа, осядет в голове следователя прочнее, чем все его истины. Следователь и сам хочет верить в то, что кто-то из-за зависти к четырехместной комнате на одного мог затравить девочку. А то, что кто-то из-за стыда может отказаться от жизни на земле, ему не понять никогда.

— Да вы с ума сошли, что ли?! — закричал Отличник. — Да сравните, как жила она и как остальные! Почему она так жила? Потому что Ринат Ботов устроил ей это и в оплату пользовался ею! Я вчера видел, как он ломился сюда, а она его не пускала! Это он ее довел! После всего, что он с ней сделал, ей жить стыдно было!

Ринат, скрестив руки на груди, пренебрежительно улыбнулся.

— Не ори!.. — завизжала комендантша. — Заткнись, сопляк!.. Да он со злобы поклеп наводит, товарищ следователь! Он же сейчас скажет, что это Ринат ее толкнул, что я толкнула, что вы!.. Не было у Рината никакой связи! Сама я ее пустила, потому что жалела! А эти суки иззавидовались и травили!..

— Хватит базара! — рявкнул следователь. — Разорались, как... — Он споткнулся, растеряв мысли, и громче, чем прежде, добавил: — Ей ведь и восемнадцати не было! Развращение малолетних — это статья! Молчать! — Он хлопнул ладонью по бумагам, увидев, что комендантша снова подалась вперед и открыла рот. — Вижу я, что каша у вас тут порядочная заварена!.. — Он потер лоб. — Ладно, разберемся... Никто не виноват — значит, нет состава преступления, а если кто виновен — понесет наказание. Это всем ясно?

Комендантша, побагровев, сопела. Ринат улыбался. Гапонов ковырял ногти. Отличник опустил голову и закрыл глаза.

— Буду всех вызывать повестками, — предупредил следователь. — Иди распишись, как там тебя...

Трясаясь от недавнего напряжения, Отличник вернулся в свою комнату

и застал там одну только Нелли. Он сел за стол, налил себе холодного чая и, внутренне кипя, начал пересказывать ей всю свою историю. Но к концу рассказа ярость его утихла, и он завершил в спокойной и горькой злобе. Нелли молчала, то ли слушая его, то ли нет, и только прикуривала сигарету от сигареты.

— Не мучайся, Отличник, — наконец сказала она. — Мы здесь все равно живые... А ей там уже хорошо.

— Где это «там»? — ухмыльнулся Отличник.

— Ты не веришь, что после смерти будет что-то еще?

— Не верю.

— И ты не веришь в бога?

— Нет, — мрачно и твердо сказал Отличник.

— Почему? — как-то странно улыбнулась Нелли.

— Потому что сам бы я никогда не выдумал бога, если бы решил объяснить этот мир.

— Ты атеист, — с опаской сказала Нелли. — Но атеизм не попытка достичь истины, а способ примирить себя с неспособностью ее постигнуть. Я так думаю, что он — просто усталость человечества. Не надо, мол, ни награды, ни кары — дайте исчезнуть, оставьте в покое...

— Я не устал, — возразил Отличник. — Просто бог не моя истина.

— Значит, тебя гордыня заела. Ты сам себе хочешь быть богом. Из таких, как ты, выходят фашисты. Надо смирить гордыню.

Отличнику совсем не хотелось говорить на эту тему. Эта тема казалась ему сейчас вообще неуместной. Но он был зол, и злость подзуживала отвечать.

— Пусть сначала бог свою гордыню смирит. А то он господин, а я — раб. Нечестно. Я живу, стараюсь, как лучше, а он меня потом судит и карает. Кара — это насилие. Истина несовместима с насилием. И если бог — истина, значит, его нет. Ведь бога без справедливости не бывает. Вот если бы после смерти он всех поголовно отправлял в рай...

— Такой бог никому не был бы нужен, — закончила Нелли.

— Дело вкуса, — пожал плечами Отличник.

— А может, он специально посылает нам сомнения, чтобы мы через сомнения, через страдания пришли к нему?

— Зачем? — хмыкнул Отличник. — Он высшее существо. Он всемогущ. Он и так в единый миг может сделать всех людей верующими. А страдания, Нелли, даже духовные, ведь не ведут к вере. И вообще, если в бога верят, чтобы выпросить у него чего-нибудь, то это не вера, а бессилие. А я понимаю так, что вера должна идти от силы. Ну, когда у тебя все есть и

ты видишь, что в сумме это рождает новое качество мира — присутствие в нем бога.

— А если бог просто так хочет? — с каким-то внутренним ослеплением, словно перед вспышкой бешенства, настойчиво добивалась своего Нелли. — Понимаешь: хочет, и все!

— Он не может хотеть! Он высшее существо! У него нет желаний! — заводился вместе с Нелли Отличник. — У него есть воля, и по этой воле устроен весь мир! Малейшее движение его воли — и мир изменяется в единый миг! Желания не успевают даже возникнуть! Если его воля требует, чтобы мы верили в него, то мы должны рождаться с инстинктом веры. У высшего существа не может быть цели! Он не может желать, чтобы мы верили в него через страдания! Страдания долги, а воля исполняется моментально. И чего, наконец, ему надо больше: веры или страдания? Если страдания — то это не бог, бога нет.

— Но это все логика, Отличник. — Нелли дрожащими пальцами порвала сигарету. — А если он познается только верой?

— Это, Неля, знаешь, последний аргумент, — устало сказал Отличник, — который нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

— Но ведь есть же что-то, кроме законов природы, что управляет нашей жизнью... Что заставляет нас искать совершенно бесполезную и даже губительную истину... — тихо сказала Нелли.

Такие слова надо было говорить с отчаянием, и Отличник испугался, когда вместо отчаяния уловил в интонациях Нелли какое-то бесовское, злорадное торжество.

— Вот ты мне доказывал, что бога нет, а доказал совсем другое.

— Что я доказал? — угрюмо спросил Отличник.

— То, что бог не высшее существо.

— Какой же он тогда бог?

— А вот такой... У бога четыре свойства: он есть истина, он создал все, его воля моментально исполняется, он подвержен желаниям. Но ведь желание может пойти вразрез со всеми другими свойствами. Как прыжок с крыши идет вразрез со всеми свойствами человеческой биологии. И кто же способен прыгать с крыши? Высшее существо, закон природы? Какая же модель бога будет непротиворечива нашему миру?

Нелли глядела на Отличника жутко потемневшими глазами, и холод пополз у Отличника по позвонкам. Он почувствовал, что после комендантши попал из огня да в полымя.

— Только человек, человек мог сделать все это... — Нелли, не отводя взгляда, широко махнула сигаретой. — Вроде как писатель, который пишет

роман, а мы все — его персонажи... Но ведь мы, Отличник, падаем с крыш по-настоящему, и наша кровь на асфальте — это не чернила...

— Ну, ладно, Нелечка, верь в такого бога... — трезвея от страха перед ней, пробормотал Отличник.

— А ты пробовал писать серьезные романы?

— Только серьезные стихи, — попытался отшутиться Отличник.

— Поверить в такого бога — значит поверить в человека, — ничего не замечая, продолжала Нелли. — Если я поверю в такого бога-писателя, то в чем будет заключаться моя вера? Ему же не надо от меня смирения, поста, целомудрия, а то его роман станет скучным. А чтобы написать хороший роман, надо жить в нем. Значит, посланец этого бога есть среди нас...

Отличник молчал, смятенный. Нелли была уже в том состоянии, в каком у фанатиков вскрываются стигматы. Длинные ногти Нелли дергали пуговицы блузки. Отличник с ужасом глядел на них, понимая, что сейчас должно последовать. «Господи!.. — с отчаянием истово помолился он. — Если ты сейчас пишешь меня, останови ее скорее!..»

И тут в дверь постучали. Немудреный способ окончить тяжелую сцену. Способ, типичный для общаги. Типично общажная история, как сказал Игорь.

В комнату вошла Надя Новиченко.

— Слушай, Неля, — с ходу начала она. — Там у нас сидит ваш Симаков уже третий час. Притащил с собой водку и пьет. Невозможно выгнать! Сходи к нам, что ли, ты ведь умеешь...

Надя осеклась, поняв, что зашла не вовремя. Отличник перевел взгляд на Нелли. Та опустила голову и закрыла лицо руками.

— Я сейчас приду, Надя, — сказал Отличник. — Я уведу его.

Надя некоторое время постояла молча.

— Психи вы все, — сказала она, развернулась и вышла.

Отличник встал и подошел к Нелли. Он понял, что Нелли плачет.

— У тебя что, никто раньше не умирал? — присев перед ней на корточки, тихо спросил Отличник. — Ни бабушки, ни дедушки?

Нелли отрицательно помотала головой.

— Успокойся, — попросил Отличник. — Это перенапряжение, это надрыв... Пройдет... Я тебя люблю...

Нелли подняла лицо и отвела волосы от мокрых глаз. Распухшими губами она еще попыталась улыбнуться.

— Ты все равно будешь моим, — сказала она. — Серафимчик...

Отличник вежливо постучал в комнату, где засел Ванька.

— Занято! — как в сортире, заорал Ванька через дверь.

Отличник вошел. Ванька сидел в комнате один, за столом, с бутылкой водки и стаканом.

— Удар ниже пояса!.. — обомлев при виде Отличника, сказал Ванька. — Ладно, разберусь с этими прошмандовками... Ну, садись.

Отличник сел за стол рядом с Ванькой.

— Пойдем домой, — попросил он.

— Мой дом — общага, — резонно возразил пьяный Ванька.

— Не ерничай. Пойдем. А то они комендантше накапают.

— Фигня война, лишь бы не убили, — озорно ответил Ванька.

— Ну чего тебе сдалась эта комната?

— Чистенько тут. — Ванька ковырнул скатерть желтым ногтем.

Отличник молчал, не зная, что предпринять. Ванька закурил.

— Ты им все занавески продымишь... — безнадежно сказал Отличник, и Ванька тотчас старательно выпустил струю дыма в занавеску.

— А где ты водку взял? — Отличник посмотрел на пустую бутылку.

— Сами они и дали денег. А я слетал. Мне не в ломы.

— Допил, и пойдем. Чего даром сидеть?

— А я не даром, — тут же возразил Ванька. — Я за водкой бегал, пили вместе, да потом чмондел тут два часа, развлекал Савцову с Новиченко. Я честно заработал часик одиночества.

— Я все равно тут сидеть буду, и не получится одиночества.

— А с тобой, харя, и так одиноко. Как со своей тенью.

— Правда, с трезвой тенью.

— Нет. С тенью хорошего-хорошего человека, каким я мог стать, но не стал.

— Вы мне все твердите, что я чистенький и хороший, — желчно сказал Отличник, — а все для того, чтобы подсластить мне. Чтобы я от вас отстал. Что-то мне не кажется, будто тебя совесть мучает. Скорее наоборот — тебе еще глубже в грязь залезть хочется.

— Нет-нет, отец! — Ванька притворно замахал руками. — Не говори так! Ты похож на обычного умного человека, когда так говоришь! Если уж ты взялся за роль русского инокa, то не отступай от текста!

— Ни за какую роль я не брался! — с досадой сказал Отличник. — Я взялся только тебя отсюда вытащить, и все.

— Я все равно не пойду. Мне... там страшно.

— Почему? — удивился Отличник.

— Там много смерти, — рассудительно сказал Ванька.

Отличник словно бы снова увидел девочку, лежащую в луже крови под

желтой стеной, и снова ощутил нарастающее отчаяние.

— Всюду смерть, — тяжело сказал он.

— А меня она со всех сторон обложила.

В глазах Ваньки, устремленных на Отличника, было жесткое, беспощадное ожидание, когда же он, Отличник, наконец поймет.

— Ванька, у нас в комнате нет демонов или духов, — так же жестко ответил Отличник. — Она умерла, спрыгнула с крыши и умерла. И все. Больше ничего нет. Даже ее.

Ванька молчал, роясь в бороде.

— У Нелли только что чуть не случилась истерика, — помолчав, продолжил Отличник. — Леля ото всех заперлась. Игорь куда-то убежал. Хоть ты-то приди. Ты же человек сильный.

— Сильный, аж в жопе мыльный, — ответил Ванька и отвернулся.

— Тогда я пошел, — вдруг сказал Отличник. — Я не «скорая».

— Постой! — Ванька ухватил его за рукав. — Нет, не уходи! Мне уже и здесь страшно!

Отличник остался сидеть.

— Дай денег на пазырь, — предложил Ванька. — Тогда пойду.

— Не дам, — утомленно ответил Отличник. — Разве я тебе хоть раз давал? Зачем тогда просишь? Тебе вообще пора завязывать, Ванька. У тебя запой. Ты уже весь опаршивел от пьянки. Когда ты белье в последний раз менял? От тебя несет, как от козла.

— Молоком? — с надеждой спросил Ванька.

— А сегодня тебе еще надо протрезветь, — не обратив внимания, добавил Отличник. — В семь часов студсовет. Не явишься же ты туда пьяный!

— Да хрен с ним! — отмахнулся Ванька. — Скажи, отец: я еще хороший?

— Когда не пьешь, — не желая миловать, сказал Отличник.

— Ну, прости меня, отец. Не могу я. Душа горит. Вот девчонка спрыгнула, и думаешь: ведь она мне никто. А-а, плевать, переживу, мол. Одной раной на душе больше, и ладно. Все кажется, что еще много душевных ран вытерпишь, а вдруг оглянешься и видишь, что на душе-то уже места живого нет.

— А что делать-то, Ванька? — с прорвавшимся отчаянием спросил Отличник. — Что делать? Пить, что ли, да?

— А я другой анестезии не знаю. Я помереть боюсь очень.

— Кто тебя заставляет помирать? Живи.

— Я тебе расскажу, харя... — помолчав, решил Ванька. —

Разбередила меня эта дура... Помнишь, я осенью ездил домой?

— Помню. На похороны друга.

Ванька почесал бровь, перевернул стакан вверх доньшком и его горлом стал прокручивать на скатерти вмятины-круги.

— Он умер от лейкемии. Я служил вместе с ним. В автобате. Однажды нас, восьмерых водил, гоняли на полигон за какими-то приборами. Там и облучились. Доза, говорят, охренительная. Из нас восьмерых двое уже померли, двое по больницам...

— А остальные? — тихо спросил Отличник.

— Остальные — ничего... — Ванька пожал плечами. — Но я знаю, что потом все равно достанет. Через год, ну, через два... Я после похорон лег на обследование, потом звоню в онкологию, представляюсь своим отцом, как, говорю, там?.. — Ванька помедлил. — Пока нормально, говорят. Я спрашиваю: а когда? Ответили, что не телефонный разговор. Вот такая ерунда, харя.

Отличник долго молчал.

— Все равно, — упрямо сказал он. — Все равно, Ванька, надо жить. Дверь туда всегда, для всех, в любой миг открыта. Надо иметь силы проходить мимо открытой двери.

— Да ведь я живу! — весело возразил Ванька. — Знаешь, какое счастье! Руки, ноги, голова — все так замечательно! — Ванька пошевелил плечами и головой, точно примеривал обнову. — Солнце видеть замечательно, порежешься — кровь течет красная, замечательно! Жрать вкусно замечательно, трахаться замечательно, даже поссать вволю, когда долго терпел, замечательно! Я ведь живу, харя! Зачем вы все меня хороните: спился, спился... Да ни хера подобного! От радости я пью, потому что каждый день — праздник! Вы говорите, что это прожигание жизни, но как выразить-то еще, что делать?

— Ну... — подумав, нерешительно начал Отличник. — Ты же знаешь, что я говорю, если о таких вещах берусь рассуждать... А ты этого не любишь...

— С чего ты взял, что не люблю? — удивился Ванька.

— Кажется, — неловко пояснил Отличник.

— Дурак ты. Наоборот, очень люблю. Только мне что, волоса на жопе от этого вырвать, что ли? А то, что выпренно у тебя выходит, — так это не постыдно, не смешно. Просто веры в человеке много. Сомневаться ты еще не научился. Хотя, по правде говоря, больно уж прекраснодушны все твои бредни о даре в человеке. Все в твоём «даре» так ладненько, так красивенько, так чистенько. Как в тебе. А мне бы говнеца побольше, тогда

бы я поверил.

— Ну, если ты спрашиваешь, то я бы сказал так, — ободрился Отличник. — Надо жить, чтобы в твоей жизни истина была.

— А как? Чего делать? Творить?

— Конечно, и творчество... — кивнул Отличник. — Но не только. Дар — это не только творчество, но и любовь, познание, добро...

— А я, может, с этой точки зрения богаче вас всех живу, — усмехнулся Ванька. — У меня одна только Лелька чего стоит. Ну а творчество... Что поделать, если бог обделил...

— Зачем ты так говоришь? — спросил Отличник. — Мне ведь и Леля, и Игорь рассказывали... Ты же врешь, и в первую очередь себе.

Ванька помолчал, ерзая на стуле.

— Я, харя, наверное, очень талантливый человек, — нелогично заметил он. — Я ведь музыку хорошо понимаю, сам играю, стихи пишу... То есть раньше писал. Хорошие стихи. А из-за этого облучения все бросил. Ни к чему.

— Почему это? Боишься не успеть? Так ведь это глупо, Ванька.

— Нет, тут дело не в боязни не успеть. Просто, харя, талант — это всегда больше, чем один талант. Это еще и какое-то вечное напоминание себе о своей смерти. Без этого таланта не бывает. А у меня, как я узнал про облучение, отсохло это напоминание, и от таланта ничего не осталось. Потому и пью, что тоска.

— Опять ты врешь, Ванька, — устало сказал Отличник. — Как начинаешь про себя говорить, так и врешь. Почему это ни у кого в такой ситуации ничего не отсыхает, а у тебя отсохло? Не хочешь — не говори, сам разговор затеял, а вранье твое мне ни к чему.

Ванька достал мятую сигарету, расправил ее и закурил.

— Видишь ли, отец, — начал он. — Я не могу принять твоего «дара», потому что это слишком много для одного человека. Человек — скотина мелкая, в него все сразу не влезет. Для меня в себе главное — творчество, а на все остальное я положил. Я бы творчеству в жертву все, что угодно, принес — ничего не жалко. Тем более что и нет ничего. И космосу важно только творчество, а все остальное — пофиг. И у космоса, и у человека самая важная работа — созидание. У человека нет никакого иного созидания, кроме творчества. Дома ты строишь или каналы копаешь — это фигня, все развалится через тысячу лет, и будет пустыня. А вот дух человеческий собою увеличивать — это уже стихия. Творчество — оно не арифметическая, а геометрическая прогрессия. Ты не одну частичку к сумме прошлого добавляешь, а всю сумму на себя умножаешь. От этого

дух человеческий на целую степень возрастает. Поэтому в творчестве каждый человек соразмерен с космическими масштабами и одной с космосом истиной пронзен. Творчество — это инстинкт истины в человеке. Общей, вселенской истины созидания. Только я вот чего боюсь, харя. Ну, начну я сочинять. А как сочиню я чего-нибудь хорошее, так вся моя важность для космоса кончится и меня на свалку. Когда знаешь, как это случится, сильно страшно становится. А я жить хочу, отец, хочу быть на земле. Но опять же бес-то искушает, поэтому и напиться надо. Пьяным ничего не сделаешь, это точно. Я уже пробовал.

— Ты же говорил, что тебе ради творчества жизни не жалко...

— Вот ты, харя, ночью мимо кладбища ходил? — разозлившись, спросил Ванька и бросил на стол потухшую сигарету.

— Ходил.

— Почему?

— Дорога вела.

— А на могилке посидеть не тянуло?

— Не тянуло.

— А что так?

— Страшно.

— Вот и мне умереть страшно. Жить хочется, но жизни не жалко, а умирать очень страшно. Жизнь — фарс, но смерть-то ведь не фарс. К тому же тут еще одна закавыка есть. Ну, сочиню я, потом заболую, а вдруг выяснится, что я дерьмо сочинил?

— Если дерьмо, то не заболеешь. Потенциал-то не израсходуешь.

— Нет, для космоса это будет зашибись, а для меня и людей — дерьмо? Ну, для меня-то ладно. Если я это пойму, то и не доделаю до конца, брошу. А если все люди скажут, что это дерьмо?

— Если никто не оценит? Ну и что, Ванька. Для себя делаешь.

— Не-ет, харя. Для себя — это когда ты себя уважаешь. А меня в жизни уже столько раз с говном смешивали, что я себя уважать не могу. Я только человечество уважать могу. Я не могу писать на необитаемом острове. Мне нужно, чтобы меня слышали.

— Боишься, что не услышат, и поэтому молчишь?

— Ну-ну, прикалывайся. — Ванька вздохнул и подобрал брошенную сигарету. — Есть у меня еще одна мысль, почему я умру, если сочиню чего-нибудь... Это уже общаги касается. Лжи тут нет, но ведь и правды сказать здесь не дадут. А творчество — это истина, значит, правда. Общага как женщина: за ложь мстит, а правды не переносит. Подумай о той дуре, которая сегодня спрыгнула, — ее же общага столкнула. Она не терпит, если

чего делают честно. Я на все сто уверен, что если начну чего сочинять, так меня отсюда и выпрут. А я без общаги жить не могу. Я так уж сформировался: детство — в коммуналке, это общага, и армия — тоже общага. Выгонят отсюда — я помыкаюсь чуток и вены себе перережу. Поэтому и нельзя мне здесь творить. А как с желанием бороться? Тоска, как по родине тоска. Дай денег на пазырь, отец.

— Не разжалобишь, Ванька, — ответил Отличник. — Не дам. Явишься на студсовет пьяным — и выселят. Сам же этого не хочешь.

— Не хочу, — покорно согласился Ванька.

— Тогда пойдем.

— Ладно, — помолчав, согласился Ванька. — Уломал... Только, отец, ты не говори никому про облучение, — вдруг попросил он и с досадой добавил: — Зря я тебе растрепал!..

Отличник, вконец измученный событиями сегодняшнего дня, вернулся в двести четырнадцатую и сразу свалился спать. Вечером его растормошил Игорь.

— Отличник, подъем, — говорил он. — Пора на студсовет.

Ванька, который тоже отсыпался, пока спал Отличник, сидел на своей койке, обхватив голову руками.

— Бли-ин... — стонал он. — Башка трещи-ит... Не пойду я никуда, Игореха... Ну их всех в жопу...

Ванькина физиономия с похмелья была колбасного цвета, с мутной радужностью под глазами.

— Не раскисай, Иван, — одернул его Игорь. — Терпи. Отличник, умойся, причешись и беги в читалку нам места занимать.

Отличник поплелся умыться. Он нисколько не отдохнул во время сна и встал совершенно разбитым. Прежняя тоска сдавила его душу, и какая-то тупая боль не давала глубоко вздохнуть.

Спускаясь по лестнице, Отличник столкнулся с комендантшей.

— А-а, вот и ты, голубчик, — удовлетворенно сказала она, словно и не было их гнусного утреннего столкновения. — Ну-ка пойдем ко мне, поговорить надо.

Она привела Отличника в свой кабинет, села за стол и уперлась в Отличника подчеркнуто-жалостливым взглядом.

— Ну, скажи мне вот так, по-честному, один на один, — предложила она, — что там было у моего мужа с той девочкой?

— Что утром говорил, то и было, — стоя, глухо ответил Отличник.

— Будто она его любовницей была? — саркастически спросила

комендантша. — Да с чего ты взял?

Отличник понял, что может сорваться, и попытался взять себя в руки. Негоже было ссориться с комендантшей перед студсоветом.

— Расскажи подробнее, — настаивала Ботова.

— Не хочу, — угрюмо сказал Отличник.

— Что значит — не хочу? Ты же взрослый человек, не в детском саду. Дело серьезное, человека ведь убили.

— Не убивал ее никто, — сказал Отличник, злясь, что его все равно вынуждают говорить о том, о чем он не хочет.

— Ты же сам следователю сказал, что мой муж ее убил.

— Довел до самоубийства, — устало поправил Отличник.

— Так как довел-то? Расскажи, что ты видел вчера. Он, значит, вчера ее довел, и ты — свидетель. Нельзя о таких вещах молчать. Каждый должен помогать следствию, или ты за границей живешь?

— Вам же, наверное, Ринат сам все рассказал.

— Конечно, — с достоинством согласилась Ботва. — Он же мне муж все-таки. Но другое дело, что ты там с пьяных шар увидел.

— Я не пью.

— Мне-то уж не ври, — добродушно попросила Ботова. — Я же вас всех знаю. И с кем ты живешь, знаю. Вчера ведь вы пили.

Отличник ничего не стал возражать.

— И с чего это я, интересно знать, буду селить в общежитие любовниц своего мужа? — тоном выше и гораздо язвительнее спросила Ботова. — Ты уже сам запутался в своем вранье, мой милый.

— А чего же тут объяснять?.. — Стоило Отличнику произнести это, как ненависть, бешеное и отвратительное желание поглумиться над Ботвой он уже почти не мог сдерживать. — Вы меня не спрашивайте, Ольга Васильевна. Вам же самой неприятно будет.

— Ничего, я потерплю, — покровительственно заверила она. — Мне до правды докопаться хочется.

— Да вашу правду вся общага знает, — сорвался Отличник, и блаженство истины прокатилось по его позвоночнику, будто он сорвался с крыши и летит вниз, а пока летит, может кричать что хочет, ничего не боясь. — Вы, Ольга Васильевна, Ринату ребенка родили, чтобы женить его на себе. У его сестры муж — проректор, он назначил вас комендантом и комнату дал. Вы сами во всем потакали Ринату, потому что боитесь, что он вас с ребенком бросит и выгонит из общаги. Что же тут особенно тайного? Это все знают.

Лицо Ботвы пошло багровыми пятнами, и она вдруг заплакала.

Отличник смотрел на нее с омерзением.

— Вы все узнали? — осведомился он. — Я могу идти?

— Нет, постой, — шмыгнув носом, сказала Ботова. — В общем, так. Тебя мы сегодня выселяем из общежития.

— Почему?! — потрясенно спросил Отличник.

— Как почему? — буднично пояснила Ботова, утираясь. — Ты же ключ украл, люк на крышу открыл, вот она и спрыгнула...

— Была бы крыша заперта, так она с балкона бы сбросилась...

— Не знаю, откуда она бы сбросилась, но мы тебя выселяем, — как о чем-то окончательно решенном и неинтересном, сказала комендантша. — Я вот о чем с тобой поговорить хотела... Ты ведь хорошо учишься и дальше учиться собираешься, да? Вот и давай договоримся с глазу на глаз. Выселить-то тебя мне придется, деваться некуда, но на будущий год тебя снова поселю, а до конца сессии не трону — живи нелегально, если... Если, когда тебя вызовет следователь, ты будешь молчать, что та девчонка была любовницей Рината и что ты вчера видел, как Ринат к ней ломился...

«Вот чего ей надо было», — понял Отличник, и ему вдруг стало жалко Ботву. Собачью жизнь она вела: муж — подонок, на шее — сын, жилья и денег нет, собою уродина. Кому она нужна? Кому нужна эта дура, не понимающая, что никаких вызовов к следователю не будет, что не будет никаких разбирательств, уголовных дел, допросов. Дура, не понимающая, что девочка умерла, день кончился, кровь смыли водой из шланга, крышу заперли, а следователь ушел — и все, конец. Больше ничего не будет.

Но как ему, Отличнику, по-умному выйти из положения? Сказать «ладно»? Но это все равно что обещать больше не летать над городом на метле. Сказать «нет»? Чтобы следователь никогда уже не нашел опасного свидетеля Отличника, из-гнанного из общаги и сгинувшего неизвестно где? Так ведь следователь сподобится прийти сюда только тогда, когда еще кто-нибудь шагнет с крыши в пустоту. А что же делать?

— Выселяйте меня, Ольга Васильевна, — сказал Отличник.

«Ну и к чему это? — опустошенно подумал он. — Ботва все равно не поймет, что ей и Ринату ничего не грозит. А меня все равно выселят, ведь Ботва посчитает мои слова за отказ покрывать ее мужа. А общага все равно подумает, что комендантша купила меня, потому что я все равно не пойду в милицию писать заявление на Рината... К чему я делаю выбор, если все равно?»

В коридоре перед читалкой стояли курильщики, среди которых были Игорь и Ванька. Из-за угла вывернул Гапонов.

— Ян, скоро начнется?.. — сразу раздались вопросы.

— Соро, соро, — не глядя, отвечал Гапонов и пробирався сквозь толпу к Игорю и Ваньке. Подойдя вплотную, он негромко сказал: — Отодем в соронку, Симаков.

Мающийся с похмелья Ванька блекло взглянул на Гапонова и сделал несколько шагов вглубь коридорчика. Игорь нехотя отклеился от стены и перешел туда же.

— Кажеса, я зал одного Симакова, — заметил Гапонов, засунул руки в карманы и стал покачиваться с носков на пятки.

— Говори, чего надо, — страдальчески велел Ванька.

Гапонов усмехнулся и пожал плечами:

— Значит, так, Симаков. Понишь, чего ты мне чера сазал?

— Я много чего сказал... Хорошего и разного.

— Ты сазал, что ментам меня заложишь за Караванову, понишь?

— Ну, помню, и что?

— А то, что ты мудозвон и ни хера тебе не обломиса.

— И все? — удивился Ванька. — Ты мне хотел сообщить только это?

Гапонов разозлился.

— Значит, так, — повторил он. — Ротив меня у тебя никаких доказатесв нету, это ты мне насвистел. Фата изнасилования не было. Пусь Караванова попробует накатать телегу — ни хрена ей не доказать. И ты не сидетель, потому что не было тебя в конате у Бумагина. Ты в это время на улице стекла пометал, бака Юка это потверждает. Ты пол меня, Симаков? — Гапонов улыбнулся и пренебрежительно добавил: — Так что за всяких лядей я отвечать не собираюсь.

Потом раздался тугой звук, Гапонова развернуло лицом к толпе и согнуло пополам. Игорь, глядя на него, медленно опустил сжатый кулак. Все разговоры среди курильщиков вмиг оборвались. Гапонов долго стоял согнувшись, словно его рвало.

Потом, не разгибаясь, он повернул лицо, осторожно потрогал скулу, покачал головой и выпрямился, глядя на кончики пальцев. Пальцы были желтыми от табака.

— Ну, лано, — не глядя на Игоря, сказал Гапонов. — Я запонил, падла.

Уставившись в пустоту, он двинулся на курильщиков, которые сразу раздвинулись перед ним. В дверях читалки Гапонов помедлил и через плечо объявил:

— Так. Сусовет начинается.

Сперва долго выбирали секретаря, потом долго обсуждали проблему

какого-то ремонта на шестом этаже, потом за что-то студсовет ругала кастелянша, потом решали, выгонять или не выгонять какого-то вахтера, потом давали взбучку жильцам какой-то комнаты за то, что у них ночевали левые гости. Отличнику все это казалось глупым и совершенно ненужным. Он прислонился к стене и закрыл глаза. Ему было все равно.

В читалке собралось человек двадцать. Леля и Нелли сидели на задней парте, шептались, а однажды даже послышался их смех. Отличник сел за парту перед ними, а перед Отличником вдвоем расположились Игорь и Ванька. Ванька положил голову на столешницу и страдальчески дремал. Игорь безучастно смотрел в окно. Их вопрос должен был обсуждаться последним.

Наконец минут через сорок Гапонов объявил: — Итак, у нас в повеске дня остался послений вопрос, по которому высупит Ольга Василевна.

Сложив листочек с повесткой, он сел за первую парту. Ботова поднялась, развернулась лицом к зрителям, одернула на животе олимпийку и тихим, вкрадчивым голосом школьной учительницы начала:

— Итак, товарищи, вы все знаете, что произошло в нашем с вами общежитии сегодня утром. Случай, конечно, из ряда вон выходящий. Просто ни в какие рамки не лезет.

Студсовет, тихо беседовавший во время прочих вопросов, умолк. Замолчали и Леля с Нелли. Игорь вдруг придвинулся к Ваньке и стал что-то быстро говорить ему на ухо.

— Так, вон там я попрошу тишину, — кивая на Игоря, сказала Ботова и немного подождала. — Я думаю, что все мы — и вы, и я — тоже виноваты в этом. — Она требовательно оглядела студсовет. — Значит, что-то недосмотрели, где-то что-то упустили в своей работе. — Ноты самобичевания в ее голосе усугубились почти до угрозы. — Плохо, значит, следим за своими обязанностями.

Никто ей не отвечал, и она потеряла почву.

— Всем нам, конечно, очень тяжело. Но дело серьезное, человек погиб, и спускать все это на тормозах нам нельзя. Надо все обсудить и прийти к выводам, что же нам дальше делать. Потом спросят нас: какие приняли меры? И что отвечать будем?

Даже Гапонов, желающий поддержать комендантшу и с виноватым видом качающий головой, не находил способа вклиниться в ее резиновые фразы с чем-то конкретным, а потому молчал.

Ботва предприняла новую попытку выбраться из ораторского тупика:

— Нельзя отмалчиваться, товарищи, когда дело такое серьезное. Ведь с каждым может случиться. Где-то мы с вами недоглядели, проворонили...

Не все у нас хорошо, недостатков очень много: нарушение режима, правил поведения, пьянство, грязь... Дисциплины никакой нет... Вот только что, прямо перед студсоветом, опять драка была. Объясни мне, Каминский, что это за новости?

Студсовет зашевелился, переводя дух. Из абстрактных высот морализаторства Ботва выкарабкалась к земле и победно глядела на Игоря. Игорь с невозмутимым и в то же время наглым видом недоуменно пожал плечами.

— Не знаешь?! — возмущенно воскликнула комендантша. — Да куда ж это годится! Вам-то сейчас сидеть надо тише воды, ниже травы!..

— А почему это именно нам? — неожиданно удивилась Леля, не подозревающая о тонкой паутине лжи, которая уже опутала самоубийство.

Этот ее вопрос наконец-то разрушил все преграды на пути неумелой тактики комендантши, выводя разговор именно в ту колею, в которую Ботва с таким трудом втискивала кривую телегу своего красноречия.

— Да как же почему вам!.. — наклоняясь вперед, закричала она. — Из-за вас же все и стряслось-то! Как вы не понимаете! Человек погиб, человек, а до вас все еще дойти не может!..

Отличник бесчувственно подумал, что комендантша говорит все это совершенно искренне, хотя и отлично знает правду. Это не было фарсом, но и сочетаться тоже не могло. «Это просто идиотизм, — понял Отличник. — Идиот, как гений, способен на все. Впрочем, подавляющее большинство всех убеждений и поступков людей на земле объяснить можно только идиотизмом, а примеры гениальности легко счесть по пальцам. Вот и вся разница».

— А чем они виноваты? — спросила какая-то девушка.

— Да у них вечно шум, крики, ор, песни, всегда гости, пьянка!.. — с жаром принялась объяснять комендантша. — Кого угодно до припадка довести могут! Вот и довели девчонку! А вчера все один к одному сошлось и последняя чаша терпения лопнула!

— А что они вчера сделали? — опять спросил тот же голос.

— Что сделали?.. — Ботова помедлила, словно стеснялась рассказывать. — Ну, начать надо с того, что один из них, этот... как его... ну, вон сидит, украл у меня вчера ключ от крыши.

— Как украл? — изумленно переспросили с нескольких сторон.

— Да вот так! — торжествующе крикнула Ботова, будто восхищалась феноменальными воровскими способностями Отличника. — Украл, когда я замок привешивала! Я специально вчера крышу заперла, как сердцем чуяла! А он пьяный-то поперся на крышу ночью — трезвому небось и в

голову бы не пришло — и обратно не закрыл, вот она и выскочила! Все пятеро вчера вечером они пьянствовали, а ночью этого в коридор вытурили, а сами по комнатам закрылись, сами понимаете для чего!..

— Ты мне свечку, что ли, держала? — не поднимая со стола головы, громко спросил Ванька. — Твое-то какое собачье дело?

Ботова обомлела. Студсовет загомонил. Леля и Нелли сидели ошарашенные, ничего не понимая, а Игорь нервно побледнел. Отличнику было все равно, он не открывал глаз. Гапонов выбрался со своего места и встал рядом с комендантшей.

— Короче, — сказал он, глядя в пол и переминаясь с ноги на ногу, словно ему жала обувь. — Еси еще раз от кого усышу в таком духе, — он помедлил для внятности угрозы, — вышибу осюда. Ясно? — Он долго глядел на Ваньку, но Ванька лежал на парте и не шевелился. — И нечего тут рассусоливать, — так же веско продолжил Гапонов. — Ситуация сем понятна. Доведение до самоубисва. Надо ринимать решение. Какие ваши редложения, Ольга Василевна?

— Какие у меня могут быть предложения? — делано недоуменно сказала она. — Как у коменданта, только одно: выселение.

— Всех, что ли? — спросил кто-то из-за парт.

— А кого вы хотите оставить? — развела руками Ботова. — У этого — воровство, у этих — разврат, у Каминского драка, а про Симакова и говорить нечего: он от алкоголизма уже спился давно! Какие тут поблажки? Да если и оставить кого, он тут же остальных нелегальщиками к себе пустит, и мы с вами со своими решениями в дураках останемся! Нет, с такими можно только так: выселить всех.

— Давайте голосовать, — подвел итог Гапонов. — Кто за выселение? Кто против? Кто воздержаса?

Над макушками студсовета медленно, вразнобой поднимались руки, как кресты на кладбище.

— Итак, веси венадцатая и веси четырнадцатая выселяюса, — объявил Гапонов. — Завтра к венадцати часам ня комнаты чтоб были свобоны. Все. — Он наклонился к секретарю. — Крылов, потом перепиши ротокол, чтоб без ошибок было, когда проверять станут.

Весь вечер Отличник молча и угрюмо собирал чемодан, а потом сразу лег спать. Игорь ничего не делал, сидел на своей койке и курил, сбрасывая пепел себе под ноги. Нелли и Леля заперлись в своей комнате и никого не пускали. Ванька сказам: «Был бы повод, а где выпить — найдется...» — и исчез. Пьяного вдрабадан, его ночью принес Вадик Стрельченко и ссыпал

на кровать.

Когда Отличник проснулся, стояло ясное утро, но Отличник чувствовал себя таким же усталым и больным, как вчера. Ванька дрых. Игорь курил в той же позе, будто просидел так всю ночь, только теперь на столе громоздились две его плотно набитые спортивные сумки. Отличник ничего не сказал и пошел в умывалку.

Он умывался над грязной раковиной, в которой застрял обмылок, похожий на непереваренный кусок пищи, извлеченный из желудка. Отличник мрачно думал, куда же ему теперь пойти, где жить, где провести хотя бы ближайшую ночь. Он не вспомнил ни об одном приятеле из общаги, у которого можно попроситься на ночлег. Голосование на студсовете и выселение словно отсекали от него все дружеские связи, и все люди вмиг стали чужими, мир опустел. Неожиданное одиночество еще не успело начать мучить Отличника, как после ампутации еще некоторое время действует анестезия. Ему было больно лишь оттого, что разваливается старая жизнь. Какой будет новая — его еще не волновало. Он механически размышлял, как оставит вещи в камере хранения на вокзале, как будет просить поселить его в гостинице, если, конечно, там найдутся места и если его вообще туда пустят с общежитной пропиской, как пойдет ночевать обратно на вокзал, когда ничего не получится. Завтрашний день отделялся от Отличника таким валом неразрешимых проблем, что думать о нем Отличнику казалось еще столь же несвоевременным, как планировать то, чем он будет заниматься на пенсии. Утираясь полотенцем, он вернулся в комнату и сел на свою койку, рассчитывая лежать здесь до тех пор, пока за ним не придут, чтобы выбросить на улицу.

— Отличник, — окликнул его Игорь и долго молчал, а потом с трудом продолжил: — Прости нас, Отличник. Это мы во всем виноваты. Мы пили, мы веселились, мы заперлись по комнатам и забыли о тебе... В конце концов, это мы рассорились с Гапоновым и комендантшей, а не ты...

— Да ладно... — со страдальческой досадой ответил Отличник.

«Скорей бы уж приходили и выгоняли», — подумал он.

— Нет, — возразил Игорь. — Не перебивай меня. Конечно, я понимаю твоё состояние. Когда очень плохо, всегда хочется, чтобы стало еще хуже... Но я сам, лично за себя, должен сказать тебе все это. Прости меня, Отличник. Меня, — твердо повторил Игорь. — Понимаешь, я вчера струсил. Ведь это я украл ключ от крыши и тебе дал, а сознаться струсил.

— Не надо, Игорь, — попросил Отличник. — И так все понятно. Только лунатики ничего не боятся.

— Я еще не все сказал, Отличник. Дай мне договорить. Я редко так

честно поступаю. Прошу, дай мне сделать это, не втаптывай меня в грязь... Я ведь не просто испугался. Я сразу понял, что меня выселят, и сразу решил, где буду жить в этом случае. Я подло поступил, Отличник. Мне не выселение было страшно, а именно слово «воровство», поэтому я молчал. За одно пустое слово всех вас предал. И слово — ложь, и люди, которые его произнесли, — гниль, да и сам я заслужил такого слова, а все равно испугался, смалодушничал, комнату, где можно пережить тяжелые времена, сразу вспомнил... Гадко это, Отличник. Даже для меня гадко...

— Ну, ты закончил? — неприязненно спросил Отличник. — Ты высказался? Я могу забывать?

— Вот, и тебе противно, — грустно сказал Игорь, не глядя на него. — Я, видишь ли, Отличник, боюсь дерьмом оказаться. Я еще верю, что спастись могу, поэтому и говорю тебе все.

— Я отпускаю твои грехи, — пожал плечами Отличник. — Аминь.

— А ты, оказывается, можешь быть очень злым, — удивленно заметил Игорь. — Только подожди немного. Я ведь трус. Я бы никогда не сказал тебе всего, если бы не оставил себе козырь.

— Ну, ходи козырем.

— Я тебя попрошу, Отличник... В память о нашей дружбе... Ты поселись пока там...

— Где «там»?.. — изумился Отличник, и кристаллы злобы, которыми уже начала обрастать его душа, вдруг зашатались, как выбитые зубы.

— Ну, в той комнате, где я хотел поселиться... погоди! — сердито крикнул Игорь. — Не перебивай меня! — Он помолчал, собираясь с мыслями. — Комната семьсот десять, — сказал он. — Там живут две девушки. Сейчас одна из них уже сдала сессию досрочно и уехала домой, а вторая осталась. Она не с нашего факультета, и Ботова не догадается искать тебя там, только бабке Юльке на глаза не попадайся. Девушка та первокурсница, как и ты. На мой взгляд, весьма хороша собой. — Игорь говорил быстро и складно, словно читал по бумажке. Наверное, он давно подготовил эту речь. Глаза его смотрели словно внутрь себя. — Ее зовут Серафима Стороженко. Имя редкое. Я за ней хотел приволокнуться, да стало стыдно. Она такая же, как и ты, — чистенькая. Вы очень подходите друг другу и по всем правилам должны влюбиться. Несмотря на то, что мой роман с ней не состоялся, знакомство я сохранил. Странно, мне с самого начала казалось, что она мне будет нужна, причем не ради себя самого и своего удовольствия. Итак, я хочу, чтобы ты поселился у нее. Я знаю, что тебе некуда идти. Она возражать не будет.

— А как же вы?.. — с перехваченным горлом спросил Отличник. —

Как же я там буду жить, если вы...

Игорь зажмурился, надул щеки и выпустил воздух. Он приобрел вид человека, очнувшегося от гипноза, и улыбнулся Отличнику.

— Ну вот, — сказал он. — Я выдержал. Спасибо, Отличник. Я боялся, что ты откажешься из дурацкой гордости и там поселюсь я. А это означало бы, что я все-таки дерьмо. Ты меня спас.

— А как же вы?.. — повторил Отличник, глупо и счастливо улыбаясь на улыбку Игоря.

Ему вдруг показалось, что гибель их мира только наваждение. Как во взорванном храме падают только стены, своды, купола, но святость, как и прежде, остается в воздухе, а бог — на небе, так и Гапонов с Ботвой, эти гнусные твари, не могут в один день разрушить все лучшее, что они по капле в себе собирали.

— А что мы? Мы здесь четыре года живем, нас каждая собака знает. Уж мы-то в любом случае найдем, где нам до конца сессии перекантоваться. За нас можешь быть совершенно спокоен.

Они глядели друг на друга и улыбались.

— А девочка там хорошая, — с удовольствием повторил Игорь и щелкнул пальцами. — Прелесть, что за Фимочка. Ты в нее влюбишься, это уж точно. Жалко будет, если она отнимет у нас Отличника.

Игорь мягко постучался в комнату семьсот десять.

— Можно? — спросил он, чуть приоткрывая дверь, но ему никто не ответил. Подумав, он распахнул дверь пошире, и Отличник увидел, что комната пуста.

— Гм, странно, — заметил Игорь. — Ну что ж, мой юный друг, войдем и подождем хозяйку.

Высокое окно глядело на восток, и майское солнце без всяких преград вливалось в комнату. Его свет был здесь повсюду и лежал легко и уютно, как домашняя кошка. Отличник перевидал множество комнат в общежитии, но эта показалась ему какой-то особой. Что-то ясное и по-человечески простое было в привычной общежитийной обстановке, в том духе, которым пропитывается жилье. Все вещи, которые здесь были, имелись и в других комнатах, но только здесь Отличник ощутил, как можно соблюсти меру в их спокойном добрососедстве. Игорь сел на койку под перекидным календарем с какими-то пальмами на открытой майской картинке, а Отличник на другую койку напротив.

— Куда же она пропала? — с досадой сказал Игорь. — Мне ведь

ждать-то особенно некогда.

— А где ее кровать? — спросил Отличник. Он словно ворочал свою душу, будто огромный сундук, примериваясь, как поудобней ее здесь расположить.

— Нетактично, молодой человек, еще до знакомства интересоваться, где у девушки кровать, — назидательно заметил Игорь. — Но если уж ты принял твердое решение, я открою тебе этот секрет: я на ней сижу.

Отличник понял, что боится прихода этой Фимочки, потому что ему было жаль, если бы в такой доброй и славной комнате жила такая же девица, как те, за какими обычно приволакивался Игорь. Жаль, если это редкое ощущение сердечности и тепла лишь случайное сочетание тех настроений, заключенных в каждой вещи, из которых человек выстраивает мозаику своего дома.

— Еще пять минут посижу и пойду, — решил Игорь.

Но тут дверь открылась и на пороге показалась невысокая, тоненькая и кудрявая девушка. Отличник словно застрял в пространстве. Солнечный свет ринулся из окна, как собака к хозяину, насквозь пробил фигурку девушки, и она засветилась, словно была из золота, как божества древних инков. Девушка действительно была красива — со светлыми кудряшками, с серыми, широко расставленными глазами, но красота ее была ясной и спокойной, очень простой, не вызывающей ревности. Девушка держала у груди чисто вымытую бутылку из-под кефира, в которую были вставлены три тюльпана, вразнобой покачивающие тугими головками и роняющие огненные капли на порог.

— Ой, — удивленно сказала девушка. — А я и не знала, что у меня гости...

Она вошла в комнату и прикрыла дверь.

— Доброе утро, Фимочка, — сказал Игорь, и Отличник уловил в его голосе совсем не свойственные интонациям Игоря робость и нежность.

Девушка подошла к столу и поставила бутылку. В колыхнувшейся воде и в стекле заметались жгучие звезды. Игорь поднялся и пересел на койку рядом с Отличником.

— Охапки цветов поклонники дарят? — ехидно спросил он.

— Нет, это я сама себе купила, — ответила девушка, с улыбкой взглянув на Игоря. И этот ее жест — оборачиваться на того, с кем говорит, — тоже поразил Отличника, который хищно следил за каждой нотой этой сцены.

Девушка расправила цветы, села на кровать и выжидающе посмотрела на Игоря.

— Познакомься, Фима, — начал Игорь. — Это мой друг. Его зовут Отличник.

Серафима впервые прямо и долго посмотрела на Отличника. И Отличник, тревожно ловя в ее улыбке фальшь, почувствовал, что она рада ему, рада не как парню, гостю или другу Игоря, а просто как человеку. Она ничего не ответила, и Отличник быстро подумал, что, наверное, он не понравился ей. Но усилием воли он заставил себя взглянуть на себя же со стороны и увидел хмурого, немного скособоченного, подозрительного и поджавшегося типа, какому никто бы не сказал: «Очень рад знакомству».

— Фимочка, — несколько развязно приступил к делу Игорь. Ему самому, видно, было неловко. — Это ничего, если я немного поэксплуатирую нашу дружбу? Я хотел бы тебя попросить, чтобы ты разрешила Отличнику пожить здесь до конца сессии... Серафима снова посмотрела на Отличника, и он, словно усохнув, еле успел отвести взгляд в сторону.

— Конечно, — улыбаясь, согласилась она. Отличник наострил уши, потому что сейчас должна была начаться тягучая пауза в не совсем приятном разговоре, и ему было страшно: что сделает Серафима? Но Серафима сказала, разом уничтожив всю натянутость ситуации:

— А то мне без Аленки скучно и даже боязно иногда.

— Вот и хорошо! — оживился Игорь. — Чтобы не менять привычек, можешь называть его Аленой. Ты не будешь возражать, Отличник?

Отличник кивнул, словно кто-то невидимый дал ему подзатыльник. Игорь встал.

— Ладно, — сказал он. — Я вижу, вам тут и без меня хорошо, молодые люди. Пойду я. Дела.

Серафима, пряча улыбку, глядела на него снизу вверх.

— Не соврати мне юношу, Фимка, — наказал Игорь.

— Я постараюсь, — ответила Серафима. Игорь подошел к двери и взялся за ручку, но помедлил.

— Я к вам сегодня еще зайду, дети, — строго предупредил он и вышел.

«Сейчас должна начаться вторая неловкая пауза», — подумал Отличник и, чтобы этого не случилось, с дрожью в сердце расклеил пересохшие губы и сказал самое глупое, что только можно сказать:

— А я уже с чемоданом...

Серафима удивленно посмотрела в угол, где стоял чемодан Отличника, и вдруг заметила:

— Какой он у тебя старый...

Она тут же испуганно прикрыла рот ладонью и, взглянув на

Отличника, виновато пробормотала:

— Извини, я такая дура...

И Отличник почувствовал, что против его воли одеревеневший рот разъезжается в улыбке. А Серафима, словно только этого и ждала, легко засмеялась и сказала:

— Смотри, какой он сердитый.

Она насупилась и надула щеки. Отличник озадаченно посмотрел на свой чемодан. Вид у чемодана и вправду был очень недовольный. Серафима изобразила его так похоже, что Отличник неожиданно хихикнул раз, другой и вдруг захохотал.

Гора валилась с его плеч.

Они смеялись, то глядя на чемодан, который от этого принимал все более и более оскорбленный вид, то друг на друга, и Отличник чувствовал, что ему сейчас так радостно и просторно, как никогда не бывало ни с Игорем, ни с Ванькой, ни с Лелей или Нелли.

— Хочешь, я тебя чаем напою? — предложила Серафима Отличнику. — У меня еще и чайник горячий.

— Хочу, — весело согласился Отличник.

Серафима встала, и неведомо откуда на столе вдруг выросли стаканы с ложками, чайники. Серафима внимательно посмотрела в пустую сахарницу и сообщила:

— А сахар я весь съела, вот.

И они снова смеялись до упаду, по очереди заглядывая в пустую сахарницу, словно там было что-то бесконечно утомительное.

— Я тебе варенье открою, — вытирая глаза, решила Серафима. — Мне позавчера мама привезла. Она в командировку улетаала из нашего аэропорта и по пути привезла мне всего всякого целый мешок.

Серафима на корточках присела у тумбочки, халатик туго обтянул ее спину. Отличник поднялся, чтобы помочь достать тяжелую трехлитровую банку. Но, поднявшись, он оказался напротив календаря, висевшего над кроватью Серафимы, и застыл, глядя на пальмы, прибой и океан. Только сейчас он осмыслил то, что было перед ним, — тропический остров Тенерифа.

Серафима обогнула его, как столб, и поставила банку рядом с чайником, а потом прижала к животу левой рукой, а правой, выставив локоть, попыталась содрать тугую крышку.

— Ну, мама... — пыхтя, сказала она.

— Давай я, — отстранил ее Отличник. — Геракл, разрывающий пасть консервной банке...

Ломая пальцы о неподатливую крышку, он думал о Тенерифе, не замечая, что думает мыслями Нелли: «Ну и ладно... Автору моего романа можно простить этот нехитрый трюк... Мне сейчас так радостно и хорошо, что я, кажется, могу поверить в чудеса — и в Тенерифу, и в самого автора моего романа...»

А потом они пили горячий и крепкий чай с вишневым вареньем и, широко открыв створки окна, плевали косточки за карниз. Отличник рассказывал о себе, о своих друзьях, о том, как их выселили из общаги, а Серафима рассказывала о себе, о своей соседке Алене, о маме, постоянно разъезжающей по командировкам. Отличник не заметил, как просидел целый час, и, спохватившись, побежал к своим друзьям.

Но на черной лестнице он остановился и прижался лбом к оконному стеклу. Ему опять захотелось выпрыгнуть из окна, но сейчас он знал, что не разбился бы, а полетел. Он с недоверием и ужасом ощупывал свою душу, в которой были только ликование и добро, и понимал, что вот, настало, пришло то, чего он так долго ждал. Еще не началось, но скоро начнется что-то великое, вечное, прекрасное, что-то единственное и пронзительное в его жизни. Та истина, которую он понесет в себе до конца, откроется ему. И уже ничего не было страшно — ни злоба Гапонова, ни месть комендантши, ни бездомность выселения. Силы и радость переполняли Отличника, а жизнь казалась безгранично щедрым даром какого-то высшего, мудрого и любящего существа.

Он сбежал на свой этаж и вошел в блок. В открытой двери бывшей своей комнаты он увидел чужие спины и остановился.

— Ну что, собрал манатки? — услышал Отличник грубый голос комендантши. — Все, пора и честь знать, давай выметайся.

— Силком тя волочить, Симаков? — спросил Гапонов.

— Не ломай комедию, Иван, — сказал Игорь. — Все уже готовы.

— Погодите, чего коней гнать, — бодро звучал голос Ваньки, — перед смертью не надышишься... Надо присесть на дорожку.

Отличник услышал, как под его задом ахнула сетка кровати. Некоторое время стояла тишина, потом Игорь сказал:

— Ну, все. Вставай, Иван. Посидели — и двигаем.

Отличник опрометью выскочил в коридор, борясь со своим счастьем видеть друзей. В блоке раздались шаги, голоса, среди которых были и голоса Нелли с Лелей, щелканье запираемых комендантшей замков. Отличник пробежал по коридору и спрятался на черной лестнице, но звуки шагов вскоре раздались совсем рядом. Отличник помчался наверх, но те,

кто шел за ним, пошли туда же.

Они поднялись на три лестничных марша, чтобы не быть замеченными комендантшей, и Леля сказала:

— Давайте передохнем...

Они остановились и молча, дружно закурили. Отличник, прячущийся этажом выше, осторожно выглянул в пролет и увидел, что Игорь, Ванька, Нелли и Леля курят на лестничной площадке, окруженные сумками и чемоданами, как отъезжающие на вокзале.

— Вот и выперли нас, — с веселым сожалением подытожил Ванька.

Леля заплакала, а Игорь отвернулся. Нелли затаилась, глазами обежав пространство лестничной клетки, и сказала, объясняя все на свете:

— Общага-на-Крови.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

В дверь громко стукнули. Отличник, ничего не соображая, сел, схватил со стола толстый будильник и тупо уставился на усатый циферблат. Было без пяти восемь.

Майское солнце валилось в комнату сквозь незашторенное окно и громоздилось в ней беспорядочными глыбами света. Пыль мерцала в воздухе, словно следы сна, который только что так волновал Отличника, а теперь стремительно исчезал из памяти. Серафима спала, завернувшись в простыню с головой. Стук повторился. Отличник в одних трусах сполз с койки и босиком прошлепал к двери. В коридорчике блока стояла Лена Мельникова — подруга и однокурсница Серафимы.

— Ой... — растерянно сказала она. Отличник быстро изогнулся, пряча нижнюю часть тела за дверь и оставляя в щели только плечо и щеку.

— Извини... — одновременно сказали они друг другу.

— Там Фимке на вахту телеграмму принесли, — сообщила Лена.

— Спасибо, — ответил Отличник, принимая листочек и закрывая дверь. Он оглянулся и увидел, что Серафима тоже проснулась и, лежа, потягивается, растопырив руки и сжав кулачки.

— Тебе телеграмма, — сказал ей Отличник, подавая листок.

Уже на третий день своего проживания у Серафимы он перестал стесняться щеголять в трусах. Все равно избежать этого было практически невозможно, и он предпочел смириться.

Серафима проворно села и схватила телеграмму. Сквозь тонкую белую ткань ночнушки Отличник видел розовые серповидные отсветы ее небольших грудей. Лицо Серафимы было опухшим ото сна, с ровной матовой бледностью покоя, через которую у губ и на скулах только начал пробиваться румянец. Грива солнечных кудрей была взъерошена, справа кривой спиралью торчал рог.

— Это от мамы, — прочитав телеграмму, пояснила Серафима. — Она пятого июня прилетает сюда из Москвы и просит купить ей билет на поезд домой...

Серафима встала, накинула халатик и начала заправлять койку.

— Я пошел Игоря будить, он просил в восемь, — натягивая штаны, сказал Отличник. — Ты пойдешь куда — дверь не запирай...

— А я никуда не пойду, — беззаботно ответила Серафима. — Возвращайся скорее, я сейчас чайник поставлю.

Отыскав комнату, которую Игорь указал ему как место своего ночлега, Отличник решительно забарабанил в дверь. Через некоторое время в комнате раздался скрип панцирной сетки, тяжелый вздох, и Игорь принялся с кем-то препираться сонным шепотом:

— Маргарита, к тебе с визитом...

— Пошли они на фиг, козлы, спать не дают... Это, может, вообще к тебе...

— В комнате, как мне известно, проживаешь ты, а не я.

— Мои все знают, что я не одна, никто не припрется...

— А я никого не ставил в известность, где проведу ночь.

— Да вся общага знает, где ты...

— Ни к чему, Маргарита, дискуссии в столь драматичный момент.

— Не пойду я открывать. Мне через тебя лезть надо.

— Подвигнись, дорогая, на это деяние.

— Спроси лучше, кого там черт принес...

— Не стоит мне тебя компрометировать, Маргарита...

— Ну и хрен с ними. Постучат и свалят.

— А вдруг это тебе принесли вызов на похороны троюродного дедушки, который оставил тебе огромную сумму в швейцарском банке?

— Пошел ты к черту...

Отличнику надоело слушать этот бесконечный спор, и он громко сказал:

— Их сиятельство велено будить!

— Пардон, дорогая, это ко мне, — услышал Отличник шепот Игоря. — Совсем забыл, тысяча извинений... — И Игорь крикнул: — Отличник, будь любезен, друг мой, разбуди еще Ивана в четвереста четвертой и возвращайся сюда через пятнадцать минут!

Четыреста четвертая стояла открытой, и Отличник сразу же вошел. Комната была полупустая, грязная и ободранная. Вдоль стен громоздились две самодельные двухэтажные кровати. На втором ярусе одной из них спиной к Отличнику спал какой-то одетый человек. Ванька, тоже одетый, храпел на пятнистом матрасе, брошенном на замусоренный пол. Рядом с его лицом стояли кроссовки, похожие на двух черных, разжиревших тараканов с безвольно распушенными усами шнурков. После продутого сквозняком коридора Отличника шарахнуло крепким, ядреным запахом сигарет, перегара и вонючих носков.

— Ванька, восемь утра. — Отличник покачал Ваньку за плечо.

Ванька долго просыпался, потом, кряхтя, сел и стал чесаться.

— Башка болит... — заныл он. — Не выспался ни хрена, жарница, все красно в глазах... Клопы чуть насмерть не загрызли... Кормить их, может, на ночь, чтоб спать давали?.. Не поеду я ни в какой институт, ну его в дупло в такую рань...

Отличник скорбно сел на кровать. Он молчал. Он уже устал от Ванькиного надрывного пьянства и похмельных страданий.

Ухватившись за спинку кровати, Ванька тяжело поднялся и побрел к столу, заваленному грязной посудой, пнув по дороге стул.

— Гадюшник долбаный... — проворчал он и по пути ткнул кулаком в спину спящему человеку. — Петров, дай сигарету...

— Пошел в жопу... Сам все мои вчера высадил.

Ванька свалился на стул, взял со стола за бока чайник, вставил его носик себе в бороду и долго пил.

— Ф-фу... — отдуваясь, сказал он. — Петров, ну дай сигарету...

— Хрен ты от меня еще чего дождешься, — ответил Петров с верхней койки.

— Трондец, довыкаблучивался, — подвел итог своему поведению Ванька и забормотал: — Если Магомету не дали сигарету, то Магомет ученый, идет за чибом... — Ванька склонился над столом, выискивая среди грязной посуды окурки, и, найдя, нравоучительно сообщил: — Будет чибон — будет и песня.

— Симаков, — вдруг сверху подал голос Петров. — Ты помнишь, что ты мне бритву должен?

— Ясный пень, — отозвался Ванька.

— Неси.

— Вечером принесу.

— Мне сейчас надо.

— Возьми у Борьки.

— У нас одна электробритва на всю комнату.

— Ну, станком поскоблись. Башку не отрежешь.

— У меня от него раздражение.

— А у меня от тебя раздражение. — Ванька скручивал «козью ножку».

— Сука ты, Симаков. Чтоб я еще раз с тобой пил? Ни хера!

Ванька тем временем зажег самокрутку, вдохнул, блаженно зажмурился, посидел неподвижно, словно медитировал, и прошептал:

— Во продуло, аж мостик накренился...

— Зачем Петрову твоя бритва? — негромко спросил Отличник.

— А я вчера евонную пропил. Денег не было, взял ее и толкнул какому-то хмырю на остановке. А деньги вместе пробухали.

— Это у тебя свежий закидон, — недовольно заметил Отличник.

— А у меня такая же бритва, как у него. Я ему свою отдам. Хреновая машинка, пусть берет, говна не жалко.

— А сам чем бриться будешь?

— Чего мне брить? Яйца, что ли? Я и так красивый.

— Симаков, мне бритва нужна... — нудел сверху Петров.

Ванькины сумки со всеми вещами стояли в комнате Серафимы.

— Принеси ему, чего он ноет, — посоветовал Отличник.

— Подождет, не обосрется. Что мне перед ним, на цырлах бегать?

— Козел ты, Симаков, — в сердцах сказала верхняя койка.

— Не ссы против ветра, Петруха, — с тенью угрозы сказал Ванька и пожаловался: — От курева башка только сильнее затрещала...

Он бросил «козью ножку» в грязную тарелку, встал, держась за голову, подошел к тумбочке и достал из нее пузырек одеколона.

— Не опохмелюсь — загнусь, — пояснил он Отличнику. — Петров, дай денег на пазырь...

— Пошел ты в жопу, — традиционно ответил Петров.

— Тогда прощайся со своим «Шипром», — спокойно сказал Ванька и налил в стакан, который почище, на полтора пальца одеколона.

— Что же ты за говнюк такой!.. — завопил Петров, оглядываясь.

— Не кани, Петруха, у меня в сумке и «Шипр» есть. — Ванька добавил в стакан воды из чайника, благодаря чему получилась мутно-белесая смесь. — Смертельный номер не снимая штанов! — провозгласил он и, стоя, залпом осушил стакан.

Лицо его передернулось.

— Сейчас блевану... — просипел он, но его все-таки не вырвало. Он снова присосался к носику чайника и уселся на прежнее место.

— Зря Борька пустил тебя в комнату... — гундел сверху Петров. — Я же говорил ему, что не надо... Из триста восемнадцатой тебя выперли — ты все равно ни шиша не понял...

— Что — триста восемнадцатая! — риторически воскликнул Ванька, сворачивая вторую самокрутку. — Меня из общаги выперли, так я и то не образумился. Я, отец, честно говоря, думаю, что, если меня на тот свет выпрут, я и там не образумлюсь. Куда, интересно знать, меня из пекла выпирать будут?

— Ты помнишь, что ты вчера в нашей двери замок выбил?

Отличник оглянулся — замок косо висел на двух шурупах.

— Не хер дверь запирать было.

— А ты помнишь, что ты в коридоре делал? Орал, чтобы Гапонов

арестовывать тебя на танке приезжал, что ты с бабкой Юлькой трахаешься, поэтому она тебя в общагу пускает...

— И поэтому вы заперлись?

— Естественно. Гапонов узнает, что ты у нас, и нас выселит.

— На фиг вы ему обосрались, мудаки, — пренебрежительно бросил Ванька. — Я был счастлив, а меня не поняли. Гапонов бы вам ничего не сделал, а я вот замок вышиб.

— Ничего, больше не вышибешь, потому что ты у нас больше не живешь, — желчно сообщил Петров. — На хрена нам приключения на свою жопу? Это утром мы все решили — и я, и Борька Аргунов, и Кукушкин, и Димон. Так что волоки мне бритву с «Шипром» и вали.

— Здатуму кораблю — плаванье зашибись, — весело ответил Ванька. — Сейчас свалю, только бампер умою. Вещи вечером закину.

— Ну и хорошо. Пока, Симаков. Бывай! — И Петров, вынеся приговор, демонстративно замолчал.

— Когда у меня появится свой дом, — задушевно рассказал Ванька Отличнику, — я заведу щенка, назову его «Петров» и утоплю в унитазе.

Бросив самокрутку в стакан, он взял полотенце и ушел. И Отличнику вдруг стало нестерпимо жаль Ваньку — грязный, вонючий глиняный горшок, в котором не гаснет божественный огонь. На миг он, как свои, ощутил одиночество, неприкаянность, страдание Ваньки, укутанные в тряпье пьянства, гусарства и ерничества. Но больше, чем жалость, его поразили страх за Ваньку, ужас перед его упрямым путем, который ведет в никуда и с которого нельзя свернуть, потому что это приведет к тому же концу, но гораздо быстрее.

Однако умыться Ваньке не удалось.

— Та-а-ак, а это что за порнография? — услышал Отличник его громкий и хамски-разгульный голос. Ванькины интонации говорили, что он столкнулся с чем-то более серьезным, чем Петров с верхней койки. Отличник подбежал к двери и приоткрыл ее.

— Ага, и Симаков тут же, — донесся голос Гапонова. — Еще один нелегашик. Что тут делаешь?

— В гости пришел, ваше превосходительство!

— С полотенцем?

— Это чтоб утереться, если в рожу плюнуть изволите!

— А почему на вахте документов не оставил?

— Как это не оставил? — делано изумился Ванька. — Я оставил документ, удостоверяющий мое право на одну поездку в городском

пассажирском транспорте!

— Ничего я у баки Юки не видел.

— Она его съела, наверное. Он счастливый был, документ-то.

— Ты мне не дуди, — зверея, начал Гапонов. — Тя из оцаги выселили, и ты зесь появляться имеешь право токо по документу, пол? И тем, кто тебя пускает, передай, что я их сей комнатой выселю. Я сех вас, знаю и сех вычислю, вот как ее вычислил!

— Ты мне лучше растолкуй, гражданин вычислитель, чей это чемодан у тебя в руке? Нелька, твой, что ли?

Отличник понял, что Гапонов отыскал по общаге Нелли, забрал ее вещи и теперь конвоирует до вахты, чтобы вместе с баулами выставить на улицу.

— Не суся не в свои дела, Симаков. Додет и до тя очередь.

— Дойдет, дойдет. А пока давай мне ее вещи и вали один.

— Ну, лядь, Симаков, ты меня уже заколебал...

— Что, стукнемся? Вспомним босоное детство?

Отличник услышал, как что-то мягкое шлепнулось на пол.

— Лано, Караванова, — предупредил Гапонов. — Сёня он тя отбил, но я сех вас найду и вышибу осюда. Вам тут не жить, поняли?

— Давай, давай, вали, козел, — напутствовал Гапонова Ванька.

Взъерошенный и озабоченный, Ванька ворвался в комнату.

— Сматываемся, харя, — сообщил он. — Гапон по общаге рыскает, Нельку у Беловых выцепил... Наедет еще на этих мудаков — вони не оберешься. — Ванька бегал по комнате, собирая какието свои мелочи. — Пошли, харя, к тебе с Фимочкой. Отсидимся, пока шухер не уляжется. Ты не против?

Они вышли в коридор, и Отличник увидел Нелли. Она смотрела куда-то в окно, лицо у нее было каменное и безразличное.

Втроем они молча и быстро поднялись на седьмой этаж и подошли к семьсот десятой комнате. Отличник постучал и открыл дверь. Серафима с ногами сидела на кровати и читала книгу.

— А я с гостями, — предупредил Отличник.

— Здравствуй, Фима, — спокойно сказала Нелли.

Отличник почувствовал, что как только она увидела Серафиму, то сразу сделалась неестественной — какой-то подчеркнуто доброжелательной и внимательной. А впрочем, все друзья Отличника, встречаясь с Серафимой, изменялись. Для них Серафима словно бы заключала в себе что-то нежелательное, и они скрывали это за вежливостью и демонстративной симпатией. Отличник не знал, как

отнестись ко всему этому. Более того, он даже не хотел разбираться, отчего так происходит, ибо в любом случае это обязывало его перемениться в отношении к Серафиме и потом из-за этого затаить на друзей обиду.

— Привет, Фимка, — развязно сказал Ванька, сбрасывая обувь.

— Привет, — обрадовалась Серафима и слезла с койки. — Вы вовремя успели. Хотите чаю? У меня вишневое варенье есть.

— Напузырь-ка мне стаканчик, — благодушно пророкотал Ванька, валясь на кровать Отличника. — Фимка, мы покурим у тебя?

— Курите, — расставляя стаканы, ответила Серафима. — Отличник, достань, пожалуйста, варенье...

— Нелька, дай сигу, — тотчас попросил Ванька. Нелли молча достала пачку, вынула сигарету и подала Ваньке. Она не любила, чтобы в ее пачку лазили чужие пальцы.

Ванька привычным жестом выхватил из-под кровати литровую стеклянную банку и поставил ее на стол. Банка эта была специально заготовлена им в прошлое посещение. Серафима, не зная о том, удивленно взглянула на безмятежного Ваньку и засмеялась.

— Меня вот из комнаты опять выперли, — сообщил Ванька.

— Опять безобразничал? — разливая чай, спросила Серафима.

— Э-эх!.. — Ванька махнул рукой и взял стакан. — Не станем относиться к жизни серьезно, Фимка. Все будет как попало!

— Ты, Ванька, всегда отшучиваешься, — укоризненно заметила Серафима. — От жизни не отшутишься... Вы ешьте варенье-то... А если вам негде остановиться, живите у меня. Места хватит.

— Я вроде бы не говорила, что меня выгнали, — вдруг холодно сказала Нелли, которая курила и не прикасалась к чаю.

— У тебя такой вид, Неля, что все понятно, — улыбнулась Серафима. — Ванька, возьми ложку, не суй палец в варенье...

— Нет, Фима, спасибо, — словно очнулась Нелли, глядя на Серафиму с оттенком жалости и нежности. — У меня, кроме Беловых, есть еще много других знакомых, у кого я могу переночевать.

— А чем у меня хуже? — без всякой рисовки удивилась Серафима.

— Не в том дело, Фимка, — встрял Ванька. — За Нелькой Гапонов настоящую охоту учинил. Если он застукает кого из нас у тебя, то все пострадают — и кого застукали, и Отличник, и ты. Нам теперь поодиночке держаться надо, чтобы меньше жертв было.

Серафима ничего не сказала и снова с ногами забралась на свою койку.

— Можно, Фима, я у тебя вещи оставляю? — спросила Нелли.

— Конечно. Но если негде будет ночевать — приходите не

спрашиваясь. Я всегда буду вам рада.

— Гапонов неспроста за тобой следит, — без смущения заявил Нелли Ванька. — Он к тебе равнодушен, гад, вот и мстит.

— Ну и пошел он к дьяволу, — отмахнулась Нелли.

— Интересно, — задумался Ванька, — он тебя действительно сам вычислил или какая сволочь настучала?

Нелли сделала гримасу безразличия.

— Знаешь, Фима, — подумав, сказала она, — ты не принимай на свой счет, но с тех пор, как мы так живем, я чувствую, что все от меня отвернулись. Никто во мне человека не видит. Я для всех только обуза, которую терпят из вежливости. Такое ощущение, что все тебе врут, а сами только и ждут, когда ты уйдешь, чтобы не было неприятностей. Будто умерла для всех, а похоронить нельзя, вот труп и перепихивают друг другу, чтобы под носом не воняло. Людей ненавидеть начинаешь.

— Это усталость и нервы, Неля, — возразила Серафима. — Ты слишком мнительна.

— Да плюнь ты на них всех, — посоветовал Ванька. — Приходи и живи. Это же общага.

— Нельзя плевать, — вдруг возразил молчавший до сих пор Отличник. — Вот ты доплевался, что тебя из второй комнаты выставили.

Нелли мельком презрительно взглянула на Отличника.

— Ха! — воскликнул Ванька. — Да у меня, харя, таких комнат хоть жопой ешь! Оттуда выперли, так я не удавлюсь на резинке от трусов, еще найду комнату!

— И снова выпрут, — упрямо сказал Отличник.

— А-а, пускай. Опять новую найду. Сессия же не бесконечна. Худо-бедно перекантуюсь, а там видно будет.

Отличник тяжело вздохнул.

— Не падай духом, мать. — Ванька хлопнул Нелли по коленке. — Мы еще придем поссать на их могилы.

Нелли только усмехнулась.

Еще с полчаса они говорили о разных пустяках, не касаясь этой темы, и наконец Нелли сказала:

— Ладно, Фима, пойдем мы. Думаю, что тревога уже улеглась.

— Приходите сюда, — снова пригласила Серафима.

Отличник вышел в блок проводить друзей. Он чувствовал: они хотят что-то сказать ему без Серафимы.

— Хорошая у тебя девочка! — быстро прошептал Ванька в ухо Отличнику. — Ну и подфартило тебе, харя!

Отличник смущенно улыбнулся.

— Вы друг другу подходите, — с наигранным безразличием, не понижая голоса, добавила Нелли. — Кстати, Отличник, ты не знаешь, где Каминский?

— Нет, — соврал Отличник, сумев выдержать ее взгляд.

— Ну ладно, — ухмыльнулась Нелли, отворачиваясь.

Ванька скорчил зловещую рожу и, пока Нелли не видела, быстро, но крепко пожал Отличнику руку.

Игорь в брюках и рубашке, подпоясанный женским фартуком, на электроплитке жарил себе яичницу и варил в турке кофе. Отличник сидел в стороне на стуле, как зритель, и глотал слюни. Маргариты в комнате не было, поэтому Отличник свободно рассказывал Игорю об изменениях в судьбах Нелли и Ваньки.

— Образ жизни и поведение компрометируют Ивана в глазах окружающих, — произнес Игорь. — Ты бы, Отличник, повлиял как-нибудь на него...

— Он сам знает, что делает, — хмуро отозвался Отличник. — Нянька я ему, что ли?

— Н-да-а... — протянул Игорь и вздохнул. — Тяжело мне, друг мой. Сейчас бы о себе подумать — не до прочих. Но ведь гибнет человек. Что делать?

— Ничего.

— Как-то нехорошо у нас стало. словно мы друг другу чужие. Что с нами случилось? Что с нами сделали? Что будет, Отличник?

— Не знаю, Игорь, — печально сказал Отличник. — Ванька говорит, что нам теперь поодиночке держаться надо. Мне кажется, что все просто злятся друг на друга оттого, что никто не хочет сделать первого шага к сближению.

— Какое сближение, дитя мое? — Игорь пожал плечами. — Мы не ссорились. Не расходились во мнениях.

— Ну, может, поддержать друг друга... Не врать друг другу...

— Как я понимаю, — помолчав, заметил Игорь, — последнее — это в мой адрес?

— Ну да, — неохотно сознался Отличник. — Но не только. Во всем какая-то фальшь появилась. Лелька будто врет, что всех любит, Нелька — что всех ненавидит, Ванька — что на всех наплевать...

— А почему ты считаешь, что это не так?

— Почему-почему? Потому что я сам не могу ни плевать на всех

поголовно, ни любить, ни ненавидеть...

— Ты, наверное, осуждаешь меня за мой способ жить в общежитии и за то, что я вынуждаю тебя лгать?

Отличник скорчил неопределенно-кислую физиономию, хотя и то и другое действительно было ему не по душе.

— Даже Иван осуждает меня, — задумчиво заметил Игорь. — Это Иван-то, который всегда наплевательски относился к близким, насмешливо — к моим отношениям с Нелли и презрительно — к бабам, что для него оправдывало разврат... Представь, мой юный друг, что этот самый вышеупомянутый Иван недавно в частной беседе в свойственной ему разухабистой манере следующим образом сформулировал мой способ жизни в общежитии — даю адаптированный перевод: «Я тебя люблю так, что сегодня же совокупиться хочу, аж переночевать негде».

— Характерное высказывание для Ивана, — сказал Отличник, невольно перенимая манеру говорить у Игоря.

— Может, все-таки поделишь мою скромную трапезу?

— Не хочу, — соврал Отличник. — Но кофе буду...

Игорь налил ему кофе и поставил перед собой сковородку.

— Понимаешь, мой юный друг, — с аппетитом принимаясь за яичницу, пояснял Игорь, — совокуплениями мне приходится платить за ночлег.

Аналогично Иван платит своим приятелям пьянкой, Нелли чете Беловых платит интеллектуальным общением, а Леля платит Вале Карелиной тем, что сидит с ребенком. Я хочу, чтобы ты, мой друг, понял, что связь с различными подругами не является для меня самоцелью и не доставляет мне духовного удовольствия. Бабы, с которыми я имею дело, глупы, развратны и банальны. Я бы не стал с ними связываться, если бы не нуждался хотя бы в половине койки на ночь. Кроме того, как специалист, скажу тебе, что соблазнение требует огромного количества времени и усилий. При всем при этом меня мучит страх во всем доступном диапазоне — от страха перед Ботовой Ольгой Васильевной, комендантом, до страха перед Нелли Каравановой, моей последней надеждой на человеческое достоинство. Неужели кратковременный физиологический оргазм может служить достаточной компенсацией за все вышеперечисленное?

— А зачем ты мне это все говоришь? — спросил Отличник.

— Полагаю, моя цель самоочевидна: оправдаться.

— Оправдаться... — повторил Отличник. — То есть попытаться представить правдой во мнении других то, что считаешь правдой для себя?

Выдать субъективное за объективное?

— Ты жесток, мой юный друг, — с болью заметил Игорь, на мгновение отстраняясь от сковородки. — Возможно, объективно я поступаю дурно. Но субъективно у меня нет выхода. Мне противно пить, как пьет Иван, я не умею сидеть с детьми, как сидит Леля, меня не воспринимают как интересного собеседника, подобного Нелли. Во мне видят лишь донжуана, селадона, ловеласа и альфонса. Я вынужден мириться с тем мнением о себе, что бытует в общаге, чтобы использовать его в свою пользу, ибо только благодаря людям смогу выжить. Я являюсь типичной жертвой конфликта человека и общества, конфликта личности и предписываемой ей роли. Почему ты осуждаешь только меня? Да, я нарушаю заповедь «не прелюбодействуй». Но ведь и Нелли нарушает заповедь «не поминай имя божьего всуе». И Иван нарушает не менее важную, хоть и неписаную заповедь «не становись скотом». И Леля нарушает подобную же заповедь «не лги о любви». Почему же все, включая тебя, сочувствуют Нелли, Леле, Ивану, а в меня все, включая тебя, кидают куски кала и банановую кожуру?

Отличник видел, что Игорю и впрямь больно, и Отличнику стало жаль Игоря. Но жаль не столько за его страдания, сколько за то, что он совершает самый понятный грех. И при всей своей греховности он боится идти вперед по дороге все возрастающего и возрастающего преступления, в конце которой, быть может, и ожидает святость, ибо даже рождают жизнь посреди смерти — разве не грех перед этой жизнью, которая потом будет мучиться?

— Ну чего ты взъелся? — примирительно сказал Отличник. — Не кидаю я в тебя куски кала. Просто мне Нелли врать неохота, вот и все. А другие, я думаю, просто завидуют твоим любовным победам — сами ведь к тому же стремятся.

— А разве ты к этому не стремишься? Почему ты себя отделил?

— Нельзя стремиться к тому, чего не знаешь...

— Как не знаешь? — совершенно изумился Игорь. — Ты ведь уже неделю живешь с Фимочкой — и... ничего?

Отличник покраснел. Игорь осуждающе молчал.

— Мой юный друг, — строго начал он. — Видишь ли, в чем дело. Живому человеку свойственно любить. Это закон природы, а также психологии, физиологии и ряда других уважаемых дисциплин. За мертвых я поручиться в данном вопросе не могу, ибо не обладаю эмпирическим опытом в достаточной степени. Это посылка. Следствием является то, что ты рано или поздно в кого-нибудь влюбишься. Ты разделяешь мою точку зрения?

— Абсолютно, — кивнул Отличник.

— Я провел скрупулезный анализ твоих склонностей и в соответствии с полученными результатами из весьма обширного ассортимента моих знакомых противоположного пола отобрал тебе то лицо, которое обладает нужными данными, — некую Серафиму Стороженко. Смею утверждать как умудренный опытом естествоиспытатель, что данное лицо вызвало в тебе, мой юный друг, ожидаемый эмоциональный эффект.

Отличник молчал, но по нему было видно, что Игорь прав. Ободренный, Игорь передохнул. Видимо, грандиозность лексических конструкций давалась ему не без напряжения.

— Несмотря на стесненные обстоятельства нашей жизни, — продолжил он, — мы все, как истинные друзья, создали тебе почти санаторные условия. По моему представлению, Нелли, Леля и Иван давно считают, что вы с Серафимой Стороженко уже не нуждаетесь во второй койке. И вдруг ты огорашиваешь меня известием, что между вами все чисто и девственно! Ты просто не имеешь права на это, Отличник. Перед всеми нами ты прямо-таки обязан спать с Серафимой. В конце концов, при любой критической ситуации никто из нас не пытается обрести ночлег в комнате семьсот десять, чтобы не нарушать ваше уединение. В знак признательности за наши жертвы ты должен сделать это.

— Почему? — удивленно спросил Отличник. Игорь не донес до губ чашку кофе.

— Опять двадцать пять за рыбу деньги, — по-Ванькиному сказал он. — Я ведь тебе, мой юный друг, только что изложил причины.

— Это не причины, — резонно возразил Отличник. — Это поводы.

— Ну да, — язвительно согласился Игорь. — Любовь в какой-то степени действительно повод, чтобы спать с любимым человеком.

— Любовь — не повод и не причина. Целью любви не может быть удовольствие, как целью веры не может быть награда. Я так думаю, Игорь, наслаждение может разве что сопутствовать любви, если оно не мешает ей. Но я другое хочу узнать. Почему именно ты склоняешь меня переспать с Серафимой?

— Именно я тебя склоняю — если таковым принуждением может считаться высказывание собственного мнения — по двум причинам, — немного разозлившись, заявил Игорь. — Я чувствую, что ты уже заготовил разоблачительные филиппики в мой адрес, а потому назову тебе их. Первая — логическая: потому что никто, кроме меня, не знает, что ты Афонский Монах, иначе бы все остальные говорили со мной хором. А вторая причина — субъективная: в моем отравленном развратом мозгу не уместается, как

это можно и пальцем не коснуться любимой девушки? Неужели тебе самому не хочется испытать всю ее нежность, почувствовать, как она покорна тебе, разъята под тобой?..

Игорь уже начал увлекаться своими личными воспоминаниями. Отличник понятия не имел, зачем Серафиме надо совершать все эти ужасные вещи, которые живописал Игорь. Но как бы Отличнику ни казались дики образы возбужденной чувственности Игоря, он не шарахался в сторону, понимая, что во всем этом заключается какая-то еще не разгаданная им тайна природы и жизни. Следовательно, в словах Игоря была не похоть, не вожделение, а тоска оттого, что ему, Отличнику, страшно притрагиваться к этой тайне, как саперу к mine неизвестного механизма действия. А тоска по истине всегда чиста и целомудренна, в какую бы помойку истину ни зарыли.

— Н-ну, я не умею, Игорь... — неуверенно сказал Отличник.

— Ладно, так и быть, я дам тебе первый и, надеюсь, последний урок, — убитым голосом сказал Игорь. — Дурное дело нехитрое.

— А разве это дурное дело?

— Отличник, друг мой, — вкрадчиво произнес Игорь, — я все больше воспламеняюсь желанием, причиняя тебе максимум страданий, отделить верхнюю, пустую часть твоего организма от нижеследующих посредством тупого и ржавого ножа. Ну зачем все, мой юный друг, подвергать анализу рассудка? С той же степенью правоты все вещи в мире можно рассматривать синтезом чувства.

— Хорошо-хорошо, — торопливо сдался Отличник. — Я молчу.

— Значит, так. Наш общий, весьма опустившийся друг Симаков Иван утверждает, что в этих случаях автопилот вывезет. Поскольку тебя онный почему-то не вывозит, я назову мой урок так: «Как добиться постели с любимой девушкой». Параграф первый...

Но продолжить Игорь не успел. Дверь неожиданно без стука распахнулась, и в комнату вошла комендантша. Игорь и Отличник обомлели, да и Ботва чуть не споткнулась, но это лишь подстегнуло ее пыл. Она открыла рот и начала орать.

Первая часть ее выступления посвящалась разгрому оппонентов. Игорь и Отличник узнали, что Ольга Васильевна видит их насквозь, что порядочных людей из общаг не выселяют, что она может за каждый день сказать, где Игорь ночевал, что не Игоря дело выяснять, кто на него настучал, что в следующий раз она вместе с Ринатом и Яном выбросит Игоря в коридор прямо без трусов, что она накатает на Игоря телегу и его вышибут из института за аморалку. Отличник помалкивал, а Игорь

поначалу пытался протестовать, но Ботова попросту раскрошила его.

Затем она остановилась, напоминая пулеметчика, который только что скосил толпу приговоренных к расстрелу, а теперь поднял голову и ждет, не шевельнется ли кто-нибудь. Никто не шевелился, и тогда Ботва приступила ко второму отделению — танцу на трупах. Игорь узнал, что он кобель, а Отличник узнал, что он щенок, подружки Игоря оказались суками.

Ботова орала добрых полчаса. Когда она наконец ушла, грохнув дверью, Игорь сидел черный и трясущийся.

— Пожалуй, Игорь, ты мне потом преподашь свой урок, — осторожно сказал Отличник, вставая.

— Пожалуй, что так, — согласился Игорь. — Общага — это вам не брянский лес...

Отличник бежал по черной лестнице и увидел Лелю, которая курила у окна на лестничной клетке. В сумерках особенно ярко и живо горела желтизна заката над городскими крышами. На ней, как аппликации, лежали однотонные, контрастные, алые облака. Леля стояла спиной к Отличнику, ее кавалерийский халат свисал на левое плечо.

— Ку-ку, Леля, — негромко позвал Отличник. Леля удивленно оглянулась и через секунду уже висела на его груди, мелко целуясь с ним в губы.

— Ты сейчас мне ухо сигаретой поджаришь, — улыбнулся Отличник, держа Лелю за талию.

Леля отпустила его, и они сели на подоконник.

— Как ты поживаешь? — ласково спросил Отличник.

— Спасибо, хреново, — грустно ответила Леля.

— Ты все еще у Карелиной?

— Ухожу от них сегодня, — рассказала Леля. — Валька, конечно, добрая, но я больше не могу. Чем дольше живешь, тем больше обязана, даже стыдно. Сколько можно приживалкой? Надоела уж, наверное. А вчера Вовка приехал с практики, так Вальке, наверное, с ним побывать охота. К тому же у Вовки Карелина уже были стычки с Ботвой. Неловко как-то из-за своих неудач других людей под удар подставлять. Куда они с дочкой денутся, если что? Да ведь и понимать надо, что всему мера есть, даже гостеприимству. Они ведь не могут сказать: давай, мол, съезжай. Скажут, так начнут жалеть, стыдиться. И им, и мне неудобно будет. Лучше уж самой, не доводя до конфликта... И отношения сохранятся, и все такое...

Отличник в душе согласился с Лелей. Он и сам порою чувствовал, что пора бы ему взять чемодан и сказать Серафиме: «Ну, пока!» Кстати, это

заодно объяснило бы ей, почему он никогда к ней не приставал. Если, конечно, она задавалась этим вопросом.

Отличник вспомнил разговор с Игорем и подумал, что это еще один аргумент в пользу игоревской модели взаимоотношений: если он продолжает жить в комнате Серафимы, то он действительно обязан хоть что-нибудь предпринять. А коли не способен на это, так будь добр, отчаливай. Правда, в таком случае Отличник с большей бы охотой вышел не в дверь, а в окно, но делать этого ему ни туда, ни, особенно, сюда совсем не хотелось.

— И куда же ты теперь, на ночь глядя? — спросил Лелю Отличник.

— Меня Ирка Якупова пригласила.

— Она же дура. К тому же к ней Гапонов таскается. Возьмет и нагрянет. Ты знаешь, что он Нелю от Беловых выгнал?

— Нелечку? — удивилась Леля. — Он же к ней неровно дышал!..

— Дышал, дышал, да и прогнал.

— А я, кляча позорная, сказала Ринату Ботову, что у Якуповой буду жить, — подосадовала Леля. — Вдруг он Гапонову доложит?

— Зачем же ты сказала?

— Да обмолвилась, — пояснила Леля. — Вовка Карелин по поводу своего возвращения поил всех, и Ринат приперся. Напился и стал меня в кабак звать, а я и ляпнула, что Якупова просила меня до десяти вернуться...

— Я гляжу, у тебя личная жизнь бурлит, — осуждающе заметил Отличник. — Скоро у Ваньки на башке пышные рога заколосятся...

— Нет, Отличничек, я ведь только тебя люблю, — зашептала Леля, снова подлезая с поцелуями. — А ты меня, подлец, бросил...

— Почему же это я тебя бросил?

— Ты теперь свою Фимочку любишь... Отличник, а скажи мне, только честно, — прижимаясь, попросила Леля, — ты с ней спишь?

«Чего это всех так волнует?» — краснея, с неудовольствием подумал Отличник.

— Нет, — хмуро сказал он.

— А давай я буду твоей любовницей и всему тебя научу?

— Прямо здесь? Прямо сейчас? — язвительно спросил Отличник.

— Дурак, — сказала Леля и дернула его за нос, помолчала, а потом нежно обняла, повернув его лицом к себе и глядя в глаза. — Ты такой хорошенький, — тихо сказала она. — Но ведь ты ничей. Сейчас ничей, и будешь ничей. Давай, я возьму тебя себе? Ты же еще маленький, тебе нужна мама, я буду твой мамой.

— Ох, Леля, — вздохнул Отличник. — Я тебя правда люблю... Но жизнь не исчерпывается только «люблю» или «не люблю». Есть и еще что-то, не менее важное...

— Я поняла, — печально кивнула Леля. — Что ж, я согласна и на маленький кусочек Отличника... Но только ты дай мне его обязательно.

— На, — смеясь, сказал Отличник и сделал непристойный жест.

— Дурачок... — целуя его, нежно прошептала Леля.

Отличник и Серафима сидели у открытого окна, пили чай с вишневым вареньем и плевали косточки за карниз. В комнате от заката был теплый багрянец, пахнувший дорожной пылью и автомобильными шинами. Отличнику было трудно говорить с Серафимой, потому что она спокойно и ясно глядела ему прямо в глаза. Разговор выходил какой-то лоскутный — перепутанный с трепом, веселыми историями, шутками, анекдотами, пока, наконец, Серафима не заговорила о друзьях Отличника.

— Знаешь, мне так жаль их, — сказала она, — но ведь им ничем нельзя помочь.

— Почему же? По-моему, они только и живут тем, что им кто-то помогает и пускает к себе ночевать...

— Нет, не в этом дело... Мне кажется, что они ищут вовсе не где жить, а как жить... Я бы так не смогла.

— Разве? Любой бы смог, окажись он в такой ситуации.

— Нет. Да и не всякий бы в такой ситуации оказался.

— Почему?

— Ну, не знаю. — Серафима пожала плечами. — Я вообще ничего не знаю, я тупая и темная, и все их вопросы никогда передо мной не стояли. Я ничего не понимаю в жизни и не знаю, как к ней относиться. У меня нет ни одного принципа, по которому бы я жила. Живу, как получается, стараюсь не делать зла, если можно, — вот и все. Наверное, никому не интересно заставлять меня отвечать на такие важные вопросы. Поэтому я, например, и не окажусь никогда в таком положении, как твои друзья. Я же сразу разревусь, а потом умру, и никакой пользы от меня не будет.

Серафима улыбалась, и Отличник улыбался.

— А вот узнает комендантша, что я у тебя живу, и выгонит тебя. Сразу и окажешься в положении моих друзей.

— Я тоже думала о том, что меня могут выгнать, — согласилась Серафима. — Но ничего на этот случай придумать не смогла. Я не знаю, что бы я делала. Просто в голове не уместается. Я решила, что лучше уж вообще не думать.

— Ну а если ты не веришь, что эти вопросы для тебя тоже существуют, зачем тогда согласилась, чтобы я жил тут?

— Что же мне, выгонять тебя? Тебе же негде жить.

— Ну и что, что негде. И необязательно выгонять — просто намекни, чтобы я уматывал.

— Зачем намекать, если я могу сказать прямо? Отличник слушал и не верил, что Серафима существует в действительности, что это живой человек в плоти и крови сидит перед ним и пьет чай. Разве можно было в этом запутанном, сложном, раздираемом на куски мире сохранить простоту и ясность души? Отличнику казалось, что Серафима действительно вышла из его фантазий, как остров Тенерифа, ибо для нее не было преград во вселенной. И даже не потому, что она не мудрствуя лукаво делила все на плохое и хорошее, на добро и зло, на свет и тьму, а потому, что вокруг нее все и вправду занимало свои места без суеты и путаницы.

Она напоминала Отличнику бога-писателя Нелли, который не станет глядеть на то, что человек выбрал, как жил, сколько совершил ошибок и сколько верных ходов отыскал, а спросит лишь: стремился ли ты к добру всю свою жизнь? И тогда уж решит: простить или не простить. И эта неземная, волшебная сущность Серафимы превращала ее для Отличника в какого-то ангела, во что-то сотканное из воздуха и солнечного света, к чему грех прикасаться руками. Как Отличник мог объяснить Игорю, из-за чего он ни разу не пристал к Серафиме? Разве бы Игорь понял? Это было бы все равно что рассказать ему о Тенерифе. Для Игоря Тенерифа была бы конкретным географическим пунктом с конкретными природными условиями и конкретной государственной принадлежностью.

— А ты не боишься, что я начну к тебе приставать? — полюбопытствовал Отличник.

Серафима помотала кудрями.

— Если бы ты мог приставать, я бы не поселила тебя сюда.

— А откуда ты знала, что я не буду?

— Такой человек держит себя неестественно, все что-то строит из себя, хочет понравиться. А ты, наоборот, был такой, словно ты меня испугался и оцетинился. Вот по Игорю сразу же видно, что он бы начал приставать, верно? Мы как только познакомились, я это сразу поняла и сразу же сказала, чтобы он ни на что не рассчитывал. Я думала, что он обидится и уйдет, но он почему-то поддерживал знакомство и даже в кино два раза водил.

— Хм, — заинтересовался Отличник. — А Ванька тебе как?

— Ванька? Вот он, конечно, естественно держится, но тоже начнет

приставать. Зато его можно отшить, и он поймет правильно. Это не изменит с ним отношений. Мне его еще и потому легче отшить, что мне его меньше жаль, чем Игоря.

— Почему? Выглядит-то он несчастнее.

— Конечно. Он самый слабый.

— Разве слабых не жалеют больше, чем сильных?

— Не в том дело... Я неправильно выразилась. Я не умею говорить так долго, складно и красиво, как Игорь... Как-то вот получается, что слабых больше жалеешь, но меньше любишь. Жалость от доброты идет, а любовь... ну, как бы это сказать... так положено человеку. Любовь первее жалости. Жалеть, конечно, надо, но больше хочется любить.

Вот мне в тебе нравится то, что тебя жалеть не надо.

— Почему? Ты хочешь сказать, что я сильнее всех?

— Нет... Ты слабее даже Ваньки. Но видишь... я попытаюсь объяснить... Ванька самый слабый, потому что его можно сломать.

— Любого можно сломать.

— Да, но ведь важно, что человек будет делать после этого. Ванька начнет мстить.

— То есть махать после драки кулаками?

— Ну. А ведь это глупо. Дальше по степени слабости, по-моему, идет Нелли. То есть она чуть посильнее Ваньки. Если ее сломать, то она начнет строить то же самое заново. А зачем? Если один раз сломалось, то и потом сломается, верно? Тоже глупо. Сильнее Нелли Леля. Если ее сломать, то она потом вообще ничего не будет делать, все бросит. А если сломать Игоря, то он попытается встать на позицию своего победителя, овладеть его оружием. Вот в этом смысле он «сильный». Правда, «сильный» — это какое-то не то слово, но я не могу найти нужного. Это в каком-то простом, житейском смысле он самый сильный. Я такая дура, поэтому просто смотрю: кому легче живется — тот и самый сильный. Игорю будет легче всех. А если, например, духовную силу брать, то самый сильный, конечно, Ванька — ведь его ломают, а он и сломанный за свое борется.

— Ну а я? — спросил Отличник. — Про меня ты что-нибудь скажешь? Сильный я или слабый? И в каком смысле?

Серафима засмеялась, и Отличник, взволнованно глядя в ее спокойные серебристые глаза, с новой силой почувствовал, как любит ее.

— А ты совсем не такой. Вообще-то тебя очень легко сломать. Гораздо легче, чем остальных. Но понимаешь... Мне так кажется... Их один раз сломали — и все. Навсегда, конец. А тебя надо бесконечно всякий раз ломать заново.

Леля и Ира Якупова давно уже спали, когда около двух часов ночи в дверь громко и требовательно забарабанили. Леля проснулась. Ира покорно встала, накинула халат и поплелась открывать. Луна одним плечом всовывалась в открытое окно.

— Сваденые колокочки, сваденые колокочки! — раздался игривый голос Гапонова.

В потоке света из коридора в комнату ввалились пьяные Гапонов и Ринат. Талонов звякал друг о друга двумя бутылками портвейна.

— Ты чего, Ян, мы уже спим! — зашипела Ира.

— Фигня, Ирка, — отмахнулся Гапонов, опуская бутылки на стол.

— Идите к себе пейте! Вам тут кабак, что ли?

— Кочай, — велел Гапонов, усаживаясь. — Имею я право выпить со своей невесой? Ты мне невеса или нет? Ринат, ты где пропал?

Леля лежала сама не своя, отвернувшись к стене и укрывшись с головой. Она слышала, как Ринат возится у двери, стаскивает обувь и шепчет: «Блядь, темно, ни хера не видно...» — и вдруг вспыхнул включенный свет.

— Погаси! — шепотом закричала Ира. — Там же Лелька спит!

«Вот дура, — подумала Леля. — Просили же ее молчать!»

— Какая Лека? — с пьяной подозрительностью спросил Гапонов. — Что за Лека, почему не заю?

— Э-э... — Ира сама растерялась от собственного промаха.

— Я же говорил тебе, — тихо напомнил Гапонову Ринат.

— Леушина? Нелегацица?

Затылок и спина у Лели словно налились свинцом — она почувствовала, как Гапонов рассматривает ее.

— Гнать ее надо осюда нах-х... — сказал Гапонов.

Леля, умирая от страха, ждала, что сейчас Гапонов сдернет с нее простыню и прямо в ночнушке выставит в коридор.

— Лано, пес с ней, — смиростивился Гапонов. — Пусь спит. Я сёня добрый. Давай стаканы, Ирка.

Свет погас. Ринат тоже уселся за стол.

— Может, разбудить? — негромко спросил он у Иры. — Выпьет за компанию...

— Не трогай ее, — попросила Ира.

— Нах-х те эта копания с нелегалами? — агрессивно спросил у Рината Гапонов.

— Да пошел ты! — разозлился Ринат. — Как нажрешься, так ни хера

не соображаешь!

— Лано-лано, — примирительно заворчал Гапонов. — Не злись.

По короткому красному отсвету на стене перед собою Леля поняла, что Ринат зажег спичку прикурить.

— Я же против Леушиной ничего не имею, — продолжал свое Гапонов. — Да мне воще на них сех насрать... Каминскому просо сзы дать, да и сех делов, а Симакова бы я засавил гоно есь, да положил я на их сех... В ощаге, наверно, чек писят нелегалов живет, за кажим мне, что ли, гоняться? Я токо эту стерву прищучить хочу...

Леля снова испугалась, что под «этой стервой» Гапонов подразумевает ее. Но Ян и Ринат мирно пили вино, и никто не собирался Лелю сей же момент «прищучивать». «Это он не про меня... — поняла Леля. — Это... это он про Нелю...»

Гапонов и Ринат расположились надолго, но тема нелегалыщиков в их разговоре больше не всплывала. Леля понемногу успокоилась и все-таки задремала, надеясь, что все обойдется и гости, допив, уйдут.

Леля внезапно проснулась от того, что панцирная сетка под ней ахнула и ушла вниз. Это рядом сел Ринат.

Гапонов черной, бесформенной грудой ворочался на койке Иры. Леля ошарашенно уставилась на голую, такую яркую при луне, согнутую в колене женскую ногу, торчащую из-под Гапонова, и почему-то насмерть перепугалась.

— Ян, ну, не сейчас... — сдавленно простонала Ира.

— А кода еще? — тупо спросил Гапонов.

— Ну... ай! Не при посторонних... ай!

— Ринат — сой чек, — невнятно отозвался Гапонов. — Ему сечас не до нас... У него другое дело...

Ринат вдруг как-то неловко навалился на Лелю, обнимая ее, и Леля инстинктивно схватила его за запястья. От его ладоней и живота пахло потом, и Лелю моментально охватило омерзение, перерастающее в ужас. Лица Рината она не видела, и вообще ничего не видела, а лишь чувствовала, как его руки спокойно и сильно вывинтились из ее хватки и ушли под простыню.

— Рина-ат!.. — изумленно прошептала Леля, поводя плечами, чтобы освободить груди от его жестких пальцев.

Сетка кровати просела еще больше — это Ринат забросил ноги. И едва Леля заметила его медленное, трудное от опьянения движение, как ее страх мигом прошел. Толкаясь и пихаясь, она начала выбираться из кровати, как из болота.

— Х-худа... — прохрипел Ринат, утягивая Лелю обратно, но она все равно села. Ринат, в общем-то, даже не держал ее, а просто придавил. Леля легко перебралась через его ноги, спрыгнула на пол и сразу попала в тапочки.

— Куда ты?.. — бормотал Ринат, пытаясь сесть. — Иди сюда...

Леля схватила со стула свой халат, но Ринат неожиданно ловко и быстро тоже цапнул его. Некоторое время они молча тянули халат каждый к себе, и Ринат, медленно сдаваясь, пробормотал:

— Ну, ложись со мной... Я тебя в общагу поселю, дура...

Леля наконец выдернула халат, напаялила и бросилась вон из комнаты. Что там происходило у Гапонова с Ирой, она увидеть не успела. Только в коридоре, очнувшись, Леля вдруг поняла, что с ней приключилось и какое предложение сделал ей Ринат.

Она забилась в первый же попавший туалет и беззвучно ревела, визжала там, трясла головой и грызла пальцы. А потом, когда истерика прошла, умылась и на балконе выкурила полпачки сигарет — все, что оставалось в кармане халата.

Ванька заявился на закате, когда Отличник и Серафима пили чай, выплевывая за окно вишневые косточки.

— Здорово, Фимка. — Ванька плюхнулся на койку Отличника.

— Чай будешь?.. — Серафима уже потянулась к чайнику.

— Не буду, — отказался Ванька. — Лучше дайте водки.

Отличник крикнул.

— Водки нету, — удивленно сказала Серафима.

— Харя, дай тогда на пазырь, — развязно попросил Ванька.

Отличник поглядел на него. В общем-то, в хамской Ванькиной просьбе не содержалось ничего нового, но, во-первых, Ванька просил денег «на пазырь» только пьяный, а во-вторых, все равно знал, что Отличник не даст.

— Ты же знаешь, что не дам, — ответил Отличник.

— Ну дай, а?.. — заканючил Ванька.

Отличник снова внимательно поглядел на Ваньку. Ему показалось, что в Ванькином разгильдяйстве есть что-то неестественное, словно Ванька немного переигрывал. Отличнику вдруг захотелось действительно дать Ваньке денег, но дурацкое упрямство удержало его, и он отрицательно покачал головой.

— Фимка, ну дай ты, — вдруг бесцеремонно переметнулся Ванька.

— Ванька, поймей совесть! — разозлился Отличник.

Серафима встала, молча вынула из сумочки, висевшей на спинке

койки, кошелек, достала деньги и подала Ваньке.

— Мерси. — Ванька без смущения взял их, плотоядно улыбаясь.

— Он тебе не вернет, — желчно сказал Отличник.

— Вполне вероятно, — печально согласился Ванька и, усевшись, уставился на Серафиму, будто ожидал, что она тотчас отберет деньги.

— Что же делать-то?.. — растерялась Серафима и, подумав, заключила: — Ладно, не разорюсь... Но может, не надо пить, Ванька?

— Надо, — вздохнул Ванька и туманно пояснил одной из любимых своих поговорок: — С китайцами надо говорить по-китайски... А можно я у вас ее выпью?

— Я не буду пить, — отказалась Серафима.

— Нам учиться надо, — холодно добавил Отличник.

— Да я без компании обойдусь, молчком!.. — заверил Ванька.

— Н-ну, ладно... — неуверенно согласилась Серафима.

— Тогда я побежал. — Ванька вскочил. — Отец, выйди со мной...

Удивляясь все больше и больше, Отличник вышел в коридор.

— Вы уж извините, так надо, — негромко проговорил Ванька. — Я вам не помешаю... Ты мне скажи, отец, с твоего курса девицы Ковалева и Северьянова — они как: целочки или нет?

— А я откуда знаю?! — Отличник был почти потрясен.

— Ну, и так ведь ясно, — с досадой пояснил Ванька.

— По-моему, да, — ответил Отличник. — А что случилось?

— Да ничего не случилось. — Ванька отвернулся. — Херня кругом одна, вот и все. — Он хлопнул Отличника по плечу и пошел прочь.

Строя различные предположения, Отличник вернулся к чаю.

— Что это с ним? — спросила Серафима.

— Настроение паршивое, вот и дурит, — ответил Отличник так, чтобы она не забивала себе голову всякими загадками.

Они допили чай, забыв о Ваньке, и легли по своим койкам с учебниками. Но через полчаса Ванька вернулся с бутылкой. Он сделал жест рукой, который можно было перевести как «все нормально!», сел за стол, зубами сорвал пробку и стал пить, перемежая дозы курением. Он не говорил ни слова, и Отличнику надоело наблюдать за ним. Через полчаса, задымив всю комнату, Ванька сделался хорош и румян. Задумавшись, он, похоже, и сам забыл, где находится, и молчание его было естественным, как молчание в одиночестве.

— Ванька, ты на мне дыру проглядишь, — вдруг сказала Серафима.

— Ладно, я попер, — очнувшись, вскочил Ванька и с улыбкой бессмысленной радости побултыхал бутылкой, демонстрируя ее.

Он направился к семьсот двадцатой комнате, где договорился ночевать. В коридоре его мотало от стены к стене. Он снова приложился к бутылке и заорал басом на весь этаж частушку:

— *Из-за леса выезжает конная милиция,
Становитесь, девки, раком, будет репетиция!*

Плечом он двинул в дверь и ввалился в комнату. В комнате за столом сидели четверо: коренные жильцы пятикурсники Андрей Каменев и Толик Савенко, а также их гости, однокурсницы Отличника Мила Северьянова и Света Ковалева. Все пили коньяк. Девушки имели такой вид, что становилось ясно: с роскошными, уверенными в себе кавалерами они впервые попробовали крутой взрослой жизни и, взволнованные, но скрывающие это, разгоряченные выпитым, решили доводить дело до конца, какого бы раскаяния или стыда это потом ни стоило. Кавалеры же, прекрасно понимая душевное состояние своих дам, чувствовали себя хозяевами положения и потому были снисходительны к нервозности, сосредоточенности и неумелости своих юных подруг.

— Здравствуй, жопа, в Новый год!.. — воскликнул Ванька, удивленно перекосившись и застряв в двери.

— Ты чего приперся? — недовольно спросил Каменев.

— Я буквально на две минуты — выпить по рюмочке.

Ванька щелкнул каблуками, по струнке прошел через комнату и мягко опустил свою бутылку на стол рядом с коньяком. Черно-дубовая коньячная этикетка в сравнении с бело-красной незамысловатой водочной выглядела как генеральские погоны рядом с солдатскими. Света глядела на Ваньку испуганно, а Мила презрительно отвернулась.

— Иван, — протягивая Свете руку, с обворожительной улыбкой представился Ванька. —

Иван, — сказал он Миле. — Друзьям можно просто Иван.

Поддернув на коленях замызганные трико, он опустился на стул и обвел присутствующих лучезарным взглядом.

— Кому налить? — спросил он, выливая всю водку себе в стакан. В комнате царило натянутое молчание. — За присутствующих дам! — пышно провозгласил Ванька и пригубил живительную влагу.

Крякнув, он всем телом скривился набок, достал из заднего кармана измочаленную пачку сигарет, выволок мятую, извилистую сигарету, придирчиво распрямил ее, сунул в бороду и со словами: «Прошу прощения!» — изящно взял обомлевшую Милу за запястье, поднес ее руку с сигаретой к своему лицу и прикурил.

— Симakov, ты что, пьяный? — наконец сообразил Каменев.

— Ясный хрен, — ослепительно улыбнувшись, подтвердил Ванька и закашлялся. — Если бы не чахотка, давно бы помер, — откашлявшись, сообщил он.

— Ты пепел уронил, — безглаголиво сказала ему Мила.

— Ну и сигареты, блин, — пробормотал Ванька, отряхивая живот и колени. — Только закурил, а уже пеплом обсыпался, как... как Везувий.

Разряжая обстановку, все четверо засмеялись. Всем стало ясно, что перед ними так называемый гороховый шут.

Через час совсем стемнело, и компания сплотилась, как родная. Горела свеча, играл магнитофон, под потолком шевелился густой дым, на столе стояла вторая бутылка коньяка. Каменев и Савенко потихоньку тискали девочек. Ванька сидя спал. Все были изрядно пьяны, а Ванька пьянее всех. Он выжрал до конца свою водку, несколько раз присасывался к коньяку, потешал гостей и хозяев побасенками, наконец пожаловался, что его в общаге считают импотентом, потому что никто не видел, как он трахается, и уснул.

— Рота, подъем! — гаркнул ему Савенко. — Симakov, поди гулять!

— Не... — Ванька помотал головой. — Мы только пить начали...

— Все, пить больше нечего, — отрезал Каменев. — Поди погуляй. Мы же с тобой договорились, что ты до двух гуляешь?

— А ты у нас целый час отнял, — поддержал Савенко. — Значит, вернешься в три.

— Я не хочу гулять! — загапризничал Ванька. — Я хочу петь!.. Мисочке... То есть Милочке и Светочке... Дайте мне гитару!

— Вот поиди и поищи ее, — обрадовался Каменев.

— Я вернусь! — кокетливо сказал Ванька, встал, извиваясь всем телом, и погрозил девушкам пальцем: — Не шалите без меня, крошки!

По замысловатой кривой он добрался до двери и выпал в коридор. Дверь за его спиной долго и тщательно запиралась. Ванька побрел на пятый этаж к Вадику Стрельченко, у которого хранилась его гитара, и через десять минут вернулся.

— А это я!.. — закричал он, шлепая ладонью по двери.

Дверь нехотя приоткрылась.

— Ладно, не надо петь, — сквозь щель сказал Савенко.

Но Ванька вдруг ринулся на него, и напор был такой неожиданный, что Савенко не удержал позиции. Ванька ввалился в комнату. Свеча была уже задута, постели расправлены, а девушки разложены по постелям.

— Вот ведь коз-зел!.. — шепотом сказал Каменев.

— Песня! — объявил Ванька.

Шатаясь, он укрепился посреди комнаты и заорал на мотив марша «Прощание славянки»:

*— Отцвела в огороде ака-ация,
Снова чистая совесть моя:
У меня началась менструа-а-ация,
Значит, я не бере-мен-ная!..*

— Сделай что-нибудь с этой пьяной свиньей, — сказал Каменев.

Савенко мягко обхватил Ваньку за талию и повлек к выходу.

— Иди в холл, там и сбацай чего-нибудь, — на ходу увещевал он Ваньку.

Ваньку вытурили в коридор и снова тщательно заперли дверь.

Ванька опять сходил к Стрельченко, оставил гитару и вернулся. Резко, отрывисто, звонко и кратко он постучал в дверь так, как стучат только трезвые люди. После яростного перепирательства шепотом дверь приоткрылась, и Ванька ломанулся в щель, крича тоненьким, противным голоском:

— Я тоже хочу к девочкам!..

Но Каменев грудью выпер Ваньку в коридор, схватил за олимпийку на горле и отвесил две крепкие пощечины.

— Очухался? — злобно спросил он. — Соображаешь?

— Я мыслю, следовательно, я существую, — гордо изрек Ванька.

— Значит, так, Симаков, — внушительно сказал Каменев, отпуская Ваньку. — До трех часов ты мыслишь, следовательно, существуешь, в другом месте, понял? Или ты совсем оскотинился? Давай иди...

Каменев подтолкнул его, и Ванька сделал несколько неуверенных шагов. Тогда Каменев быстро вернулся в комнату и захлопнул дверь. Ванька тотчас подбежал к ней и замолотил кулаками.

— Откр-р-ойте, полиция! — басом заревел он. Дверь моментально приоткрылась.

— Сейчас как с-здану, сука!.. — бешено прошептал Каменев.

Ванька схватился за сердце и зашатался.

Каменев захлопнул дверь и яростно запер замок. Ванька отодвинулся к противоположной стене коридора и, едва услышал, как заскрипела сетка кровати, всем телом кинулся на дверь. Замок с хрустом вывернулся из

косяка, дверь распахнулась, грохнув о стену, и Ванька пластом рухнул на пол семьсот двадцатой комнаты.

— «Ту-сто сорок четыре» п-просит п-посадки... — сказал он.

Когда Отличник сперва услышал мятежное Ванькино исполнение «Прощания славянки», а затем грохот и вопли, он вскочил с кровати, натянул штаны и выбежал в коридор. Мимо него вдоль стены, не глядя, быстро прошли Мила Северьянова и Света Ковалева. Затем из дверного проема семьсот двадцатой комнаты вылетел Ванька и шлепнулся на пол.

— Пролетарии всех стран, совокупляйтесь!.. — хихикая, орал он.

Отличник кинулся к Ваньке и успел вцепиться в спину Андрея Каменева, когда тот уже занес ногу, чтобы разбить Ваньке рот.

— Убирай этого пидара!.. — рявкнул Отличнику Савенко, удерживая трясущегося Каменева. — А то Андрюха его убьет!..

Отличник с неизвестно откуда взявшейся силой поставил Ваньку на ноги и увлек за собой. У Ваньки из носа текла кровь. Отличник впихнул Ваньку в блок, где в дверях семьсот десятой в одной ночной рубашке стояла Серафима.

— Сюда его, — уходя в тень, сказала она. — Что случилось?

Отличник уложил Ваньку на свою кровать.

— Накуролесил, ему и вломили, — сказал он. Серафима взяла свое полотенце, убежала в умывалку, вернулась, уголком вытерла Ваньке нос и усы, сложила мокрое полотенце компрессом и пристроила на лоб, потом стала осторожно ощупывать Ванькино лицо.

— Зубы, кости целы? — спросила она.

— Хрен их знает... — прохрипел Ванька.

— Теперь лежи спокойно, — велела Серафима, убирая из-под его затылка подушку. — Будет больно — позови.

Ничего больше не говоря, она легла обратно в свою постель. Растерянный Отличник стоял у шкафа, не зная, чего ему делать.

Ванька вдруг зашевелился, поднял руку и потрогал нос.

— Кажись, не течет, — сказал он. — Ну и шнобель у меня завтра на морде будет... Целая Шнобелевская премия.

Он снял полотенце и медленно сел.

— Попру я к Стрельченкам, — прокряхтел он. — Спасибо, Фимка.

— Больше не дерись, — спокойно сказала Серафима. — И не пей.

— Не буду, — вставая, ухмыльнулся Ванька. Он направился к двери и, открывая замок, сказал:

— Хотя один день не зря прожил...

Игорь купил бутылку вина и пришел ночевать к Марине Савцовой. Оказалось, что Марина куда-то уехала на всю ночь, а в комнате осталась одна Надя Новиченко. Игорь не расстроился, искренне заверил Надю, что считает ее девушкой Бориса Аргунова, а потому не будет на нее покушаться, откупорил бутылку и сел с Надей пить вино. Они уже почти все допили, когда дверь открылась, и в комнату вошел Борька Аргунов.

— Привет, это я, — сказал он и осекся, увидев Игоря.

— Добрый вечер, Борис, — вежливо поздоровался Игорь.

— Здорово... — не очень радостно ответил Борька, подавая руку и подозрительно заглядывая Игорю в глаза. Затем он сел на кровать Марины и развалился, закинув ногу на ногу.

— Квасите? — недоброжелательно поинтересовался он. — Я вам не помешал?

— Ничего, Борис, — спокойно сказал Игорь.

Все трое замолчали. Борька нервно качал носком. Игорь достал сигареты и закурил. Надя смотрела на свой стакан и задумчиво вращала его пальцами на столе.

— А куда Маринка уехала? — отрывисто спросил Борька.

— Домой, — кратко пояснил Игорь.

— А ты чего здесь делаешь?

— Сижу, — резонно заметил Игорь. Борька замолчал, разозлившись.

— Марина разрешила ему переночевать на ее месте, — осторожно сказала Надя.

Борька что-то проворчал.

— Прости, Борис, я не расслышал, — обратился к нему Игорь.

— Я говорю, ты, Надька, сказала, что будешь одна всю ночь...

— Откуда я знала про Игоря? Савцова мне не докладывала.

— А ты, Игорь, другого места ночевать найти не можешь?

— Если бы у меня была альтернатива, Борис, то я не преминул бы ею воспользоваться, дабы избежать двусмысленности положения.

— Какая уж тут двусмысленность? Тут односмысленность...

— То есть ты намекаешь на то, на что ты намекаешь?

Борька издал неопределенный звук.

— Я, Борис, в достаточной степени контролирую себя и не страдаю абберациями поведения. Твои опасения излишни.

Борька хмыкнул и поглядел на бутылку. Игорь усмехнулся.

— Я так понимаю, Борис, что ты расстроен нарушением своих планов относительно ночлега? — Игорь поглядел Борьке в глаза. — Я сочувствую, но ничем не могу помочь. Чтобы твое отчаяние и разочарование в жизни не

перешло допустимые пределы, я, пожалуй, пойду сейчас прогуляться. — Игорь посмотрел на часы. — Я вернусь ровно в полночь. Как Золушка.

Игорь поднялся со стула и с достоинством вышел.

Докурив на балконе сигарету, он отправился к Отличнику и сидел в семьсот десятой комнате, распивая чай, до без пяти двенадцать. Когда же время подошло, он церемонно распрощался с Отличником и Серафимой и двинулся обратно. Деликатно постучав, он открыл дверь и обнаружил в комнате комендантшу.

— Та-ак, — протянула Ботова. — Каминский — на выход.

— Ольга Васильевна... — растерянно начал Игорь.

— Тридцать лет Ольга Васильевна! Не знаю ничего и слышать не желаю! Нелегальщик? Выметайся! Собирай свои шмотки и давай из общежития! А то еще рыскать за ним посреди ночи!.. Со-би-райся! Или языка русского не понимаешь?

— Куда же я пойду? Ночь на дворе, — печально сказал Игорь.

— А меня это не интересует. Куда хочешь, туда и иди. Выселили тебя — и все, чтобы ноги твоей здесь после одиннадцати не было! Собирайся, или мне позвать кого, чтобы помогли тебе?

— Нет, это излишне, — быстро сказал Игорь.

— А ты, Новиченко, — обратилась Ботова к Наде, молча сидевшей за столом, — передай Савцовой, что я ее, проститутку, выгоню вместе с Каминским! Обязательно передай!

— Тюремные порядочки вводите, Ольга Васильевна...

— Какие надо, такие и ввожу, тебя не спросила. Ты уже дозубоскальничал, что тебя выгнали... Забрал манатки? Теперь шуруй. А я тебя провожу.

Игорь обреченно поднял свою сумку. Ботова подтолкнула его.

— Я могу и один дойти. Мне не страшно, — сказал Игорь.

— Я тебя до вахты провожу, — пояснила Ботова. — Чтобы ты не сбежал по дороге еще к комунибудь.

Ботова конвоиром следовала за спиной Игоря.

— Вы бы поделились со мной информацией, Ольга Васильевна, откуда это вы про меня узнали? — спросил Игорь на лестнице.

— Не твоего ума дело. Откуда надо, оттуда и узнала.

— Хорошие у вас стукачи...

— Ты не болтай, а на ступеньки смотри.

— Жестоко вы поступаете, Ольга Васильевна...

— С вами нельзя иначе.

— Почему же? Раньше мы с вами находили общий язык...

— Что было, то прошло.

— Почему же прошло? Я и сейчас рад с вами общий язык найти. Я же приличным жильцом был: не пьянствовал, нелегальщиков не держал, режим не нарушал, да и вам помогал постоянно. Вы же ко мне хорошо относились.

— Я-то к тебе хорошо относилась, да ты ко мне плохо. Ты бы ко мне хорошо относился, и я бы к тебе так же.

— Ну чем мне доказать свое хорошее отношение к вам?

— Не знаю. Думай сам. Голова-то тебе на что?

— Да я все думаю-думаю, только ничего придумать не могу...

— Мало, значит, думаешь.

— Может, позвольте мне остаться на одну только ночь?

— И не проси, нет и еще раз нет. Тут и без тебя переполнено.

— Как же переполнено? Есть же пустые комнаты...

— Есть, да не про вашу честь. Это резерв для аспирантов.

— Зачем же вы тогда нас выгнали? Ограничились бы выговором.

— Затем и выгнала, что ценить надо было мое хорошее отношение, а не злоупотреблять им.

— Я ведь ценил и ценю до сих пор, а вы все равно выгнали.

— Не я, а студсовет.

— Да уж какой студсовет? Хозяин-то в общежитии — вы.

— Конечно, я хозяин, я и выгнала, потому что не можете хорошего отношения ценить и поступать, как надо...

Разговор был совершенно беспредметен и, словно заколдованный, вертелся вокруг одного и того же. Игорь ныл, но разжалобить комендантшу ему не удалось. Они спустились в вестибюль, где на вахте дремала бабка Юлька.

— Вот этого, баба Юля, — Ботова указала пальцем на Игоря, — ни за что не пускайте!

— А я никогда и не пускала! — возмутилась та. — Они все пролазят, пока тут другие вахтеры дежурят!

Ботова отодвинула на двери засов и кивнула Игорю: выходи. Игорь молча прошел, но за дверью остановился.

— Ольга Василь... — предпринял он последнюю попытку, но комендантша сократила его агонию.

— Думай, что я тебе сказала! — бессердечно заявила она и захлопнула дверь. Потом тяжело брякнул засов.

Игорь постоял перед запертой дверью, достал сигарету, задумчиво закурил и побрел в направлении троллейбусной остановки.

За его спиной откуда-то сверху раздался свист. Он оглянулся. На балконе второго этажа, прямо над подъездом общаги, стоял и курил Борька Аргунов.

- Добрый вечер, Борис, — сказал Игорь.
- Выгнали?
- Угадай с трех раз, — мрачно предложил Игорь.
- Это я на тебя наступал, — сообщил Борька.
- Спасибо. Ты настоящий друг.
- Ладно, не злись. Лезь сюда, на балкон.
- Я не Ромео, а ты не Джульетта.
- Говорю, не злись. У меня на койке переночуешь.
- Я не склонен к гомосексуализму.
- Я к Надьке уйду на всю ночь.
- И для такой рокировки ты все это затеял? — понял Игорь.
- Естественно.
- Извини, Борис, но тебя не били веслом по голове? Ты не мог мне нормально предложить свои условия ночлега?
- Ты бы все равно не согласился. Что, я тебя не знаю? Ты на Надьку давно косо смотришь.
- Ты плохой окулист, Борис, и еще более слабый мыслитель.
- Давай издевайся еще... Видно было, что ты под нее клинья подбиваешь. Винище даже припер...
- Напиток предназначался Марине Савцовой.
- А тебе какой хер разница — Маринка или Надька?
- Безголового грамоте не обучишь, — печально констатировал Игорь, направляясь к стене. Он закинул на балкон сумку, с трудом влез по выбоинам в кирпичной кладке и сказал: — Конечно, извини меня, Борис, но ты идиот. А я очень устал от идиотов.

Гапонов подкарауливал Нелли, стоя на балконе. Когда Нелли наконец появилась перед общагой, Гапонов выбросил недокуренную сигарету, пошел в блок, где была пятьсот третья комната, и привалился спиной к запертой двери.

Нелли вывернула из-за поворота коридорчика и остановилась, увидев Гапонова. Лицо ее моментально окаменело.

- Привет, — после паузы сказал Гапонов, вынул из кармана руку и протянул Нелли открытую ладонь. — Ключ, — велел он.
- Может, дашь вещи забрать? — спокойно спросила Нелли.
- Ключ, — не двигаясь, повторил Гапонов.

Нелли постояла, глядя на него, достала из сумочки ключ с биркой на кольцо и подбросила его вверх по направлению к Гапонову. Гапонов ловко выхватил ключ из воздуха и сунул в карман.

— Вещи твои я онесу на вахту, там и заберешь, — сказал он. — Ключ сдам сам. Вечером заду сюда и проверю: еси что — сех выселю.

— Все? — спросила Нелли. — Можно идти?

— Посой, — сказал Гапонов и надолго замолчал, снова закуривая. — Нрависа так жить? — наконец спросил он.

— Как? — с вызовом спросила Нелли.

— Сама заешь как. Ты от меня в оцаге не спрячеса. Я тя се равно в любой дыре тут найду и выгоню.

— Короче, — сухо поторопила его Нелли.

— Когда дозреешь, приходи. Поселю легально.

— Что-то я не поняла. — Нелли внимательно всмотрелась в лицо Гапонова.

Гапонов поднял на нее насмешливые глаза.

— Будешь давать — будешь жить, — пояснил он. Оба они молчали. Лоб и губы Нелли начали белеть, глаза почернели, а на скулах расцвел румянец бешенства.

— Ну и сука ты, Гапон, — хрипло сказала Нелли.

Ванька договорился с ночлегом у Дениса Маркелова, а Леля — у его подружки Лены Медведевой. Маркелов, подрабатывающий сторожем, получил зарплату и принялся ее пропивать. Леля и Лена посидели у него с полчаса и ушли в свою комнату, а Ванька остался с компанией. Леля забралась с ногами на кровать и взяла книжку. Лена села за стол переписывать шпаргалки.

Через полтора часа в комнату ввалился пьяный, красный, потный Ванька со съехавшей набок бородой, устремился к Леле и рухнул на нее, облапив ручищами.

— Ванька, дурак!.. — воскликнула Леля, махая ногами.

— Лелька, я тебя люблю, давай сейчас же бстись! — ликуяще предложил Ванька, целуя ее в вырез кавалерийского халата.

— Ванечка! — вытаращив глаза, закричала Леля.

Лена, продолжая строчить шпоры, высоко подняла брови.

— Ты, Ванечка, хоть бы другим словом сказал, — укорила Леля.

— А я других не знаю. — Ванька засунул голову в ворот халата.

— Меня-то постесняйся, — напомнила ему Лена Медведева.

— Ты же при мне трахалась с Маркелом, — просто сказал Ванька.

— Козел, — кратко ответила Лена.
— Не надо, Ванечка. — Леля, краснея, отпихивала Ваньку.
— Почему? — захныкал Ванька. — Я хочу!..
— Ванечка, ну, мы не одни...
— А она пойдет погуляет.
— Разбежалась я, — фыркнула Лена.
— Ленка, пойдди погуляй, а? — попросил Ванька.
— Ванечка, как тебе не стыдно!
— Ты не наглей, Симаков. Не забывай, к кому пришел.
— Я к Лельке пришел, не к тебе.
— Здесь я живу, а не Леля.
— А мне по барабану. Сходи погуляй.
— Ванечка, прекрати!
— А что, ей трудно? Мы с тобой сто лет не трахались!
— Мне до твоих проблем, Симаков, дела нету, — холодно и зло сказала Лена.
— А мне до твоих, — ответил Ванька. — Сходи, пока добром прошу.
— Ни хера себе заявочки! — изумилась Лена. — Ты на что намекаешь?
— Ясный перец, на что. Поди сама, пока не выставил.
— Ванька, я с тобой с таким спать не буду! — закричала Леля. — Леночка, не уходи, ни за что не уходи!.. Ванька, опомнись!
— И что же случится, если не уйду? — ледяным тоном поинтересовалась Лена, разворачиваясь к Ваньке лицом.
— Выкину отсюда. Последний раз прошу, выйди, а то правда выкину, Ленка.
— Попробуй, бздун вонючий.
— Ваня! — завизжала Леля.
Ванька рванулся из ее рук и в один шаг очутился возле Лены. Лена охнула от боли и изумления, когда Ванька железными пальцами ухватил ее за запястье и вывернул его так, что Лена моментально изогнулась на стуле, повернувшись лицом к двери.
— Ванька, ты совсем мозги пропил?! — заорала Леля.
Ванька стряхнул Лену со стула и раскрыл дверь. Затем он выдвинул потрясенную Лену в коридор, а дверь захлопнул и запер. Леля сидела с белым от ужаса лицом и с расширенными глазами.
Ванька сел рядом, и некоторое время они сохраняли совершенную неподвижность. Тут в дверь замолотили. Леля как сомнамбула встала, отперла замок и отступила в сторону, давая проход угрюмой пьяной

компании бывших Ванькиных собутыльников во главе с Маркеловым. Ванька вмиг натянул маску идиота, повалился на кровать и расплылся в улыбке, скрещая на груди руки.

— Рад вас видеть, друзья мои, — великосветски пророкотал он.

Леля, увидев это, опустила голову, бешено продралась сквозь толпу и выбежала из комнаты. Парни обступили Ваньку.

— Берем его за руки за ноги и выбрасываем отсюда, — спокойно и деловито сказал Маркелов.

— Ой-ей-ей, боюсь щекотки!.. — жеманно захихикал, извиваясь, Ванька и ловко увернулся, перекатившись на живот.

— Не кантовать! При стихийных бедствиях выносить первым! Боится воды! Недозволенных вложений нет! — верещал он, отбиваясь.

Ваньку крепко ухватили за предплечья и щиколотки и сдернули с кровати. Ванька повис над полом выехавшим из-под олимпийки волосатым животом.

— Н-н-ня-а-а-у-у-у!.. — по-кошачьи завопил он, подражая вою самолета в пикировании. — Земля, земля, я — Чкалов, прошу посадки!.. — Он даже покачался, изображая, как самолет качает крыльями.

— Двиньте его рылом в стену, чтобы знал, — сказал Маркелов.

Ванька вдруг сжался и разжался, выстрелив своим телом, как пружина. Мгновенно он оказался на полу на четвереньках, как мангуст. Толпа разом навалилась на него, но с каким-то нечеловеческим проворством и силой он вывинтился наверх так, что люди разлетелись в разные стороны. Ванька — скрюченный и неожиданно маленький, с наэлектризованно растопырившейся бородой — стоял посреди комнаты. Подрагивая, он молча двинулся к двери сам и по пути вдруг врезал кулаком в скулу Маркелова. Выйдя в коридор, Ванька помедлил, стремительно оглянулся и бешено харкнул на дверь.

Отличник возвращался из столовой и, подойдя к семьсот десятой комнате, услышал бречание струн и неразборчивое Ванькино рычание. Удивившись, он вошел в комнату и обнаружил пьяного Ваньку, который сидел на столе и самозабвенно терзал гитару.

— Привет, — недоброжелательно сказал Отличник. — А где Серафима?

— Уперлась в читалку, когда я завалился.

— Выжил ее, значит, — заключил Отличник. — Ванька, ну ты обурел совсем — грязным задом на чистый стол!..

Ванька яростно ударил по струнам и вместо ответа заорал:

— В универмаге наверху я
Купил доху я на меху я,
Купив доху, дал маху я:
Доха не греет...
Абсолютно!

— Во-первых, — раздраженно начал Отличник, — не ори на всю общагу. Во-вторых, убирайся со стола. В-третьих, эту песню я слышал от тебя уже миллион раз. Спел бы чего-нибудь хорошее, если уж не можешь не петь. Хотя бы свою «Белую акацию».

— Хорошее?.. — переспросил Ванька, нехотя слезая на пол, и задумался. — Ладно, харя, хорошее... Песня! — торжественно объявил он и остановился посреди комнаты, опустив голову. Затем рука его вдруг стремительно залетала по струнам, и он заревел с бычьей мощью:

*Долго шли зноем и морозами,
Все снесли и остались вольными,
Жрали снег с кашею березовой
И росли вровень с колокольнями.
Если плач — не жалели соли мы,
Если пир — сахарного пряника.
Звонари черными мозолями
Рвали нерв медного динамика
Но с каждым днем времена меняются:
Купола растеряли золото,
Звонари по миру слоняются,
Колокола сбиты и расколоты.
Что же мы ходим вкруг да около
На своем поле как подпольщики?
Если нам не отлили колокол,
Значит, здесь — время колокольчиков!
Век жуем матюки с молитвами,
Век живем, хоть шары нам выколи,
Спим да пьем сутками и литрами,*

Не поем — петь уже отвыкли мы.
Долго ждем — все ходили грязные,
Оттого сделались похожие.
А под дождем оказались разные,
Большинство — честные, хорошие.
А под дождем все дороги радугой.
Быть беде — нынче нам до смеха ли?
Но если есть колокольчик под дугой,
Значит, так: заряжай, поехали!
Зазвенит сердце под рубашкою,
Второпях врассыпную вороны.
Эх, выводил коренных с пристяжкой,
Да рванем на четыре стороны.
Полетим, засвистим, защелкаем,
Проберет до костей, до кончиков.
Эй, братва, чуєте печенками
Грозный смех русских колокольчиков?
Но сколько лет лошади не кованы,
Ни одно колесо не мазано,
Седел нет, плетки разворованы,
И давно все узлы развязаны.
Но пусть разбит батюшка Царь-колокол,
Мы пришли, мы пришли с гитарами,
Ведь биг-бит, блюз и рок-н-ролл
Околдовали нас первыми ударами.
И в груди искры электричества.
Шапки в снег, и рваните звонче-ка,
Рок-н-ролл, славное язычество,
Я люблю время колокольчиков! ¹

Отличник слушал со все возрастающим изумлением. Ванька прыгал по комнате, как чертик, изгибался, подражая рок-певцам, то скрючиваясь над гитарой, то отбрасывая плечи назад и задирая бороду к потолку. Он орал и хрипел, брызгался слюной. Вены на его шее набухли. На лбу проступили сосуды, цепкими лапками охватывая виски.

Ванька не просто пел — песня у него шла горлом, как кровь.

— Что это за песня? — потрясенно спросил Отличник.

— Сам сочинил, — с трудом переводя дух сообщил Ванька и рухнул на кровать Серафимы, разбросав руки и ноги и выронив гитару.

Отличник сел на свою койку, сцепил пальцы и задумался.

— Ты чего сюда-то прибежал? — наконец спросил он, словно хотел высокую ноту, грозящую вырваться из земного притяжения, перевести в низкую, земную. — Ты же бухал у Маркелова.

— Я Маркелу только что по роже дал... Он прибежал весь на понтах, пальцы веером, на ногах фигушки: «Я на арбузной корке плавал, мне чайки на грудь срали!..» Терпеть не могу такие навороты, вот и вмочил.

— Ну, Ванька, как можно — ни за что ни про что...

— Так и нужно. А за что-нибудь их, сук, вообще убивать надо.

— Ты, Ванька, сегодня какой-то не такой...

— Устал я, отец. До жопы устал. Всю душу изорвал.

— Зачем же ты ее рвал?

— Душа ищет иконы, а кругом рыла свиные. Так бы и стрелял.

— Какой ты, Ванька, злой, оказывается... Нельзя так.

— А-а, плевать, — ответил Ванька. — Я — талант, мне все можно.

— Что значит «все»?

— А все. Соврать, убить, изнасиловать, украсть. — Ванька подумал и с уверенностью добавил: — Предать. Да. А меня все должны любить, жалеть и спасать.

— Ни фига себе! — изумился Отличник. — Это почему?

— Потому что я — талант. Талант в человеке — произведение искусства природы. Произведение искусства строится только на конфликте. Поэтому я и иду наперекор.

— А как же люди? Для кого твой талант? Для себя?

— Не для себя. Я такая же сволочь, как и все остальные. Ничего я в своем таланте не понимаю и его недостойн. Не знаю, кому он на хер нужен. Никому. Так просто — в белый свет как в копеечку...

— Но совесть, порядочность... Все законы человечности...

— Нету ничего. Есть только моя обязанность перед моим талантом сберечь его любой ценой. Все, что я делаю для этого, и есть добро.

— Тогда это не талант, а что-то... чудовищное.

— Талант. Только одному он все разрешает, а другому не все. И хрен я знаю почему. Уж такой он.

— Ну ладно, пусть так. Только ведь есть и долг перед истиной...

— Что за истина? Бог? Если он есть, пусть только попробует рыпнуться, когда судить меня начнет. Я столько ему предъяв выстрою на

то, что он мне обязан был дать, но не дал, что он сам в десять раз грязнее меня окажется. Зашкерил счастье человеческое, кроила, и торгует им... На хер он мне такой нужен. Бог — это слишком просто, отец. Если бы он был, я бы его сразу вычислил.

— Ну а будущее? Как тебя потом будут судить?

— По хрену. Кто чище меня, тот не судит, а жалеет. А кто грязнее — и права не имеет на суд. Этого я, отец, не боюсь. Все равно там и дальше такое же скотство и блядство будет. Дураки, конечно, в моем грязном белье копаться бы начали — кому вломил, кого трахнул... А те, чистые, только душу должны увидеть, не будут рыться в этом говне времен. Им же по фиг — мучился ли, страдал ли. Им же интересно, что напишу, что сделаю, и все, нету больше ничего, им интересного. Поэтому и будущего нет. Поэтому могу делать чего хочу. Нет никакой истины, кроме моего таланта. Нету никакого добра, кроме спасения его любой ценой. Нет ни греха, ни вины, ни искупления — только бесконечный поток предательств и преступлений во имя таланта. Круговорот говна в природе. Так что мне все можно, и я все сделаю...

— Как же тебя любить-то такого?

— Любовь тоже талант. Значит, ей закон не писан.

— Много ты хочешь от жизни...

— Это много? Это и есть то, что каждому положено от рождения, как руки и ноги. Это минимум, понял?

— А что же делать-то тогда?.. — совсем растерялся подавленный Отличник.

— Что делать, кто виноват, кому на Руси жить хорошо... Что хочешь, то и делай. Все позволено. Поэтому и душа болит, отец. Дай денег на пазырь.

Отличник тяжело размышлял.

— А сколько надо? — спросил он.

Ванька от удивления сел, потом заржал и повалился обратно.

— Нет, харя, я у тебя не возьму. Купи лучше цветов Серафиме.

Проснулся Отличник отчего-то в шесть утра, больше заснуть не смог и решил пойти учиться в читалку. Он уселся там в дальнем углу, просторно разложив по парте учебники и тетради, но только успел прочесть страницу, как в читалку ввалилась компания Вадика Стрельченко. Поскольку вахтер где-то спал, забрав ключ от входной двери, компания решила выбраться на улицу через окно читалки. Отличник увидел Новиченко, Аргунова, Каменева, Карелиных, Бумагина, Беловых, а среди них и Нелли с Лелей.

Все они не заметили Отличника, с хохотом и визгом влезая на подоконник и оттуда прыгивая на газон. Только Леля увидела его.

— Стрельченко, я остаюсь!.. — крикнула Леля, направляясь к Отличнику.

Она тяжело рухнула рядом, молча обняла его и поцеловала мокрыми губами в ухо.

— А мы с вечера пьем, — сказала она. — Я уже такая косая...

— Я, между прочим, учусь, — холодно заметил Отличник.

— Фу, Отличничек. — Леля надула губы. — Ты как в семьсот десятой жить начал, так сразу таким занудой стал...

— Ну, я ведь не держу тебя... — Отличник пожал плечами.

— Ладно-ладно, — примирительно прошептала Леля, прижимаясь к нему большой, мягкой грудью и поглаживая по щеке. — В последнее время все так изменилось... Нам ведь раньше вместе было хорошо?

— Очень, — согласился Отличник.

— А пойдем ко мне, — предложила Леля. — Там у Стрельченко еще винище осталось, мы его выпьем, и нам опять будет хорошо.

— Ты же знаешь, что я не пойду. — Отличник усмехнулся. — А почему ты у Стрельченко живешь? Ты ведь жила у Лены Медведевой.

— Там Ванечка набедокурил, я и ушла. Стыдно.

— Тебе, Леля, все на свете стыдно, — печально сказал Отличник.

— Дура я, — согласилась Леля.

— Ну почему же дура? Нет, ты хорошая.

— А надо быть плохой, — убежденно сказала Леля.

— Почему? — удивился Отличник.

— Эх ты, почемучка... — Леля поцеловала его снова, и Отличник почувствовал прикосновение ее легких, как крылья бабочки, ресниц. — Я всегда думала: почему мне стыдно? Потому что ничего понять не могу, потому что я маленькая и гадкая? Так ведь понять все никто не может, разве что гений какой... А я ведь не гений, но за его работу хваталась. Вот и стыдно, что не на свое место лезла. Ведь на самом деле я просто лягушка и мне там быть положено, куда меня загоняют. А я считала, что это слишком низко, не по рангу... Поэтому я так устала, Отличничек, поэтому меня никто не любит.

— Ванька тебя любит...

— Он бутылку да себя любимого любит, а на остальное плюет.

— Зачем так жестоко?

— Ну а что он мне даст? Разве он сделает меня лучше?

— Кто ж тебя сделает, кроме тебя самой?

— Ты-ы... — пропела Леля.

— Ну-у, Леля, это опять старые песни.

— Ты меня не любишь, — быстро сказала Леля.

— Я же говорил, что люблю.

— Это не так говорят. Наверное, это вообще не говорят. Без слов бывает видно... Вот ты бы смог простить меня за все-все?

— Наверное, да, — подумав, сказал Отличник. — Да. Я тебя за душу твою люблю, а поступки ведь не только от нее зависят. А даже если только от нее, не всегда добро получается.

— Но как же жить тогда?

— Прощать. — Отличник пожал плечами. — А что еще можно придумать? Если не прощать, так надо выставить в окно пулемет и строчить без разбору. Или с крыши спрыгнуть.

— Нет, — Леля покачала головой, — я не спрыгну. Для этого я слишком люблю шоколадные конфеты. Ну а если я сделаю что-нибудь очень-очень гадкое, ты сможешь меня простить?

— Мне, честно говоря, не верится, что ты можешь сделать что-нибудь в этом роде, — улыбнулся Отличник. — Но я бы попытался простить. Быть может, у меня и не получилось бы, но я бы попытался.

— Ну, тогда пойдем к Стрельченко в комнату.

— Зачем?

— Переспим.

— А я не хочу, Леля, — помолчав, тяжело сказал Отличник.

— А я хочу. Сделай это ради меня.

— Но ведь от этого ни тепло, ни холодно. Что тебе это даст? В наших отношениях это ничего не изменит.

— Я знаю, что не изменит. Но это нужно для меня, понимаешь, лично для меня. Вовсе не для тебя.

— Прости, Лелечка, но я все-таки тебя не понимаю...

— Ну и что. Ты поверь, что мне это надо. Если ты не можешь поверить, то как же ты сможешь простить?

— Но зачем это тебе?..

— Я не хочу быть маленькой и гадкой.

— Я даже не знаю, что делать... — Отличник совсем растерялся. — Ты все это серьезно, Лелечка?

— А разве с крыши в шутку прыгают?

Отличник долго молчал, размышляя. Леля сильно растревожила его. Он испугался за свою любовь к Серафиме — вынесет ли она такое испытание? Сможет ли он промолчать? Сможет ли рассказать Серафиме

все? Сможет ли жить дальше с таким грузом на совести? И сможет ли Серафима простить его?

Но с другой стороны, Отличник боялся и за Лелю. Что у нее на уме? Что с ней происходит? Если она и вправду любит его, то ему, наверное, нужно выполнить ее просьбу. Он сейчас не судья. Он ничего не понимает в этих делах. Он полюбил по-настоящему в первый раз и вообще еще ни разу не спал с женщиной — черт их разберет, что с ними после этого делается?

— Только ты мне не ври, Леля, — с болью и даже с ненавистью сказал он. — Я тебе верю. Если тебе очень это надо, то пусть будет.

Леля сидела молча и неподвижно, потом опустила голову и беззвучно заплакала. Отличник смотрел на нее, но не утешал, даже не прикасался к ней. Леля плакала, но не навзрыд, как тогда, после самоубийства, не облегчая душу, а, наоборот, словно сдерживая ее для чего-то, словно в предчувствии.

— Ты меня прости, — утираясь обеими руками, вдруг глухо и решительно сказала она. — Я поняла, что ты сможешь простить меня... И еще я поняла, что я и вправду тварь.

Она вскочила и почти побежала к выходу. Отличник остолбенел. Только через минуту он понял, почему Леля так неожиданно сбежала, ничего не объяснив: в окошко читалки со смехом и криками полезла компания Вадика Стрельченко, которую Леля заметила издалека.

Серафима сдала какой-то экзамен и на ночь уехала к подружке. Прознав об этом, Игорь напросился к Отличнику ночевать. Отличник был рад и ждал его до темноты, но Игорь не явился. Тогда Отличник плюнул и лег спать, но едва он заснул, Игорь пришел. Несмотря на все усилия, поднять Отличника он не смог и с горя сам полез в постель. Он долго ворочался и все же заговорил:

— Как, Отличник, непривычно спать в той кровати?

— Я всегда сплю в этой кровати, — сонно ответил Отличник.

— А, значит, Фимочка к тебе приходит?

— Не приходит. Ты же мне так и не дал урока...

— Мой юный друг, нельзя же во всем полагаться на старших! Ведь впоследствии ты можешь начать страдать от укусов на локтях.

— Ну и что, — односложно отвечал дремлющий Отличник.

— А почему, собственно, будь так любезен меня просветить, ты держишь себя в такой изуверской строгости?

— Нету у меня твоей хватки в этом деле, вот и держу...

— Кажется, в твоей реплике содержится упрек?

— Ничего в ней не содержится...

— Тогда я искренне сожалею о тебе. Секс с красивой и любимой девушкой — это божественно!

— Возможно... Только я не обожаю секс.

— Напрасно, мой юный друг. В последние дни я часто погружался в размышления над этим предметом и заключил, что я, оказывается, действительно обожаю его.

— Мне все равно не понять...

— Отчего же не понять? Я ведь имею в виду не технику и оттенки наслаждения, а, так сказать, философию.

— Ну и в чем она?

— Я, как человек, в душе стремящийся к добру и свободе, но не имеющий достаточной мудрости, чтобы обрести их внутри себя и тем удовлетвориться, а также обремененный гедонистическим сложением своей натуры, склонен считать секс единственным верным способом достижения людьми вышеупомянутых добра и свободы, то есть так называемого счастья. Секс ясен как божий день и не отягощен побочными эффектами. Пользуясь им, счастья может добиться каждый, не причиняя вреда окружающим.

— Например, изнасиловать...

— Фу, гадкий мальчишка. Мы с тобой не договорились о терминах. Секс — это взаимоотношения при наличии желания и доброй воли у обоих партнеров. Если хотя бы у одной стороны нет желания, то это не секс, а разврат. А если нет доброй воли, то это насилие.

— Ну, понятно... — вяло сказал Отличник говорливому Игорю.

— Так вот, секс приносит радость, доставляет удовольствие, укрепляет физически и психически. Для него не существует рас, национальностей, религий, идеологий, границ, профессий, титулов и состояний. Он делает человека самим собой, и в нем человек бывает таким, каким он будет разве что перед лицом бога на Страшном суде. То есть секс приближает человека к истине и одновременно делает счастливым без ущерба для прочих людей.

— Я думал, мир спасет любовь, а оказывается — секс...

— Напрасно иронизируете, молодой человек. Во-первых, секс и любовь при всем том, что они внешне похожи и неплохо сочетаются, вещи разные, как, например, лед и пар. Любовь — это форма отношения, и зачастую она способствует самоизоляции. Секс же — форма взаимоотношения, и он объединяет людей. Ну а во-вторых, любовь не может спасти человечество, потому что она inferнальна.

— Что значит «инфернальна»?..

— Под инфернальностью я понимаю такую двойственность явления, при которой в нем в том или ином виде присутствует зло. Секс же лишен инфернальности. Так что любовь спасти мир не может. Хотя бы потому, что она его таким и породила. Ведь даже наше общество со всей присущей ему бесчеловечностью порождено любовью.

— То есть как это?

— Ну-у, мой юный и необразованный собеседник!.. Надо читать труды классиков. Но поскольку сейчас это сделать затруднительно, то я, чрезвычайно утрируя, растолкую тебе. Человеческое стадо стало обществом, когда наши праотцы решили разобраться, кому с какой женщиной спать, чтобы дети рождались нормальные и получали в наследство мамонтовые шкуры и каменные топоры именно от тех, кто и сподобился их зачать. Стадо разработало для этого законы и стало обществом. С течением времени и накоплением барахла законы эти все разрастались, пока не включили в себя абсолютно все сферы жизни, даже проезд в общественном транспорте. Но изначальная причина их возникновения — любовь. Секс же, в свою очередь, дает человеку его истинную, природную свободу, ибо подразумевает просто удовольствие, а не рождение детей. Следовательно, он пренебрегает всеми законами, а иногда и открыто аннулирует их.

— А любовь куда — на помойку?

— Зачем так жестоко? Одно другому не мешает. Секс и любовь — это как портрет и человек, с которого этот портрет написан. Любовь — жизнь, секс — искусство.

— А мораль, нравственность?..

— Секс вне этих категорий. Вот разврат, насилие — да, они им подчиняются и ими оцениваются. Секс же свободен. Мораль и нравственность порождены обществом, а секс, как было сказано выше, законами общества пренебрегает.

— Не знаю, Игорь, как отнесется Нелли к твоему мировоззрению...

— Иметь убеждения — это одно, а следовать им — совсем другое. Не всегда на это хватает сил и не всегда это целесообразно, если убеждения личности идут вразрез с убеждениями общества. Надеюсь, Нелли не узнает, что я не только имею, но и следую своим убеждениям. Потерять ее мне было бы очень больно.

— Ну, тогда не следуй своим убеждениям...

— Видишь ли, мой ангел, для меня секс — это форма существования моей личности. К сожалению, я не могу сочинять благозвучные симфонии или поэмы, не могу писать романы-эпопеи или батальные полотна, не

способен высекать из гранита циклопические статуи. Мне доступен только один вид искусства — секс. Мне попросту жалко зарыть свой единственный талант.

— А по-моему, Игорь, ты просто боишься бороться с общагой, живешь так, как тебе навязывают ее стереотипы, и лишь находишь себе оправдание в своей теории...

— Мы, наверное, избрали несвоевременный момент для полемики, Отличник, ибо ты несносно желчен сейчас. Да, заявляю я тебе. Отчасти ты прав. Но я не боюсь бороться — я просто не могу. Общага меня сильнее. Как говорит наш общий, весьма опустившийся друг Симаков Иван, против лома нет приема. Но пусть я капитулирую. По моему убеждению, сдаться сильнейшему противнику с достоинством — это уже почти победа.

— А хватит ли у тебя достоинства?

— Пока я верю в то, что тебе изложил, мой друг, у меня его хватит. — Игорь помолчал, раздумывая. — Ну а если я свое достоинство все-таки утрачу, — предположил он, — как ты будешь ко мне относиться?

— Точно так же, — сонно ответил Отличник.

— Почему?

— Знаешь, Игорь, — вздохнув, виновато сказал Отличник, — я лежу уже почти в коматозном состоянии, потому что страшно хочу спать. У меня ни одной связной мысли в голове нет. Даже если я попытаюсь объяснить, я все равно не смогу этого сделать... Ты извини меня, но давай завтра, а?

Низкое небо над общагой вспучилось дряблыми обложными облаками. То усиливаясь, то слабея, сыпал дождь и трещал жестяными карнизами. Блестящие автомобили в лужах обрастали пышными усами, а вслед за ними оставались полосы серой пены. От капель на поверхности луж время от времени выскакивали пузыри, словно бы лужи изумленными рыбьими глазами выглядывали в небо — когда же там все закончится? Общага стойко и терпеливо переживала непогоду. На балконах, прижимаясь к стенам, торчали молчаливые курильщики. Во всех кухнях что-то деятельно готовилось. Из форточек, закрытых от комаров набухшей дождем марлей, курился пар. В коридорах и холлах на полах блестели дорожки мокрых следов.

Отличник, скучая, слонялся по гостям. В одной комнате он попил кофе, в другой послушал магнитофон, в третьей пару раз остался дураком. Он пришел к Нелли, но у той оказалось заперто. От злости он намазал на палец известку со стены и меловыми, тающими буквами стал выводить на двери «Нелька — дура», когда за спиной услышал цокот каблучков и голос:

— Сам дурак, понял?

Нелли, складывая мокрый зонтик, подставила ему для поцелуя холодную, влажную, шелковистую щеку.

Она провела Отличника в комнату и усадила, а сама включила чайник и начала переодеваться.

— Не смотри на меня! — велела она, поворачиваясь к нему голой спиной, где глубоко отпечатались красные полосы от бретелек лифчика. —

У тебя только бабы на уме! Лучше бы о душе подумал!

— Ты здесь долго будешь жить? — оглядываясь, спросил Отличник.

— Вряд ли. Похоже, я скоро поселюсь по-настоящему.

— Каким образом? — удивился Отличник.

— Не скажу. — Нелли накинула халат и подпоясалась.

— Почему?

— По кочану.

— Из суеверности?

— С чего ты взял, что я суеверна? — фыркнула Нелли.

— Ну, все, кто верит в бога, суеверны...

— Идиот, — констатировала Нелли. — Ты просто глупый, несмышленный ребенок. Ты дурак. Ты сам-то знаешь, что ты дурак? Когда человек верит в бога лишь для того, чтобы найти заступничество, он пытается понравиться богу — то есть выяснить его привычки и следовать им. Вот это и есть суеверность. А я, хоть, конечно, я старая и толстая шлюха, но понравиться ему не хочу.

— А что ты хочешь? — любопытствовал неугомонный Отличник.

— Хочу через него познать истину: как жить?

— И как это получается — познать истину?

— Очень просто. Сперва выясняешь, что собой представляет бог. А потом — чего ему в таком случае от тебя надо. Вот так и живешь.

— А разве это не значит понравиться ему?

— Ну, немного, конечно, и это... Но видишь ли... Когда ищут заступничества, то придумывают бога, способного на него. А уж затем его корректируют, чтобы он подходил для нашего мира. То есть сначала шьют кафтан, затем снимают мерку, затем ушивают. А я хотела сначала разобраться в этом мире, а через это уже и найти то существо, которое все так устроило. То есть я все-таки искала истину, а не заступничество. Если я хочу соответствовать замыслу бога, то есть истине, мне, естественно, легче будет жить, но я ищу все-таки соответствия, а не легкой жизни.

— И что ты нашла?

— Да ничего нового. Бог вкладывает в нас души и отпускает нас в этот

мир. Мир создан по его воле, но живет уже по своим законам, от воли бога не зависящим.

— Как это? — не понял Отличник.

— Я же тебе, дураку, объясняла это на примере бога-писателя. Вот представь, что ты сел писать роман про общагу: про меня, про Лельку, про себя... Придумал нас всех, придумал, что мы будем делать, пишешь, погружаешься в души и вдруг обнаруживаешь, что эти люди хоть и родились в твоём воображении, но в принципе равноценны тебе, неисчерпаемы до дна, непознаваемы до конца. Чем яснее ты это понимаешь, тем больше предоставляешь им свободы. И наконец они совершенно свободны от тебя, делают что хотят, а ты лишь записываешь. Если ты талантлив, они, конечно, сделают то, чего тебе от них надо. Но если для тебя это будет их нравственная победа, то не исключено, что для них то же самое окажется нравственной катастрофой. Текст один, а прочтений много. Вот так в жизни сочетается божья воля на каждый поступок человека и в то же время его свобода в любом поступке. Тут главное уже не поступок, а отношение, выбора нет.

— Что-то ты призагнула... — Отличник озадаченно потер макушку. — Что же получается? Бог может ошибиться?

— Нет. Он не ошибается. Он — истина. Из всех возможных прочтений нашего романа он — единственно верное.

— Но выходит, что любой твой поступок угоден ему?..

— Да, поэтому все позволено. Понимаешь, Отличник, почему люди отказываются от бога — он вроде бы не дает им выбора. На самом деле не так. Выбор совсем не такой, каким его хотят видеть. Человек не делает выбора между земным и небесным, то есть не выбирает, что ему сделать: угодное людям или угодное богу. Богу угодно все, он ведь нас не лакеями сюда посылает. А людям, всем людям, не угодить никому, потому что желания людей взаимно противоположны. А есть третья, настоящая правда, ради которой и живешь, — правда прочтения нашего романа. Правда тех, кто будет читать эту книгу, написанную богом. Именно в ней и состоит выбор. Именно ради нее бог все создал и велит нам жить так, чтобы читатель видел божественную правду в нашей жизни, пусть и не понимая ее до конца. Я не верю в рай и ад — нету ничего такого, он допишет свой роман, и мы останемся не душами на том свете, а рядами строчек на книжной странице. И люди, которые нас окружают, — это не люди, а персонажи. Среди них кристаллизуются идеи. Больше ни для чего они не нужны. Истина — бог, правда — это третья правда. Познавая истину, добивайся третьей правды — вот чего от нас требует бог. Только такого

бога и такой мир я принимаю безоговорочно.

Отличник вспомнил свои мысли после разговора с комендантшей перед роковым студсоветом и глубоко задумался.

— Ну а в чем же эта третья правда заключается для тебя в данном конкретном случае? — спросил он.

— А ты помнишь, что я говорила тебе, что ты — это ипостась бога в его романе? — усмехаясь, спросила Нелли.

— Ну, — с опаской согласился Отличник.

— Ведь самым собой, личностью, ты стал только в общежитии, только когда начал жить с нами и взял от каждого из нас лучшее — за это мы и любим тебя. Ты ведь согласен, да? Значит, его, бога, в его романе интересует только общежитие. Все, что в ней происходит. Если мы живем, значит, он пишет свой роман. Я уверена, когда роман будет готов, он назовет его «Общежитие-на-Крови». И я, значит, ему интересна только здесь, в общежитии. Какой же следует вывод? Вывод такой: мне надо остаться здесь любой ценой. Ты понимаешь — любой ценой. Это моя третья правда.

— Что значит «любой ценой»? — чувствуя что-то недоброе в словах Нелли, спросил Отличник. — Ценой меня, Игоря, Лели, Ваньки?

— Возможно. — Нелли пожала плечами. — Но я знаю: ему так надо. А как ты будешь ко мне относиться, когда я заплачу эту любую цену?

— Чего вы все пристаёте ко мне с этим вопросом? — с досадой сказал Отличник. — Вы что, комендантшу надумали убить, что ли?

— Дурак, отвечай, — нетерпеливо велела Нелли.

— Ну как-как... Да точно так же.

— Как, в общем, и сам господь, — усмехнулась Нелли. — Значит, я не ошиблась в тебе... А давай тогда переспим сейчас?

— Тьфу, черт! — в сердцах плюнул Отличник. Он уже стал привыкать, что все философские беседы с Нелли и Лелей сводятся к тому, что его начинают домогаться. — Ну зачем, Нелли?

— Мне легче будет платить любую цену.

— Нелли, — помолчав, спросил Отличник, — а ты и вправду меня любишь или ты издевалась?

— Вправду, — серьезно ответила Нелли.

— А Игорь?

— Игорь? — Нелли хмыкнула. — Я и Игоря люблю. Но Игорь — стенка, за которой я пряталась от общежития. А я не люблю быть прижатой к стенке. Я хочу идти вперед, чего бы мне это ни стоило.

Отличник подумал и решил сказать все начистоту.

— Понимаешь, Нелли, — осторожно начал он, — я тебя тоже очень

люблю, и мне плохо без тебя. Но мне кажется, что ту любовь, которую каждый ждет в своей жизни, я испытываю к Серафиме. Может, я и ошибаюсь, но сейчас из-за этого я не могу ничего иметь с тобой, хотя мне и очень хочется.

Нелли скорчила презрительную гримасу.

— Я так и знала, — грустно сказала она. — И чего мне от тебя надо?.. Может, мне в психушке полечиться?

— Это жизнь, — так же грустно вздохнул Отличник. — Это не лечится.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

В подвале общаги находилась прачечная. Когда там не стирали, самые ушлые жители, сошедшиеся с комендантшей на короткую ногу, устраивали в сушилке сауну. Окна под потолком были здесь заложены грубой кирпичной кладкой, стены обшили обструганными досками. От разбухшей двери к двухступенчатому полку вел сколоченный из реек мостик, чтобы не жечь пятки о раскаленную плитку. Над головой были протянуты тросы, где обычно сушились простыни и наволочки. В двух противоположных концах угрюмо высились черные печки, похожие то ли на паровозы, то ли на псов-рыцарей. Лампочка в сетчатом наморднике ржаво освещала помещение.

На полке грелись Игорь и Вадик Стрельченко.

— Как поживаешь? — спросил Вадик Игоря. — Все блядствуешь?

— Ты, Вадим, очень пренебрежительно относишься к терминам.

— Дело не в терминах, — хмыкнул Вадик, почесываясь.

Игорь молча пожал плечами.

— В общаге-то зацепиться есть возможность? — поинтересовался Вадик. — Ты же в хороших отношениях с Ботвой. Вон она тебе даже ключ от сауны дала...

— Вот и буду жить в сауне, — согласился Игорь.

— Ну, полижи ей жопу, она тебя и устроит.

— Возможно, я устроюсь и без этих унижительных процедур.

— А конкретнее?

— Конкретно обозначить ситуацию на данный момент не представляется возможным. Информация нанесена на поверхность водоема известным сельскохозяйственным инструментом.

— Слушай, Игорь, — Вадик вытянул ноги, шевеля пальцами, — у меня один знакомый с квартиры съезжает. Хочешь, договорюсь, чтобы квартиру для тебя попридержали?

— Не все так просто, как кажется на первый взгляд, Вадим, — печально сказал Игорь. — Я думаю, Нелли не согласится...

— Почему?

— Она не хочет ни от кого зависеть. В том числе и от меня.

— Переживет, не сдохнет.

— Это убьет ее любовь ко мне.

— Ну, найди другую бабу.

— Я Нелли всею душой преданный.

— Долбнутый ты попросту, Игореха. Тебе-то самому чего надо?

— Надо жить, как мы жили раньше.

— Дважды в одну воду не войти.

— Поэтому я и выходить из нее не буду.

— То есть ты хочешь остаться в общежитии?

— Я хочу сохранить отношения с Нелли, а для этого готов даже остаться в общежитии. Пусть сейчас мне тяжело, а потом будет еще хуже, но жертвовать Нелли я не хочу.

— Не ставь перед судьбой слишком много условий.

Дверь сушилки с натугой открылась, и вошли мокрые от душа Нелли и Таня Стрельченко — маленькая, презрительно-красивая девушка. Игорь и Вадик замолчали. Совместные походы в подвальную сауну для Игоря, Нелли и супругов Стрельченко стали чем-то вроде семейной традиции. Стесняться друг друга им не имело смысла, потому что два-три года назад Таня была любовницей Игоря, а Нелли на первом курсе несколько месяцев жила с Вадиком.

— Танька, кинь еще полкружечки... — попросил Вадик.

Нелли забралась на полку и села, подложив под зад ладони, чтобы не жгло. Таня зачерпнула железной кружкой воды из стоявшего на полу ведра и издалека плеснула на печку. Печка словно взорвалась, истерично затрещав. Вода на дыбах заскакала по ее верхней крышке. Вялая волна расплавленного, плазмоподобного воздуха поползла по парилке.

— Хорошо... — блаженно прошептал Вадик, оглаживая себя по груди и плечам, словно отлакированным потом. — Пиво так и поперло наружу... Все хвори вышибает...

— Я сейчас кончу... — почти беззвучно сказала Нелли.

— Веничек бы... — мечтательно добавила Таня.

Довольно долго они сидели в вязком, ошпаривающем пекле, молчали и тяжело дышали приоткрытыми ртами. Тела покраснелись и заблестели, волосы раскалились, как проволока.

— Блин, ссать хочу, — пробормотал Вадик, наконец нарушив тишину. — Почки застудил...

— Не хрен было пьяному в сугробе спать, — без сочувствия сказала Таня. — погоди, я с тобой пойду. Больше не могу...

Они спустились с полка и выбрались из парилки в душевую. Игорь и Нелли остались вдвоем, но долго ничего не говорили. Расстояние между ними, сохранившееся после ухода Тани, делало разговор в непроходимом зное словно бы невозможным, как невозможно разговаривать, стоя на разных берегах реки.

— Нелли, — разгреб тишину Игорь. — Только что Вадим Стрельченко предложил мне переехать из общаги на квартиру...

— Переезжай, — равнодушно согласилась Нелли. — Я не поеду.

— А какова причина?

— Я хочу жить в общаге.

— Здесь плохо.

— Ну и хорошо. Я хочу жить в общаге. Я отсюда никуда не поеду. Это мое последнее слово, — негромко, но твердо отвечала Нелли. — Я хочу жить здесь и буду. Я найду способ поселиться.

— Какой? — горько усмехнулся Игорь.

— Когда найду — видно будет. Пока еще не знаю.

— Чем же общага тебе так приглянулась?

— Я боюсь, Игорь, что ты не поймешь. Игорь обиженно замолчал.

— Тебе не кажется, Нелли, что мы стали иначе относиться друг к другу после того, как перестали жить рядом? — наконец заговорил он. — Неужели нас объединяло только близкое расположение комнат?

Нелли ничего не ответила, поглаживая мокрые бедра.

— Я очень боюсь потерять тебя, — не дождавшись ничего, сказал Игорь.

— Это больно, — спокойно согласилась Нелли.

— Ты ведь сама знаешь, что ты для меня значишь...

— Мы с тобой тысячу раз говорили об этом, — утомленно перебила Игоря Нелли. — Я все отлично помню и понимаю. Не надо повторять.

— Неужели я до такой степени тебе безразличен, что ты останешься равнодушна к моему падению, исчезновению?..

— Я люблю тебя по-прежнему, и я хочу жить в общаге — вот и все, что я тебе сказала. Остальное — твои фантазии.

— Но ведь мы в прежней чистоте сохранили бы наши отношения, если бы переехали на квартиру...

Нелли долго думала, что ответить.

— Игорь... Ты же неглупый человек. Ты сам должен понимать, что, если мы переедем на квартиру, между нами все кончится.

— Почему, дорогая?

— Ты сам знаешь, что ты для меня значишь, из какого болота ты меня вытащил. Сам знаешь, от чего спасаешь меня своим существованием. Знаешь, почему мы вместе... Не надо истерик или обид, мы взрослые люди, и в моих словах нет ничего унижительного или пренебрежительного. Так получилось, прости. Но если мы будем жить на квартире, угроза моего возвращения в грязь исчезнет, а значит, исчезнет и необходимость в тебе.

Боюсь, что со временем исчезнет и моя благодарность. Вот тогда мы станем по-настоящему чужими друг другу. Хотя бы ради твоей любви ко мне ты не должен тащить меня отсюда. Мы с тобой можем быть вместе только здесь. Ты бы спас меня во второй раз, если бы снова устроил меня в общагу.

— Но как же я могу это сделать?..

— Не знаю... Ищи способ. И постарайся найти его раньше, чем я найду сама.

Через час после этого разговора Игорь, еще румяный, постучал в дверь к комендантше.

— Ольга Васильевна, я вам ключи от прачечной принес, — сообщил он, заглядывая в комнату.

— Жду-жду тебя, Игорек, — ответила Ботова. — Заходи, не бойся, я одна тут сижу. И дверь за собой запирай.

В то время когда Игорь был у Ботовой, Леля искала Ваньку. На очередной попойке его не оказалось, и Аргунов, присутствовавший там, сообщил, что Ванька лежит в соседней комнате и умирает с похмелья.

Когда Ванька решал выходить из запоя, один-два дня он бывал почти на краю смерти и даже не мог подниматься с постели. Однако он старался не принимать и стакана пива, чтобы, хоть и ценой могильной слабости и жутких страданий, все-таки вернуть себе человеческий облик. Физические мучения Ваньки в эти дни усугублялись совершенно непереносимыми мучениями нравственными, когда его терзало раскаяние и ощущение дикой бесплодности жизни. Его мучили кошмары, он бредил наяву, блевал, трясся, задыхался от сердечной недостаточности. В такие дни Леля, Игорь и Отличник неотлучно караулили его, чтобы он не сломался и снова не напился или не сотворил чего-нибудь над собою.

Ванька — зеленовато-бледный, страшный — лежал в пустой комнате на койке, лицом вверх, по бороду укрытый одеялом. Под его кроватью стояло ведро, куда он блевал. За стеной продолжалось веселье, звенела посуда, брэнчала в чьих-то руках Ванькина гитара, грохотали голоса. От того, что Ванька был отделен от обычного своего окружения, что не было слышно его хохота, мата и песен, что он лежал в комнате один, а его гитара была в чужих руках, впечатление близкой его смерти было так велико, что Леля едва не плакала. Она два часа провела рядом с Ванькой, слушая его невнятное, полусумасшедшее бормотание, и только беспомощно гладила его дрожащую, белую руку.

— Лопнуло все, везде так, везде это... — твердил Ванька с закрытыми глазами и залитым потом лицом. — Пощады в мире не осталось... Время

кончается, надо спешить, смертельные обороты... Ничего нового, обновленного, все старое, усталое, одно и то же все повторяется... Резерва прочности уже нет, ни веры, ни любви нет... И все измучились от нелюбви и неверия... Люди — в чем душа в них держится, ткни в них пальцем, и они — пшик, говно одно... Землю загадили, души иссохлись, вода ядовитая, кровь бесплодная... Надо нового, настоящего, сильного, свежего... Надо другого, чего угодно — хорошего или плохого, но другого... Только не это, что есть... Больше нельзя так, больше терпежу нету...

— У тебя бред, Ванечка, — твердила ему Леля. — Тебе перетерпеть надо. Ты с похмелья, ты ослаб, у тебя отравление...

— Похмелье, отравление — херня... Мысль моя от них свободна, потому что бессмертна, потому что только мысль страдающая и остается от человека...

— Не думай об этом, успокойся...

— Неправильно, Лелька, — упрямо и сипло, не открывая глаз, продолжал Ванька. — Только о ней и надо думать, надо видеть ее всюду, чтобы не пропустить, не проворонить, отбиться от нее... Как она налезает на меня, сука драная... Хер ей, мою голову своротить непросто... Только зачем боль эта, мука? Почему кругом кровь и дым? Дышать нечем...

— Я проветрю сейчас, Ванечка...

— Это не от курева дым... Это души наши горят — в тесноте, в темноте, в тишине... Когда же все кончится, Лелька? Когда же любовь придет? Когда мы друг друга душить перестанем? Когда нужны будем хоть кому-то?..

— Ты мне очень нужен, Ванечка...

— Врешь ты мне, Лелька... Лучше уйди, не мешай...

— Я правда тебя очень люблю...

— Ты меня любишь... Я тебя люблю... А любви между нами нет! Это против всяких законов... Просто невозможно... Господи, как же это со мной, со мной-то случилось?..

— Успокойся, я люблю тебя...

— Любишь — да, для себя любишь... И я тебя для себя люблю... А дороги между нами нет, не проторена еще... И уже не успеем, не нужно никому... Отстань от меня... Делай что хочешь, только отвяжись... Не мучай враньем...

— Ванечка, — плача, прошептала Леля, — я к тебе за поддержкой пришла, а ты меня гонишь... Мне больно это слышать...

— А мне по хер... Раз все вразнос пошло — мне все по хер...

Пропадайте как хотите...

— Неужели тебе безразлично, что со мной будет?

— Мне по хер, что со мной будет, не говоря уже об остальных...

— Ты ведь будешь жалеть об этих словах... Ведь так легко все потерять...

— Все легко на свете... Жить легко и сдохнуть легко... Только с похмела тяжело маяться... Нет людей страшнее нас...

— Кого — нас?..

— Всех нас — тебя, меня, Игорехи, Нельки, Отличника, этих мудаков за стенкой, да всей общаги... Это чума для земли... Нам быстреедохнуть надо... Да мы и подохнем — сами себе глотки перегрызем... Какая тебе поддержка нужна? Для чего?.. Выжить, что ли? Зачем?.. Мы же чума, нас в крематорий надо... Не бойся ничего, смелее подыхай... Сама туда ползи, если любишь меня для меня, а не для себя... Чем больше мы в говне вымажемся, тем виднее будет, что от нас подальше держаться надо... Побыстрее бы всех нас вырезать... Мы же — рак...

— Кто «мы»? — с ужасом переспросила Леля, и от Ванькиных кошмаров на лице ее проступило выражение омерзения и ненависти, словно Ванька снимал перед ней слои своей души — ухаля и забулдыги, равнодушного и буйного гусара, сходящего с ума поэта, и под всеми слоями обнаруживалась гниющая, смердящая, злобная сердцевина. — Кто «мы»? — переспрашивала Леля, но Ванька, и вправду блудивший по опушке белой горячки, не слышал ее и бормотал:

— Ведь мы же не для земли родились... Мы только встанем на нее — и вверх, вверх... А там лопаемся от внутреннего давления... Мы же не для жизни созданы... Мы человечеству — мясо, которым оно откупается от смерти, чтобы нормальных людей не шибко тревожила... Мы как родимся, так сразу к смерти тянемся, ползем, еще ходить не научившись... И ползем-то напролом, все вокруг себя рушим по дороге... Мы ведь изначально отравлены, и я отравлен, жертвой этой отравлены, вопросом отравлены, истиной отравлены... Не можем жизнь принять по-человечески, потому что не знаем — зачем добро? отчего зло? где бог? откуда смерть?.. А ответ узнать можно, если только к жизни присмотришься, бережно, экономно жить будешь... Не зная истины, не можем жизнь любить, жизнь ценить... А не любим ее, не ценим ее — вот и не можем познать истины... Заколдованный круг... Так и летим по нему на предельных оборотах, по спирали вверх, в воронку... А там все, трондец, костлявая с косой и бешеный Кондрат... И выходит-то все не так — паршиво, гадко, стыдно, в слюнях... Ни формы, ни содержания — дрисня... Хер на все положить,

делать больше нечего... Ни обиды, ни досады, ни самолюбия — хер...

Ванька вдруг скорчился, стремительно повернулся на бок и свесил голову с кровати. Он начал блевать прямо на пол.

Леля вымыла за Ванькой блевотину, дождалась, пока Ванька уснет, и пошла в соседнюю комнату. Лицо у нее было побледневшее, усталое, страшное, словно ее предали, а в глазах тускнела непроходимая тоска. Пьяная компания приняла Лелю с восторгом, усадила за стол, налила водки, и Леля стала пить — редко, но мощными, оглушительными дозами. Рядом с Лелей о чем-то ворковал окосевший, а потому навязчиво-услужливый Борька Аргунов, а с другого конца стола на Лелю глядел отупевшими, рыбьими глазами Ринат Ботов.

— Слушай, Борька, — прерывая излияния, обратилась Леля к Аргунову. — Ты не можешь мне помочь поселение в общежитии устроить?

— Я?! — изумился Аргунов. — Лелька, дорогая, да я сам здесь на птичьих правах! Тебе надо либо с комендантшей говорить, либо с Гапоновым, ну, на крайняк, к ректору пойти... Только ведь Ботова и Гапонов на вас зуб имеют... Хотя нет, постой, а ты попроси Рината — он же сумел в прошлом году Жихаря поселить.

— Мне неудобно... Попроси его ты, а? Пожалуйста...

Воодушевленный Аргунов выбрался со своего места, протолкался к Ринату и сел рядом, дружески обняв его за плечи.

— Ринат, дело есть на миллион! — начал Борька. — Человека одного поселить надо.

— Обращайся к жене, я тут при чем? — неохотно ответил Ринат.

— Нет, Ринат, серьезно, только ты сможешь, — заверил Аргунов.

— Иди ты...

— Ну пропадает человек!

— Хер с ним.

— Ринат, ну, как друга прошу!

— Какой человек?

— Да Лелька Леушина.

Ринат, бессмысленно глядя перед собой, поднял брови.

— А тебя кто послал? — спросил он у Аргунова.

— Сама она и послала.

— И она хочет поселиться? Аргунов глупо и счастливо захохотал.

— Лелька, ты хочешь поселиться? — через стол крикнул он.

— Мне сегодня негде ночевать, — не глядя на них, негромко ответила Леля.

— Тогда иди за шмотками, а я пошел за ключом, — сказал Ринат.

— А куда вещи нести? — тихо спросила Леля.

— В двести двадцатую, — спокойно сообщил Ринат. — Или не хочешь? Других комнат у меня нет.

Леля, ничего не говоря, поднялась из-за стола.

Через четверть часа с объемистой сумкой в руках она толкнулась в дверь двести двадцатой комнаты. Здесь было сумрачно, пыльно. Шкаф стоял с раскрытыми дверцами. В омертвелом помещении дико выглядели безделушки, которые не имело смысла передавать родственникам самоубийцы, — вырезанные из журналов и прищипленные к стенам картинки, самодельный бумажный абажур, клеенка на столе, стопка макулатуры на тумбочке. Ринат поджидал Лелю, сидя на подоконнике и вертя на пальце ключ.

Леля опустила на пол сумку. Ринат подбросил ключ, поймал его, встал и запер дверь. Леля не двигалась. Ринат приблизился к ней, отодвинул сумку ногой, бросил ключ на кровать и сказал:

— Второй ключ у меня. Буду приходить когда захочу.

Леля молчала, глядя ему в глаза. Он отвечал ей таким же прямым, но ничего не выражающим взглядом. Его красивое татарское лицо распустилось и размякло.

Ринат неторопливо раздвинул широкий ворот Лелиного кавалерийского халата, из-под которого выпали большие, белые, вздрагивающие груди. Ринат начал медленно мять их, а потом, сжав, сильно потянул вниз. Он повалил Лелю на грязный пол прямо посреди комнаты и вдруг единым движением и придавил ее, раздавив по-лягушечьи, и раздернул в стороны. Леля судорожно всхлипнула, дернулась, проскребла ногтями по доскам и сразу кончила.

И дальше они колотились на полу без всякой тени чего-либо человеческого — без любви, без нежности, без ласки. Леля хрипела, стискивая побелевшими руками бока Рината, открыв рот и слепо вытаращившись в потолок, вздрагивая ляжками от каждого спазма, словно от каждого толчка артериального ужаса. А Ринат долбил ее мощными, ненавидящими, швыряющими по полу вперед ударами, какими крушат стены, пробивают дыры, мстят, избивая ногами потерявшего сознание врага. В задранной и мятой одежде, в поту и в пыли, они словно делали преступление, кого-то добивали насмерть, когда уже не нужны ни стыд, ни пощада, ни страх.

Леля никогда в жизни не испытывала такого первобытного, отвратительного и могучего наслаждения, когда все в глазах меркло и лишь

казалось, что в черно-алом мраке хлещет дьявольский фонтан. И когда Ринат кончил, она лежала без движения, загнанно дыша, а живот ее дрожал. Ринат поднялся над ней на колени, сглотнул и выдохнул, переведя дух, как после стакана водки.

В темноте над городом общага гудела. Пояс окон на седьмом этаже вспыхивал то желтым, то зеленым, то красным огнем — это общага дискотекой праздновала первый день лета. Отличник, стесняясь, сидел в комнате один и читал книжку, а Серафима умчалась плясать, но через полчаса ворвалась в семьсот десятую комнату.

— Бросай книжку, пойдем на дискач!.. — смеясь, крикнула она, ухватила Отличника за руку и сдернула со стула.

В раскрытую дверь, как в пробоину, хлынул усиленный рок-н-рольный шквал, крики и мерный топот из холла.

— Фимка, да я не хочу!.. — протестовал Отличник, но Серафима упорно тащила его, и он шел.

Серафима выпихнула Отличника в коридор и дотаранила до холла, где переминалась с ноги на ногу толпа. Разгоряченно смеясь, Серафима уже собиралась затянуть Отличника в круг танцующих, как ее саму кто-то сзади схватил за талию и отодрал от Отличника, словно кошку.

— Фимка!.. — орал неожиданный спаситель. — Бросай своего стремного мужика! Пойдем завтра в загс со мной, а?!

Отличник в душе перекрестился, что спасся, и по стенке пролез к парте, на которой стояла аппаратура. В огромных наушниках и огромных очках, за партой сидел многолетний престарелый третьекурсник с нечеловеческим именем Кузьма Бумагин, исполнявший на всех дискотеках обязанности звукорежиссера.

— Бумагин, я сяду?! — громко спросил Отличник, тыча пальцем в скамейку рядом с ним.

— Свободно!! — проорал Бумагин, ничего не слышащий в наушниках. — Следи за этой стрелкой, чтоб за красную линию не зашла!

Отличник сел, посмотрел на светящуюся шкалу магнитофона, взялся двумя пальцами за ребристый барабанчик верньера и перевел взгляд на дискотеку.

В косых перелетах дергающегося, меняющегося света, в джунглях грохочущей музыки отплясывала Общага-на-Крови. Отличник сам почувствовал подсознательный, гипнотический напор ревущих аккордов. Энергия била из динамиков, энергия отслаивалась от движений танца, энергия вибрацией топота ползла по ножкам парты, по стене за спиной

Отличника. Она сразу зацепила его душу и пробралась внутрь, раздвигая и растворяя сознание. Словно что-то огромное, свободное, вольное раскрывалось в Отличнике, как полынья, обещающая все, что угодно, и даже самое невозможное.

Отличник видел людей, содрогающихся в танце, видел их лица — то белые, то красные, то синие, то желтые, видел их темные, горящие глаза. Мешанина одежд, цветов, теней, рук, ног, лиц, причесок, голосов и движений не поддавалась рассудку. Отличник хотел увидеть Серафиму, но не нашел ее и опустил глаза.

Он любил разглядывать рисунки и читать надписи на партах. И сейчас, заметив в хаосе каракулей ровные строчки, он чуть подвинул ящик усилителя, высвобождая стихотворение.

*Когда бездумно пророчит лето,
А человеку немного лет,
И столько веры в свои победы,
И в то, что бога на свете нет,
И вечер теплый, и ветер южный,
И окрыляет избыток сил,
То очень важно, то очень нужно,
Чтоб кто-то бережно объяснил...*

Стихи были явно женские. Автор себя не называл, но Отличник почувствовал, что и ему самому явно «немного лет». Отличнику стихи понравились какой-то бесхитростной добротой, чистотой, ожиданием вслед за малой болью любви большой боли жизни. Они были насквозь литературны, нежны, без грубой, земляной силы Ванькиной песни, которую Отличник тотчас же вспомнил. Они были очень уж прекраснодушны, но Отличник поверил им. Здесь, в общежитии, все было как в романе — с завязками, кульминациями и развязками. Все было ясно и обнажено, и со стороны казалось даже если и не условным, надуманным, то во всяком случае несколько картинным, театральным. Но Отличник понимал, что иначе и нельзя воспринять. Возможно, что так оно и есть. Возможно, что не хватает скуки и невнятности обычной жизни. Возможно, что тем, кто далек от всего этого, не очень верится в реальность происходящего. Но если здесь хоть кто-то изредка прыгает с крыши и

разбивается насмерть, то его кровь очищает, отмывает и уничтожает всю условность жанра, возвращает любви, ненависти, предательству, смерти их настоящее, невероятное значение для человека.

— Зашкаливает же!! Сейчас как дам динамиком по балде!! — заорал Бумагин, стукнув ногтем в шкалу.

Вопль его был слышен на всю дискотеку, и вся дискотека покатилась со смеху. Но Бумагин, уверенный, что тихонечко сказал это только Отличнику, ничего не заметил. Отличник торопливо подкрутил верньер.

*...Что жизнь проходит, меняет краски,
То зацелует, то отомстит.
Не все то горе, что нету счастья,
Не все то золото, что блестит.
Что в мире много таких вопросов,
Где не ответишь начистоту.
Что резать вены — еще не способ
Свою доказывать правоту.²*

Отличник на всякий случай снова взглянул на шкалу и поднял глаза. Теперь он сразу увидел Серафиму. Серафима танцевала самозабвенно, чувственно. Она незаметно переходила грань, за которой кончаются продиктованные правилами движения и выявляется внутренний ритм свободного человека. Все ее тело играло в стремительно катившейся музыке, как рыба в речном перекате, и словно искушающе демонстрировало себя. В этом пластическом рисунке души Отличник словно при свете молнии вдруг увидел другую Серафиму — смелую, сильную, жертвенную, веселую и страшную, как страшно любое сокровище, пусть оно только сей момент и найдено в земле, а не сияет в короне, оставив на своем пути дымящуюся борозду.

Серафима почувствовала взгляд Отличника, встретила с Отличником глазами и улыбнулась. В единый миг Отличник понял, что она танцует уже только для него — такой импульс вдруг получило ее тело. Даже когда она отворачивалась — Отличник чувствовал это, — она все равно танцевала словно бы в луче его взгляда, как в узком столбе света прожектора. И Отличник верил, что она боится неосторожно выпасть из этого света в темноту. А когда она сама глядела на Отличника, он коченел под ее

взглядом — лукавым, горделивым и всеобещающим.

И, глядя на Серафиму, он вдруг почувствовал нестерпимую боль, огромное отчаяние — отчаяние настоящей любви. Это уже не было потрясением, но вспышка любви жестко сдавила его — вспышка любви не только к девушке, но к жизни, к людям, к общаге. И это не была слюнявая любовь-умиление, когда хочется целовать следы ног Серафимы на каждой ступеньке черной лестницы. Это была сильная, жестокая любовь, в которой собственно любви содержалось только на четверть, а остальное — жгучая ненависть. Но именно такая концентрация и такой настой и называются настоящей любовью.

И Отличник трезво осознавал весь непреходящий ужас общаги — разгул, воровство, пьянки, предательства, произвол, идиотизм, разврат. Тот ужас, где даже истина выражается матом, где все калечит, где над всем глумятся, где любовь — это бешенство, а души кувыркаются, как горящие птицы, где зло огромно, неистребимо и непобедимо, где кровь на всех стенах. Здесь невозможно было выиграть поединок, и любой, осмелившийся желать добра, был обречен на позор, на битье ногами, на смех и поражение. Но в том и заключалось величие общаги, что здесь никогда не кончалась очередь сумасшедших, желающих выйти на эту арену и заранее знающих, что их тела потом выволокут крючьями в выгребные ямы. Общага была просто нереальным миром, где не оставалось ничего святого, ничего неоскверненного, но почему-то только здесь был смысл искать щедрую, всемирную правду. Почему-то только здесь, в грязи и копоти, можно было Отличнику встретить свою самую чистую и нежную истину — Серафиму. Общага-на-Крови, великая и вечная, стояла над всей вселенной, как грозный и страшный храм над полуночным озером. Отличник любил ее, хотя это было опасно для жизни.

Сияющая Серафима пробилась к нему сквозь толпу и наклонилась через парту, навалившись животом на аппаратуру.

— Провода выдернешь, дура!.. — заорал Бумагин, но Серафима протянула руку, приподняла чашечку наушника и ответила ему:

— Не выдерну. А ты не ори. Сам дурак. — И потом обернулась к Отличнику: — Пойдем отсюда, прогуляемся...

Отличник кивнул, и они выбрались на черную лестницу.

— А покажи мне крышу, а? — попросила Серафима.

— Ну, пойдем, — улыбаясь, согласился Отличник.

Они тайком побежали вверх и поднялись на крышу. Они остановились прямо посередине, словно боялись подойти к краям. Плоскость крыши чуть искрилась зернами гудрона. Небесный свод — дымный, бугристый,

беззвездный — выглядел как гигантский потолок над миром. Он походил на театральную декорацию, словно господь бог увлекся дискотекой, решил, что в такой момент никто не будет смотреть на небо, и в целях экономии выключил все машины, создающие иллюзию безграничной вселенной, и небо показало свое пыльное, усталое дно. Серафима, не сходя с места, долго смотрела по сторонам и наконец сказала:

— Вот, значит, какая она, твоя крыша...

— Да, — согласился Отличник. Серафима помолчала и вдруг спросила:

— А откуда она спрыгнула?

Отличник сразу понял, о чем речь, и показал рукой:

— Вон оттуда.

Серафима осторожно подошла и остановилась у парапета. Отличник встал сзади. Серафима наклонилась, заглядывая через край, и Отличник, испугавшись, взял ее за талию. Талия у Серафимы была тонкая и сильная. Серафима долго глядела вниз и наконец выпрямилась.

— Высоко... — с ужасом сказала она. Отличник все держал ее за талию. Серафима, развернувшись, легко и естественно, словно не в первый раз, обняла его. Лица их сблизилась, и Отличник ощутил ее теплые, мягкие, влажные губы, у которых был чуть горьковатый вкус морской пены с берега Тенерифы.

Ванька бежал в буфет за сигаретами и краем глаза увидел в коридоре, как Леля вошла в комнату номер двести двадцать. Ванька затормозил, медленно подошел к этой комнате, долго смотрел на номер и, наконец, стукнул в дверь два раза. Дверь открылась, и Леля с Ванькой уставились друг на друга через порог.

— В-ванечка... — неуверенно произнесла Леля.

— Привет, — тихо сказал Ванька.

Леля, обомлев, не сдвигалась с места, и тогда Ванька шагнул прямо на нее. Леля посторонилась. Ванька встал посреди комнаты и изумленно озирался, точно никак не мог поверить, что эта комната существует. Леля стояла за его спиной у дверного косяка, нервно стиснув перед грудью руки. Оба они молчали.

— Что ты здесь делаешь, Лелька? — надтреснутым голосом спросил Ванька через плечо, не оглядываясь на Лелю.

— Живу... — едва слышно ответила Леля.

— Вот, значит, как... — Ванька все-таки посмотрел на нее и словно сжался, уменьшился в размерах.

Он выдвинул стул, сел, положил на стол локти, опустил голову. Леля ничего не говорила и все так же стояла у косяка с расширенными глазами.

— Когда?.. — с пересохшим горлом спросил Ванька.

— Что — когда?.. — с ужасом переспросила Леля.

— Когда ты дала Ботову?

Леля подошла, как провинившаяся ученица к столу классного руководителя, и коснулась клеенки кончиками пальцев.

— Позавчера.

Ванька с глухим скрипом лег щекой на столешницу.

— Боже мой, как ты могла... — прошептал он.

— Ванечка... — почти беззвучно произнесла Леля. — Прости меня...

— Как ты могла? — словно заведенный повторял Ванька.

— Мне... мне было очень плохо... Я не выдержала... когда меня все гонят...

Ванька приподнял голову и вдруг ударил лбом в столешницу. Леля почти подпрыгнула. Ванька ворочал башкой из стороны в сторону.

— Как хорошо было раньше... Как ты могла все испоганить?..

Слезы покатились по склоненному Лелиному лицу.

— Как ты могла... пойти на это? Чтобы поселиться в комнате самоубийцы на ее же положении с тем же козлом?.. Ну как, как?..

— Ну кончились у меня силы, понимаешь?! — закричала Леля, прижимая ладони к груди. — Пойми, Ванька, все, дальше некуда, измучилась я, что же мне было делать?!

— Измучилась?! — заорал Ванька, вскакивая и сжимая кулаки. — Измучилась, говоришь? А ты одна такая, что ли?! Я ли живу иначе?! Игореха?! Нелька?! Почему же они в это говно с головой не ныряют, а?! Им легче?! Мне легче?!

— Да! Да! Да! — покраснев, кричала Леля. — Пусть всем тяжело, а я — тварь, падаль, шлюха! Пусть я продалась за эту койку, пусть я проститутка! Это ты хочешь слышать?!

— Это! Я любил тебя, я весь жил этой любовью, а что ты с ней сделала?! Зачем ты ее раздавила?! — Ванька бешено пнул по стулу.

— Ты?! Любил?! — Леля истерично захохотала. — Да ты никого не способен любить, кроме бутылки! Ты квасил день и ночь, а на меня тебе было наплевать! Я тогда просила тебя — помоги мне, и что же ты? Ты прогонял меня, ты сказал мне такое, что мне видеть тебя после этого страшно! Это я тебя любила, я жалела тебя и ухаживала за тобой, а тебе было по фиг! Ты выгорел изнутри, ты труп! Господи, кого же я любила — мертвеца!..

— Заткнись! — гаркнул Ванька, почти бросившись на нее с перекошенной бородой и выкаченными глазами.

— Я для тебя была подстилка, только ты от пьянства импотент! Я и есть шлюха, падаль, если я с тобой связывалась! Я дура, дура, дура!.. Ты же никто — алкаш, опойка, у тебя же за душой ничего не осталось!..

— Заткнись или сейчас врежу!.. — Ванька толкнул ее, и она спиной ударилась о шкаф.

— Убирайся отсюда, убирайся вон, козел!.. — завизжала Леля и даже затопала ногами от ненависти. — Я тебя презираю! Тот же Ботов в десять раз лучше тебя и в сто раз честнее! Я не жалею, слышишь, не жалею, что меня будет трахать он, а не ты, подонок!..

— Ботов?! — заревел Ванька. — Эта гнида?! Ты меня сравнила с ним, да?! Меня?!

— Тебя! Тебя! И он лучше! Я с ним такой кайф поймала, какого с тобой никогда не было и быть не может, понял?!

Леля даже не успела договорить, потому что Ванька отвесил ей пощечину так, что ее голова отлетела в сторону, и тут же дал оплеуху по другой щеке, а затем снова по первой. Леля окаменела, вытаращив глаза и открыв рот, и вдруг страшно, надрывно завывала.

— Хер с тобой, сука!.. — проорал Ванька. — Ты душу мою и любовь мою обосрала — ну и хер с ними! Но трахать тебя Ботову я не дам!

— Убирайся!.. — прохрипела Леля. — Убирайся из моей комнаты!..

— Из твоей комнаты?.. — Ванька даже присел, заглядывая ей в глаза. — Это его комната, а не твоя!.. Я сейчас из нее последний день Помпеи устрою, а потом Ботову хер выдеру, усекла?!

Ванька с грохотом перевернул стол, потом кинулся к кровати.

— Здесь вы блись?! — Он швырнул вверх подушку и одеяло, сдернул простынь и с треском порвал ее пополам. — Здесь, да?!

Ванька поволок матрас, свалив тумбочку. Леля отскочила к двери и открыла ее.

— Зови, зови народ! — крикнул ей Ванька. — Ужо мы повеселимся!

Но Леля открыла дверь не затем, чтобы звать на помощь. Трясущимися руками она вставила в скважину ключ, выскочила в коридор, молниеносно захлопнула дверь и заперла ее. Ванька слишком поздно понял, что его поймали в ловушку. Он всем телом набросился на дверь, но косяк выдержал удар.

— Открой! — завопил Ванька. — Открой или дверь вынесу!..

Однако в общаге двери вышибать можно было только внутрь комнат, в обратную сторону они не вышибались. Леля оглянулась — коридор был

пуст. Леля сунула ключ в карман и пошла на балкон.

Целый час она курила, бродила по этажам и лестницам, постепенно успокаивалась и приходила в себя. Наконец она вернулась к двести двадцатой комнате, не торопясь отперла замок и открыла дверь.

Комната была неумело прибрана, мебель расставлена, постель заправлена. Ванька сидел за столом и пил круто заваренный чай. В бороде его белело перо из подушки.

Леля прикрыла дверь, села рядом и взяла стакан.

— А сахара я не нашел, — сообщил Ванька. Леля молчала.

— Ты извини, я чего-то увлекся, — виновато сказал Ванька. — Издержки производства... Спектакль окончен.

— Я поняла, — кивнула Леля.

— Давай помиримся, — предложил Ванька. — Прости меня, Лелька.

— Мы и не ссорились... Ничего, — ответила Леля. Ванька подумал и объяснил:

— Щель поблизости всегда нужна, а мне чего-то в Каминского поиграть захотелось...

Нелли пришла в гости к Игорю и причесывалась у большого зеркала, которое раньше висело в двести четырнадцатой комнате.

— Судьба щедра на подарки, — разглагольствовал Игорь, открывая бутылку вина. — Всегда будет счастлив тот, кто умеет их ждать и находить.

— Или выпрашивать, — добавила Нелли.

— Вне всякого сомнения, что и это тоже. Но ведь жизнь, радость моя, согласно мнению астрофизики, это космический феномен, то есть стихия, а для нее категории нравственного и безнравственного неприемлемы. К примеру, сегодня я выгнал из комнаты на всю ночь своего соседа. Это безнравственно, но никто об этом не сожалеет — такова жизнь, такова стихия. Кстати, дорогая, ты можешь ночевать у меня каждый день, ибо я обосновался на месте человека, уже приветствующего родные пенаты.

— Просто замечательно, — сказала Нелли. Под зеркалом стояла тумбочка, а на тумбочке аккуратной стопкой были сложены учебники и тетради Игоря. Сверху же Игорь по недосмотру оставил паспорт, из которого торчал ордер на поселение, выданный комендантшей. Ордер Игорь должен был отнести в жилбыткомиссию студгородка, но еще не отнес. Нелли коротко и внимательно посмотрела на ордер, закончила расчесываться, положила на паспорт массажную щетку, села за стол и закурила.

— Игорь, а ты что, потрахался с Ботовой? — просто спросила она.

Игорь остался невозмутим.

— Ботова, Ботова... — Он наморщил лоб в мучительном раздумье. — Что-то не припоминаю... Ты случайно не знаешь, кто это?

— Игорь, запирается глупо.

— Ты хочешь, чтобы я открыл дверь?

— Паясничать тоже глупо. У Ваньки это получается органично, а у тебя — нет.

— Я возьму у него несколько уроков. Обязательно.

— У тебя вон там ордер лежит, — не раздражаясь и не принимая манеры Игоря, сказала Нелли и сигаретой указала на тумбочку.

Игорь подошел к тумбочке, выдернул из паспорта ордер, молча перечитал его и некрасиво покраснел — носом, лбом и ушами.

— Ах, как же это я забыл!.. — делано-игривым тоном произнес он и аккуратно сложил бумажку пополам.

Нелли молчала.

— Как ты думаешь, он мне еще пригодится? — спросил Игорь и взял бумажку пальцами так, что порвать ее было делом одного движения.

Нелли с насмешкой покачала головой.

— Не вздумай. Ты же за него работал. Игорь с досадой помахал ордером в воздухе и, поразмыслив, бережно убрал его обратно в паспорт.

Нелли молчала. Игорь сел за стол и тоже долго молчал.

— Мне многое надо объяснить тебе, — наконец сказал он.

— Ну, ври, — согласилась Нелли.

— Предвзятое отношение, — с укором заметил Игорь.

— Я ведь даю тебе возможность говорить. И ты дай мне возможность думать.

— Хорошо, я рассказываю, — вздохнув, начал Игорь. — Вкратце канва событий такова. После того как мы с супругами Стрельченко побывали в сауне, я пошел к Ботовой отдавать ключи. Между нами произошел откровенный до безобразия разговор. Она поставила мне условие: или я пересплю с ней, или вылетаю из общаги. Открытым текстом. Я выдвинул встречные требования: я сплю с ней и за это получаю два ордера на поселение — себе и тебе. В процессе дискуссии я выторговал все свои условия, ибо мне нечего было терять. Затем произошел вышеупомянутый акт, после которого я получил свой ордер. Ордер на тебя я получу на днях. Нелли понимающе усмехнулась.

— Лучше расскажи мне про Ботову, — попросила она. — Может, здесь ты будешь честнее.

— Чего рассказывать? Биографию? — разозлился Игорь.

— Нет. Как тебе было с ней?

— Мне очень неприятно говорить об этом, Нелли.

— И все-таки.

Игорь собрался с духом.

— У меня было чувство, словно я в темноте наступил босой ногой в чье-то испражнение, — сквозь зубы сказал он. — Ну, теперь ты узнала?

— Узнала.

Игорь встал, подошел к окну и стал глядеть на улицу, переплетя пальцы и нервно подрагивая ногой.

— Ну и как ты теперь ко мне относишься? Презираешь меня?

— С чего?.. — Нелли пожала плечами, думая о чем-то своем. — Отношусь, как и прежде.

— Значит, между нами все остается без изменений?

— Изменений к лучшему не бывает. Но спать сегодня я буду на другой кровати. Тебе надо сперва хотя бы принять душ.

— Что ж, — с облегчением согласился Игорь, поворачиваясь к Нелли лицом, — расцениваю это как закономерные штрафные санкции... Но скажи тогда, дорогая Нелли, зачем же тебе надо было начинать этот неприятный разговор, если он ничего не меняет?

— Да так, — безразлично сказала Нелли. — Просто желание знать все. Инстинкт.

Войдя в столовую, Нелли сразу увидела Ваньку, который сидел за грязным столом, обставившись тарелками и стаканами. Вид у него был такой неопрятный, а ел он так сосредоточенно и зло, что напоминал людоеда, пожирающего печень заклятого врага. За Ванькин столик никто не подсаживался, хотя свободных мест в столовке имелось не так уж много.

Нелли отстояла очередь, наполнила поднос и села напротив Ваньки. Ванька глянул исподлобья и буркнул: «Привет». Нелли молчала, и Ванька больше ничего не говорил. Молчание длилось так долго, что какая-то девушка, приняв их за незнакомых, поставила поднос на их столик.

— Занято! — рявкнул Ванька.

Девушка, испуганно посмотрев на Ваньку, отошла.

— Игорь получил поселение, — наконец сказала Нелли.

— Потрахалясь с Ботовой, да? — спросил Ванька обгрызая куриную ногу. — А Лелька Ринату дала.

Нелли задержала ложку, слепо глядя в свою тарелку.

— В двести двадцатой, — ответил на ее немой вопрос Ванька.

— Это где самоубийца жила?.. А ты как это перенес?

— Нормально. Покатался по потолку в истерике и засох. Дырка же у нее не зарастет от этого.

Нелли отщипнула хлебный мякиш и слепила его в шарик.

— Значит, очередь за нами, — сказала она.

— Да, на подходе, — согласился Ванька.

— Ты где сейчас живешь?

— Подобрал ключ от четыреста шестнадцатой. Там только что ремонт сделали, а убрать не успели. Днем брожу, ночью — там.

— На голой сетке спишь?

— Взял одеяло у Отличника.

— Я к тебе приду сегодня ночевать. Ванька никак не отреагировал.

— Сходи сейчас в баню, — велела Нелли.

— Переться за три квартала ради такой ерунды?

— Тогда купи водки.

— Деньги давай.

Нелли достала деньги и протянула Ваньке через стол. Ванька взял их и, не считая, запихал в карман.

Поздно вечером, когда стемнело, Нелли действительно постучала в дверь четыреста шестнадцатой. Ванька запер за ней, и они уселись на кровать. Кровать да стул — больше в комнате ничего не имелось. Кровать стояла прямо посередине, как сосредоточение смысла комнаты. Пол был грязным, сплошь белым от извести, с налипшими клочьями желтых, затоптанных, как осенняя листва, газет. Стены, наоборот, выглядели излишне чистыми, девственными, и новые обои лежали на них как-то робко, неуверенно, стеснительно. Свежепобеленный потолок казался очень высоким и даже чуть светился. От него мрак немного рассеивался. Другого источника освещения, кроме, конечно, луны, у Ваньки не имелось.

Сидя на панцирной сетке, прикрытой байковым одеялом, почти не разговаривая, ничем не закусывая, а лишь перемежая сигаретами, они выпили бутылку водки. Потом Нелли первой начала раздеваться. Ванька разделся тоже.

Они занимались любовью долго и неспешно — без страсти, но с печальной, ненасытной лаской, с бесстыдной нежностью, словно бы делали это не каждый для себя, а только друг для друга. Любовь эта не пьянила, не кружила головы, заставляя дрожать и терять рассудок, не распаляла, а, наоборот, успокаивала, как долгая и одинокая прогулка по когда-то родным, а теперь давно покинутым лесным дорожкам.

А потом Ванька уселся и закурил. Нелли закурила лежа. Ванька, будто от зуда, непрерывно ощупывал свои руки, плечи, грудь и, уставившись на

живот, сказал:

— Позорно-то все как, господи... Какие-то шланги, чехлы, мешочки, щелки, смазка, трение, которым, по легендам, вроде бы добывается какой-то небывалый огонь... А на самом деле — нелепые придатки, отростки, конвульсии. Какую во всем этом можно найти прелесть, красоту, гармонию, поэзию? Околица истины.

— Не трави душу, Ванька, — тихо попросила Нелли.

Вишневого варенья осталось только на доньшке, но Отличник знал, что ему хватит еще надолго. Теперь уже ни Леля, ни Ванька, ни Игорь с Нелли не приходили в семьсот десятую комнату гонять чай. Отличник пил чай один и глядел в окно. Ему не хотелось ни читать, ни учиться, ни разговаривать с кем-либо, даже думать не хотелось. Один в пустой комнате, он пил пустой чай, брякал ложечкой в пустой банке, смотрел в пустое небо, и на душе у него тоже было пусто.

В дверь чуть ударили костяшками пальцев, и Отличник попытался по стуку определить, кого принес черт, но у него не получилось. Надеясь, что это кто-то чужой зашел на секунду, он крикнул: «Войдите!»

Вошла Леля.

— Ты один? — недоверчиво спросила она, оглядываясь по сторонам.

— Нет, — печально ответил Отличник. — Только что здесь сидело шестнадцать толстых, голых и пьяных шлюх. Когда ты постучала, я успел рассовать их под койки, в шкаф и ящики стола.

После такого ответа, какого Леля еще никогда не слыхала от Отличника, она выпрямилась и неестественно сказала:

— Ну, одной шлюхой больше, одной меньше... Отличник, у тебя не найдется немного соли?

Отличник удивленно посмотрел на нее. Леля держала в руках стакан с белым налетом на дне.

— Хочешь посыпать раны, чтобы они дольше оставались свежими? — еще не избавившись от недавних интонаций, поинтересовался он.

— Нет, хочу посыпать суп, чтобы съесть его. Всегда надо быть наготове, чтобы проблеваться.

— Прости меня, — сказал Отличник. — Присаживайся... Будешь чай?

— Не хочу тебя задерживать. Разве твоим шлюхам не пыльно под кроватью, не душно в шкафу и не тесно в ящиках стола?

— Я тебе соврал, — пояснил Отличник, делая страшные глаза. — На самом деле я их всех выбросил в форточку. Им уже не пыльно, не душно и не тесно. Онидохлые.

Леля улыбнулась, подошла ближе и тихонько поцеловала Отличника в макушку. Отличник усадил Лелю на кровать Серафимы.

— Я не хочу чая, спасибо, — отказалась Леля. — Я просто посижу немного. Мне очень одиноко.

— А соль — это предлог?

— Нет. Соль у меня и вправду вся закончилась.

— Поближе-то у тебя, что ли, нет знакомых с мешками соли?

— Ты знаешь, Отличник, с тех пор как я поселилась в двести двадцатой, ко мне никто ни разу не пришел в гости. Я просто побоялась соваться за солью к ним.

— Но ведь и я ни разу не зашел, — виновато сказал Отличник.

— Ты — моя последняя надежда, — спокойно ответила Леля.

— Надежда на что? Ты хочешь, чтобы все стало, как прежде?

— Как прежде, все и так станет, все вернется на круги своя. Осенью обо всем этом никто и не вспомнит. Ведь забылось же, что совсем недавно девочка с крыши спрыгнула. Даже дискотека была уже... Я хочу, чтобы боль прошла.

— Какая боль?

— Понимаешь, Отличничек... Все, что было вокруг меня, все так и останется. Но вот сама-то я страшно изменилась. Мне трудно объяснить...

— Леля вертела в руках стакан и разглядывала его, как некий удивительный кристалл. — Помнишь, я тебе говорила про стыд перед миром, который мне покоя не давал? Так вот, мне сейчас дико подумать, что все это именно я говорила, что я так верила, так чувствовала... Конечно, я поступила как последняя дрянь, но самое жуткое, Отличник, что мне несколько не стыдно!

— Почему?

— Почему?.. Если разобраться, то чем был этот мой стыд? Просто я считала, что в мире — везде — есть какой-то высший нравственный закон. Я думала, что природа заключает в себе не только физические, но и нравственные законы, которые в человеке существуют изначально, а не воспитываются. Я сделала эту подлость, убила Ваньку, ну и что? Разве поразила меня молния с неба?

— Но ведь ты же знаешь, что такого не бывает.

— Да, да, конечно, да... Но подумай, что со мною сделал Ринат?

— Изнасиловал.

— Вот именно! Что же я должна была чувствовать? Ненависть, ужас, отвращение... Так ведь? Но Отличничек, дорогой мой, когда он трахал меня, не было ничего подобного — я испытала такой кайф, какой никогда

ни с кем не испытывала и даже не думала, что такое возможно. Я чуть не померла — такое нечеловеческое наслаждение...

Отличник не знал, что сказать. Он не разбирался в этих вещах.

— Значит, нет никакого нравственного закона в природе. Дура я, что в него верила. Вот кусок души оторвался, и больно.

— Заживет.

— Нет, не заживет! — горячо возразила Леля. — Жить-то среди людей, а я смотрю на них и вижу, что нет в них никакой нравственности, потому что нет ее в природе. Я даже по себе сужу: Ринат мне противен, а я хочу, чтоб он еще раз меня изнасиловал. Я очень хочу опять с Игорем переспать, как на первом курсе, — значит, с первого курса и хотела, ведь не на пустом же месте такое сильное желание родилось. Я и с тобой хочу, но ты не бойся, я не для этого пришла. Есть только эгоизм, который заставил нас придумать нравственность. Она придумана очень умными людьми для их же выгоды. Вот поэтому мне теперь ни перед кем ни за что не стыдно.

— Это уже не твои слова, Лелечка...

— Но они верные. Вот погляди, Отличник, на всех нас. Для чего была нужна моя нравственность? Ваньке она была нужна для того, чтобы я никого выше него не ставила, — то есть для удовлетворения собственного эгоизма. Знаешь, как он взвился, когда я сравнила его с Ринатом?

— Представляю... — пробормотал Отличник.

— Нелли моя нравственность была нужна для того, чтобы я не переспала с Игорем. Тогда ей бы тоже пришлось лечь в чью-то постель, общага бы про это узнала, и Нелли бы вернулась туда, откуда ее Игорь вытащил. А Игорь слабый человек, если бы я его домогалась, он бы не устоял. Для него моя нравственность была залогом его хороших отношений с Нелли. Ведь Нелли поднимала его престиж: как же, она всех мужиков в общаге перепробовала и решила, что он лучший! Для всех в основе моей нравственности лежала собственная выгода!

— Ну а та нравственность, которая в тебе самой?..

— И здесь эгоизм. Чтобы не чувствовать себя идиоткой, которой помыкают, удерживают на привязи, как овцу, я сама себе эту нравственность и внушала. Это обычный самообман.

— Ну, Леля, а в конце концов я — я-то? — воскликнул Отличник. — Ведь я в тебе никаких выгод не искал!..

Леля зло рассмеялась и решительно поставила стакан на стол, словно вlepила печать.

— А разве ты осуждаешь меня за то, что я переспала с Ринатом? — спросила она, глядя в глаза Отличнику.

Лицо ее было ожесточенным и некрасивым, но в ее глазах Отличник читал только одно — беспросветное отчаяние дорогого человека.

— Нет, конечно... — теряя силы, пробормотал он. — Ты права, Лелечка... Извини.

Пьяный Игорь перехватил Отличника на лестнице, когда тот возвращался из буфета, и потащил курить на балкон.

— Что празднуем? — сухо поинтересовался Отличник.

— Праздник, который теперь всегда со мной! — объявил Игорь. — День имени черного цвета.

— А-а, — протянул Отличник, размышляя, как бы ему уйти.

— Я вижу твою неприязнь к собратьям по разуму, пребывающим в состоянии алкогольного опьянения. Но тем не менее я хочу без стыда поведать тебе о своей душевной боли, надеясь на некое сочувствие. Подчеркиваю — некое, ибо тебе вряд ли доставят удовольствие препирательства с пьяным человеком.

Отличник слегка зауважал Игоря за умение составлять и доводить до конца витиеватые фразы, даже когда язык его уже заплетался.

Они вышли на балкон, в синюю тень общажной стены. Под этим балконом когда-то лежала разбившаяся девочка. Сейчас на том месте прыгали воробьи. Наслаждаясь моментом, Игорь закурил.

— Ну, давай выкладывай, — сказал Отличник.

— Я переживаю глубокий кризис личности, — изрек Игорь и величественно скрестил руки на груди.

— Потому и напился, да?

— Фи, мой проницательный слушатель. — Игорь поморщился. — Просто опьянение интенсифицировало мои переживания. Напиться пришлось бы и без этого. Общага же: шел, зашел в гости на минуту, вышел пьяный, как шакал. Дело обычное.

Отличник промолчал, но в душе согласился.

— А в чем кризис? — спросил он.

— Видишь ли, я расстался с Нелли Каравановой.

— Оба!.. — поразился Отличник. — Почему?

— Нелли изменила мне, — с готовностью сказал Игорь. — Счастливый избранник Нелли — некто Ян Талонов. Подробности ты можешь узнать в двести двадцатой комнате, о преданный поклонник.

Отличник почувствовал, что душа его отяжелела и провисла, как носилки, в которые поверх первого положили второй труп.

— Значит, тоже... — тяжело сказал он.

Игорь с пьяным лукавством искоса поглядел на него.

— Ага, по твоей реплике видно, что ты знаешь и про Лелю.

— Знаю, — подтвердил Отличник, поглаживая пальцем желтый, как вечность, кирпич. На пальце, словно след желтой вечности, осталась серая пыль. Отличнику показалось, что все они — Леля, Нелли, Игорь, Ванька, он сам — смертельно больны, и если он узнает еще об одной смерти, то даже не удивится.

— Более того, — отворачиваясь, продолжал Игорь, — сделала все это она по той причине, что я в тех же целях на днях совершил то же самое с Ботвой.

Отличник улыбнулся сам себе. Уже не ново. Уже не больно.

— Ну а у тебя как дела с Фимочкой? — спросил Игорь.

— Нормально, — автоматически ответил Отличник.

И вдруг теплая волна любви к Игорю затопила его. Среди всех мытарств, дрязг и волнений Игорь один вдруг вспомнил, что и у Отличника есть своя жизнь. Благодарность за то, что никто, кроме Игоря, не делал это столь же бескорыстно, влажным жаром опалила грудь Отличнику. В нем очнулось давно не тревожившее его чувство — беспокойство и страдание за своих друзей, таких дорогих ему и таких невезучих.

— Ты еще не спишь с ней? — спросил Игорь.

— Нет.

— Неужели ты ее разлюбил?

— Наоборот, я ее еще сильнее люблю.

— «Люблю»!.. — Игорь задумчиво повторил это слово, будто впервые понял его смысл. — Как, оказывается, просто... Впрочем, нет. Хочешь, мой юный друг, открою тебе великую тайну бытия? Слушай и соизмеряй: чем проще — тем дороже. Понял? Прозрел?

— Прозрел, — согласился Отличник, а сам подумал: «Вот за эту простоту я и заплатил самой дорогой ценой — друзьями...»

— А я вот по-прежнему, а может, еще чище люблю Нелли, — печально заявил Игорь. — Ведь она, мой юный друг, сделала все это из желания наказать меня. Знал бы ты, с каким циничным бесстыдством она все это устроила. Прямо при Леле, днем, и даже не в постели, а посреди комнаты, стоя и, прошу прощения, расшеперившись, как сучка. Она и над Гапоновым издевалась, дескать, все твои унижения мне трын-трава. Она и Леле в душу плюнула: вот, мол, как лихо бывает, а не то что у тебя — втихушку, и реветь потом неделю. А главное, что она мне дала такую сокрушительную пощечину... Но, Отличник, выходит-то, что я для нее еще

что-то значу? Выходит, не все потеряно? Надежда жива?

Отличник мрачно пожал плечами.

— Не знаю, Игорь, — с сомнением сказал он. — Но все равно: теперь вы квиты. А почему ж тогда у вас все оборвалось?

— Не все так просто... Потому так дешево и паршиво. Я думаю, Нелли знала, что я «слаб на передок», как выражается наш общий, впавший в ничтожество друг Симаков Иван. Но прочих баб Нелли прощала мне потому, что следа-то в моей душе они не оставляли. Они были неподконтрольной моей воле слабостью. А сейчас именно осознанного и спланированного предательства Нелли мне простить не смогла. И в свой черед тоже меня предала: беспощадно, нагло и вызывающе.

— И что... — Отличник помедлил, — обратного пути нет?

— Нет. — Игорь покачал головой. — Она и раньше меня не любила. Я был для нее только прикрытием, и в этом заключалась вся моя ценность. А отдавшись Гапонову, Нелли сама лишила себя моего прикрытия, ибо в двести двадцатой комнате не живут девушки, пользующиеся уважением. Здесь, в проклятой общаге, она снова поставила себя в положение шлюхи, и я стал ей больше не нужен. Тем более что и моя репутация пошла прахом после капитуляции перед Ботовой. Я уже никогда не смогу играть для Нелли прежнюю роль, а Нелли уже никогда больше не вылезти из болота. Поэтому возврата нет. Это страшно, мой юный друг. Безусловно страшно, когда стоишь на карнизе, и вдруг под ногами уже нет ничего — только девять этажей пустоты.

Игорь, щурясь, смотрел вверх — туда, откуда спрыгнула девочка.

— А у меня и исчезла земля под ногами. Ведь я только и держался человеком своею любовью к Нелли. Больше, оказывается, не было ничего. Все, что я говорил, в чем был убежден, оказалось ложью. Я сам себе внушил эту благоглупость — что секс есть разрушение преград между людьми. Я вот занялся сексом с Ботовой, и результат налицо. Преград больше нет. И ничего больше нет. Я думал, что секс — это божественная, совершенная любовь, которая изгоняет страх. Я думал, что это способ избавить мир от боли, насилия, неутоленности и злобы. И — обознался... Я потерял не только Нелли, я потерял себя, способность любить, желание быть лучше. А ведь истина лежала передо мной открытой книгой, но мне скучно было ее прочесть! Все искал как позаковыристее, позабористее, посложнее...

— Подешевле?

— Ну да. А ведь много сотен лет назад один человек всем дуракам уже объяснил доступно и в популярной форме, что такое настоящая любовь и

порядочная жизнь. Любовь — это когда жертвуешь собою для другого...

Отличник медленно трезвел.

— К твоим словам да еще бы дело, Игорь, — тихо сказал он.

— А дело будет. Я хочу принять образ мысли Нелли. Быть может, это снова нас сблизит? Я решил покреститься, Отличник.

— Вот тебе и раз, — сказал Отличник.

— Вот тебе и два, — вдохновляясь, поддержал Игорь. — Я даже решил завязать с беспорядочной половой жизнью. Пусть дальше будет только одна женщина. Нелли поймет, что и я могу быть постоянен. Вот ради таких выводов я, возможно, и напился сегодня.

— Да уж, — сказал Отличник, — трезвый до такого не допетрит.

С утра в семьсот десятую комнату явились Игорь и Леля. Оба они маялись с похмелья и пришли взять деньги на пиво. Нелли еще не забрала свою сумку от Отличника, а ее кошелек хранился в сумке.

— Слушай, Отличник, — сказал Игорь, отсчитывая деньги, — будь добр, отнеси сумку в двести двадцатую, тебя очень просила Нелли. Сама она прийти не может в силу посталкогольного синдрома.

Отличнику не хотелось идти, но он не сумел отказать.

В двести двадцатой царил кавардак — на полу окурки, на столе грязная посуда, похожая на руины, Лелина постель разворочена так, будто в ней произошел взрыв. Нелли лежала, закутавшись в простыню, и курила, глядя в потолок. Отличник не знал, что ему делать, присел на стул и решил, что он задержался из вежливости.

— Башка жутко болит, — без выражения сообщила Нелли.

— С кем вы вчера веселились? — осторожно спросил Отличник.

— Я, Лелька, Игорь, Талонов и Жихарь, — перечислила Нелли.

— Ну и компания, — присвистнул Отличник. — И как Игорь поладил с Гапоновым?

— Да уж как-то поладил, — презрительно ответила Нелли. — Сказал ему, чтобы я не слышала, что у него со мной все кончено и пришел он к Лельке. А я вот все равно слышала.

Отличника это потрясло.

— Даже в голове не укладывается, — пробормотал он.

— Зато в постели укладывается великолепно.

— И чем все это кончилось? — решил спросить Отличник.

— Ну какой же ты въедливый! — с ненавистью сказала Нелли. — А чем это могло кончиться? Игорь с Лелькой переспал — вон в какой гоголь-моголь постель превратили. А я сперва с Гапоновым, а потом с Жихарем. Я

и сейчас голая лежу. Сил нет одеться.

У Отличника от этих слов Нелли даже закружилась голова. Но он должен был узнать, что происходит на свете, он не мог не узнать, как прыгнувший с крыши не может не упасть на землю.

И вот теперь вся душа его была переломана, и обломки воткнулись изнутри в тело.

— Ничего, я тебе не опасен, Нелли, — сказал он, вставая.

— А я тебя и не боюсь. Я тебя разлюбила.

— Бывает, — произнес Отличник, направляясь к двери, но не выдержал и оглянулся.

Нелли хищно улыбалась ему вслед. Отличник и сам почувствовал, что в его взгляде ненависти не меньше, чем во взгляде Нелли. Ненависть текла из глаз в глаза.

Отличник взялся за ручку, и вдруг Нелли крикнула:

— Нет, стой!

В ее голосе было не глумливое повеление, которого можно было ожидать, а неподдельное отчаяние.

— Сядь, — без выражения приказала Нелли. Целая груда мыслей враз прокатилась через сознание Отличника. Он впервые всей душой до осязания ясно внял тому, что его друзей больше не осталось. Остались лишь развалины от них. А он какой был тогда, до выселения, такой и сейчас. Значит, он имеет право судить. Судить — но не карать. А для суда он должен хотя бы выслушать. Отчаяние от того, что единственный судья не хочет слушать, — оно и прозвучало в окрике Нелли. Слушать даже не оправдания, а последний, предсмертный монолог о боли, которая не оставит и за карнизом крыши. И Отличник не ушел.

— Ты меня прости, Нелли, — еле выговорил он.

— Это ты меня прости, — глядя в потолок, возразила Нелли. — Ни я, ни тем более ты не виноват, что я тебя разлюбила.

«Она меня не поняла», — подумал Отличник.

— Я считала, что у тебя за душой так много — и ошиблась. Ты, конечно, очень хороший мальчик, но не более того... Я думала, что ты от силы духовной такой, как есть. Что ты христовенький... А на самом деле история обычнейшая: ты просто еще маленький, не успел вырасти. В меру умный и милый подросток, ничем не обладающий и робеющий прикоснуться к женщине...

— Ну а женщины тут при чем? — устало спросил Отличник.

— Ты ведь любишь свою Серафиму? Отличник молчал.

— А почему же ты не спишь с ней? Девочка она замечательная. Тебя

тоже любит. Возможность у тебя есть. Когда еще в жизни повторится такое? В первый раз, в чистоте, по любви... Был бы ты поумнее, то понял бы, что является единственной ценностью в этом проклятом мире. Понял бы, как дорог каждый миг, а не робел перед нею... Понял бы, что ради такого счастья ничего не жалко, что пропустить его — самый страшный грех, наказуемый на всю жизнь несбывающимися надеждами...

— Ну, переспал бы я, что бы изменилось?

— Ты пришел бы ко мне если хоть не личностью, то уже мужчиной, а не подростком. Ведь сейчас ты, каким я тебя вижу, совершенно банален. Мне тебя жалко, а за себя стыдно. Вот и все. И никакой любви. Поэтому и все то, чем я жила, когда думала о тебе, сейчас мне кажется банальным, жалким и стыдным, как юношеские прыщи.

— А по-моему, ты во мне разочаровалась потому, что во все эти гадости влипла, — печально сказал Отличник.

— Типично банальное объяснение...

— А что тогда не банально? — пожал плечами Отличник.

— Небанальна трагедия, в которую я верила. Но трагедийной героини из меня не получилось. Подвига я не совершила, предательства — тоже, ведь я ничего не обещала Игорю. Когда загнали в угол, пришлось совершить низость. Но ведь предательство — это когда есть выбор: предавать или не предавать, — а выбора у меня не было. И проходным персонажем в этом романе я тоже быть не могу, ведь я что-то еще собой представляю, да? Так кто же я? Если уж не к добру, так я все-таки хоть к чему-то большому рвалась — к истине. И где я очутилась? Не на Голгофе и не в преисподней, а так, в грязной и мелкой луже. Если бы я хоть с Гитлером переспала — а то разные Гапоновы, Жихари... Совершенно позорный у меня роман, мелкий и банальный, как моя любовь к тебе, как ты сам. Одна рука все это сотворила, Отличник, — и тебя, и мою лужу. Один почерк, один стиль.

— Твоего бога-писателя?

— Ну да, — горько улыбнулась Нелли. — Только вот кто он, каков? А точнее, что для него значу я? Если в его романе главный герой — ты, со всей твоей банальностью, то он сам банален. Зачем мне такой бог? Если главный герой — я и он посадил меня в эту лужу, из которой нет выхода и здесь, в общежитии, и в душе моей, потому что нет любви, — значит, он бездарен. Зачем он мне такой? А если я — герой второстепенный, то мне не нужен бог, для которого я — разменная фигура, строительный материал. Ну а если его вообще нет, то на нет и суда нет. Выходит, если он и есть, то он мне все равно не нужен. Отмыться он мне не поможет, ибо у него, у

бездарности, не будет читателей и не будет третьей правды. А я ведь всю жизнь свою строила из расчета на бога-писателя и на тебя как его ипостась. Это сейчас я убиваю бога, а раньше как я могла поднять на него руку?

— Что значит — поднять руку?

— Да переспать с тобой. Все равно бы уломала.

— А что бы изменилось?

— Я бы не сказала Игорю, что Талонов хотел меня изнасиловать, Игорь и Ванька ни с кем бы не ссорились, ты бы не ошивался по крышам, а трахался со мной, девчонка бы не спрыгнула, нас бы не выселили — видишь, как много всего? И самое главное — у тебя не было бы Серафимы. Ты бы навсегда остался моим.

Отличник был просто ошарашен такой перспективой.

— Неужели это все зависело только от того, как ты понимаешь бога? Как много ты принесла ему в жертву...

— Возможно, всю счастливую историю человечества.

Нелли на прощание пригласила Отличника заходить вечером, когда придут Игорь и Ванька и принесут вино. Отличник пообещал. До темноты он сидел в читалке и зубрил, а потом отправился в двести двадцатую. Зачем он это сделал, он не знал. Сработала привычка быть вместе с друзьями. Перед дверью он прислушался, и через голоса, звон посуды, смех услышал какие-то обрывки неприятных фраз: «Отличник... Вторая койка... Фимочка...» Злоба рванула горло Отличника, но он заставил себя успокоиться. Словно доказывая самому себе, что он не верит в предательство друзей, он стукнул пару раз и открыл дверь.

Он замер на пороге и понял, что эту секунду запомнит на всю жизнь. За столом сидели все четверо — Ванька, Игорь, Нелли и Леля. И все они замерли, увидев Отличника, вмиг прекратили разговоры и смех, остановили всякое движение, словно разыграли моментальную немую сцену. Отличника не ждали. Все взгляды, направленные на него, стали на мгновение совершенно одинаковыми. В них Отличник прочел только яркий и обнаженный ужас. Ванька, Игорь, Нелли и Леля выглядели как вурдалаки, застигнутые врасплох за поеданием человеческого мяса.

Миг — и наваждение исчезло, лица и глаза ожили. Отличника усадили за стол, стали кормить, но он не мог отделаться от своего жуткого впечатления. Замкнувшись, отстранившись, он все переживал встречу. Друзья словно бы вдруг затаили какую-то угрозу — их болтовня и оживление выглядели для Отличника подозрительными и неестественными. Он слушал вполуха, не принимая участия в разговоре, и

чутко ощупывал свою душу: где, что в ней треснуло? Фразы бренчали в голове Отличника, не слипаясь друг с другом, как это бывало раньше: «Портвейна хоть жопой жри... А у меня какое-то плодово-выгодное... Поднимем тост за прекрасных дам... Которых с нами нет... Очень вкусно все... Особенно удались консервы...» Леля предложила выпить за окончание сессии, и Нелли возразила:

— Сессия еще не кончилась, а ты до ее конца еще не дожила. Завтра вот перережешь вены, так и не доживешь. Тост не пойдет.

— Совсем тогда нехорошая комната получится, — сказал Игорь. — Одна из этой комнаты с крыши прыгнула, другая вены вскроет... Традиция подлежит порицанию.

— А что? — неожиданно оживилась Нелли. — У Отличника есть ключ от крыши. Пойдемте наверх и тоже спрыгнем все вместе!

— Представляю, — подхватил Игорь, — какую картину общага утром лицезреть будет. Что называется, реки крови, горы костей.

— А в газетах появится статья, — включился и Ванька. — Она будет начинаться так: «Печально — это слово будет набрано большими буквами — закончилась вечеринка студентов К. и С., а также их подружек К. и Л. Перехватив лишнего, они...» — ну и тэ дэ, — неожиданно закруглился Ванька.

— Для общаги это за сессию будет третья корка об одной компании, — заметила Нелли. — Выгнали — раз, поселились — два.

— Весь вечер на арене, — вставила Леля.

— А ведь так можно и навечно войти в историю общаги, — задумался Игорь. — Украсят стену из желтых кирпичей скромной и строгой мемориальной доской с нашими профилями...

— На асфальте наши профили останутся, — хмыкнул Ванька. — А не на мраморе.

— Не войти нам в историю, — согласилась Нелли. — Даже в историю общаги. Посудачат и забудут. Много ли ту девчонку поминали?

— То дело больно уж грустное, — примирительно произнес Игорь.

— А у нас — веселое? — тихо спросила Леля. — Лучше бы уж тоже молчали. А то по коридору пройти нельзя, не знаешь, как с человеком разговаривать, если встретится кто... Одни делают вид, что ровным счетом ничего не случилось, другие стороной обходят — презируют...

— Нет, это не презрение, — с удовольствием влез Ванька. — Это хуже. Вот на зонах есть такое понятие — «опустить», и человек становится парией, изгоем, неприкасаемым. И мы все тут тоже «опущенные» общагой, и к нам относятся как к «опущенным».

Тягостное молчание повисло после Ванькиных слов.

— Иван, — тихо сказал Игорь. — Это гадко. Прекрати. Не стоит.

— А он прав, — спокойно и громко возразила Нелли. — Мы друг друга теперь терпеть не можем, а сидим вместе, квасим, натужно делаем вид, что шуточками можно обратить весь наш позор в какой-то просто конфуз, в нелепость, в неловкость.

Но почему мы одни и только своей компанией? Ведь всю сессию бухали порознь, каждый со своими, а сейчас снова вместе? — Она сделала паузу. — Да потому что мы «опущенные». С нами за стол сесть запаadlo. Вот одни и кукуем.

— Ну почему же?.. — медленно заводился Игорь. — Не столь уж и сложно вернуть все компании, только свистни...

— Свистнешь, и что? Стрельченко к тебе сюда придут? Беловы? Бумагин? К нам теперь только наши новые друзья ходить будут. — Нелли с особенной издевкой произнесла «новые друзья». Она била наотмашь по каждому и без пощады. — Чудненькая компания получится! Будем сидеть воркующими парочками — я с Гапоном, ты с Ботвой, Лелька с Ринатом, а Отличник с Серафимой.

Что-то тяжелое ударило Отличника через горло в затылок. Кровь хлестнула в виски, оставив болезненный звон. Ртуть полезла вверх по позвоночнику и гусиной кожей спустилась вниз по рукам.

— А при чем тут Серафима? — медленно спросил Отличник.

Казалось, целый час прошел, прежде чем он получил ответ.

— Совершенно ни при чем, — осторожно сказал Игорь. — Она просто была перечислена среди прочих новых знакомых...

— Я не хочу, чтобы ее имя перечисляли в одном ряду с этими...

— В данном перечислении не содержалось оценочного значения.

— Я вообще не хочу, чтобы вы трогали Серафиму, — тщательно и почти беззвучно выговорил Отличник.

Молчание поплыло по комнате, как разрыв времени. И Отличник вновь увидел взгляды вурдалаков, застигнутых за поеданием человеческого мяса.

— Извини, мой юный друг, но трогать Серафиму — это твоя прерогатива, — как-то вяло, неохотно сказал Игорь.

Отличник зажмурил глаза и стиснул челюсти.

— Ты спишь? Ночью было не до сна?

— Кулаком под одеялом работал, — добавила Нелли. — Руки устали. Ничего, Отличник, это секс в теории.

Отличник понял, что она увидела, как трясутся его руки.

— Не переживай, Отличник, — донесся до него жалостливый голос Лели. — Она подождет немного и, как мы с Нелей, сама даст.

— Скажет: «На, хоть все возьми!» — снова добавила Нелли.

Отличник вздрогнул — в звукосочетании, произнесенном ею, прятался откровенный матюк.

— Доверься нам, Отличник, — поучительно сказал Игорь. — Мы тебя научим, как все лучше и лучше проводить первую брачную ночь.

— Иди-ка ты лучше к Серафиме, Отличник, — предложил Ванька и задел его за плечо.

Какие-то хрустальные шарики, конфетти из фольги, дождики из блестящих звезд посыпались в голове Отличника от этого прикосновения. Ничего не соображая, он поднялся, отодвинул стул и поплыл к выходу.

— И забудь нас поскорее, — вдогонку ему пожелал Ванька.

— Будешь проходить мимо — проходи, — сказала Нелли.

Отличник шел по коридору, и голова его, как колокол, слегка позванивала эхом миновавшего набата. Пунктир ламп дневного света на потолке напоминал разметку автострады. В дальнем окне в конце коридора чернела лакированная ночь. Вокруг было пусто, в сердце ясно. Встреча с вурдалаками казалась какой-то нереальной, не происходившей никогда. На отточенной, святой, серебряной вертикали боли, которая лучом пронзала душу Отличника, не могло быть зазубрин и вмятин от клыков и когтей замогильной нечисти.

Отличник шел по коридору, словно по тоннелю в подводной лодке, спящей на океанском грунте в массиве темной ледяной воды. Здесь ничто не может его растревожить. Вверху, высоко-высоко над головой, толстый слой арктического льда, белизна и сверкание причудливых торосов в полярной ночи, бесшумный и гигантский перелив северного сияния. Вокруг — мгла и пустыня, где нет даже рыб, только мягкое, синеватое, холмистое дно, тающее во мраке в двух шагах от окна. Нет сомнений, нет метаний, только острый клинок боли. Арктика. Полюс. А тропические острова за могучей горой изгиба земного шара.

В темной семьсот десятой комнате прямо перед окном висела луна — ощутимо тяжелый, обесцвеченный до ветхой прозрачности, грубо обтесанный, побитый, древний каменный шар. Отличник подумал, что он может протянуть руки в окно и коснуться щербатин его кратеров, зазубрин горных хребтов, плоскостей его безводных океанов. Может взять эту глыбу и, поднатужившись, внести в комнату, осторожно водрузить на стол, будто аквариум. Он представил, как все равно что-то хрустнет, раздавленное и

раскрошенное весом луны, а на пальцах, словно пыльца от крыльев бабочки, останется легкая позолота.

Отличник на цыпочках прокрался мимо спящей Серафимы и сел на свою койку. И сразу же почувствовал, что сидит на голой панцирной сетке. Постель исчезла. Матрас исчез. Обалдев, Отличник раскинул по сторонам руки, как курица крылья, обшаривая сетку, потом упал на колени, чтобы заглянуть под кровать, но уже все понял. Значит, комендантша дозналась, где он живет. Днем его не было здесь. Она пришла и забрала его постель. В общежитии это совершенно обычное явление.

Глаза постепенно привыкли к темноте. Лунное ослепление, заполнявшее комнату, как в дыру, утекло в окно. Теперь комната была просто ковшом, которым зачерпнули немного прозрачной полночи. Отличник на коленях стоял перед койкой, будто перед оскверненным, ободранным алтарем. «Господи, — подумал он. — Почему я? Почему все сразу? Я устал... Дай мне передохнуть, господи. Я все стерплю, но дай мне сейчас передышку...»

Ему стало душно. Невесомая, молекулярного помола лунная пыль забила легкие, как два мешка, ломила грудь. Отличник слышал только звон неона из коридора и тихое дыхание спящей Серафимы. Конечно, можно переночевать и на сетке. Можно спать на полу. Можно даже на крыше или вообще не спать. Боль была не оттого, что негде спать, а оттого, что его не любили. Он тяжело поднялся, вышел в коридор и пошел к балкону.

Балкон висел над ночным городом посреди мира. Отличник поднял лицо к небу, заметенному звездами. Не надо думать о постели... Лучше думать о звездах. Что же все-таки там, над нашими головами? Шершавый каменный свод, покрытый черной краской, в которую подмешали стеклянный порошок, как в ту краску, которой покрывают автодорожные знаки, чтобы по ночам они зажигались в лучах фар? Но какой же свет поднимается в полночь от земли, заставляя мерцать эти бутылочные бриллианты? И почему от землетрясений и войн от свода не отваливается пластами штукатурка, обнажая серую, пыльную твердь? А может, там недостижимая ветхая крыша над миром, за которой сияет вечный божественный эфир, и свет его просачивается к нам сквозь дыры, проеденные в кровле временем? Или все-таки там бесконечная вселенная со спиралями далеких галактик, пылающими кострами квазаров, облаками лучащегося тумана и залпами сверхновых? Нет-нет, все должно быть проще, гораздо проще, совсем просто. Там — до горизонта всех долин мироздания — темный и шумящий сад, в листве которого горят спелые яблоки светил. Можно подняться на крышу общежития, нарвать теплых яблок

и в подоле рубашки принести их Серафиме.

Отличник достал ключ от крыши, снял его с колечка и начал рассматривать. Ключ. Голубая искорка, подарок бога. Кто имеет этот дар, может идти наверх.

— Не надо ночевать на крыше, — вдруг услышал Отличник за своей спиной и оглянулся.

В проеме балконной двери, держась за стену, стояла Серафима. Она была в короткой ночной рубашке и босиком. Неоновый свет из коридора делал ткань прозрачной, и Отличник через подол видел темные ноги Серафимы. Опершись на плечо Отличника, чтобы не ступить босой ступней на холодный цемент балкона, Серафима вынула ключ из пальцев Отличника и, по-женски замахнувшись, бросила его в пустоту. Только через пять секунд ключ звякнул где-то внизу на асфальте.

— Ложись со мной, — сказала Серафима. — Мне не будет тесно.

Серафима повернулась и пошла по коридору. Отличник молча пошел за ней. Он задумался, но не смог бы объяснить о чем. Он вслушивался в простоту и ясность Серафимы, в истину, заключенную в ней, истину, не требующую доказательств, не нуждающуюся в оправданиях.

Серафима заперла дверь за Отличником — так запирают шкатулки с любимыми письмами, хотя никто не собирается их красть. Она встала напротив Отличника, и между ними повисла луна, ошарашенно вытаращившаяся в окно. Отличник глядел в лицо Серафимы, запоминая его, словно собирался расставаться. Лицо было совсем белым, с яркими, темными губами и темными глазницами. Кудри выглядели так, будто рука бога дрожала, когда он их рисовал.

— Ну что же ты... — тихо сказала Серафима. — Раздевайся...

Перекрестив на животе руки, Серафима стянула через голову ночную рубашку и потрянула волосами. Потом сунула пальцы под резинку кружевных трусиков, спустила их ниже колен, нагнулась так, что на спине блеснула под луною ступенчатая линия позвоночника, и вышагнула. А потом выпрямилась перед Отличником, и Отличник, забыв обо всем, молча смотрел на Серафиму. Он никогда раньше не видел обнаженных девушек. Все игривые, изогнутые линии природы, которые так часто проплывали в его воображении, вдруг слились для него воедино в теле человека, в теле девушки, в теле Серафимы, сошлись друг с другом и застыли на самом взлете своей трагической красоты. Растрепанные кудри укрыли лицо Серафимы тенью. Оттого что темная маска скрывает его черты, давно уже знакомые глазам Отличника, а тело же, наоборот, обнажено, в спокойной и ясной Серафиме Отличник вдруг почувствовал что-то страдальческое,

святое. Точно так же на дискотеке в первый день лета танец показал ему еще одну Серафиму — раскованную, страстную, чувственную, свободную. Отличник глядел на тонкое горло с проступившей вертикальной жилкой, на ямочку между излучинами ключиц, на круглые, покатые, как камень-голыш в полосе прибоя, плечи, на тонкую руку, которая стала дымчато-прозрачной, зеленоватой от луны, словно нефрит древних египтян, извлеченный из гробниц засыпанных пустыней некрополей. Отличник глядел на ее груди — маленькие, немного раскосые, белые теплой, живой белизной молока, с темными ягодками сосков. Отличник глядел на ее живот — чуть округлый, матово отсвечивающий, с черным глазком пупка, понизу обведенный серпом мягкого лунного отблеска. Отличник глядел, как все объемы тела Серафимы мягко и упруго стягиваются, сужаются, словно амфора к доньшку. Тень от стола отрезала ноги Серафимы, правую — наискосок по бедру, а левую — под коленкой, похожей на яблоко.

— Ну что же ты? — шепотом напомнила Серафима.

Отличник спохватился и тоже начал раздеваться, не испытывая стыда или неудобства. Во всем его теле была странная, пьянящая и невесомая легкость. Серафима нагнулась и сдернула с кровати простыню.

— Ложись к стенке, — велела она. Отличник осторожно лег и вытянулся вдоль стены, как покойник.

— Положи руку мне под голову, — тихонько попросила Серафима.

Отличник, не сгибая, переместил руку на подушку каким-то неестественным, механическим движением, словно у него была не рука, а манипулятор. Серафима легла рядом, тоже на спину, прижавшись к Отличнику плечом и бедром. Отличник почувствовал на сгибе руки тяжесть ее шеи и щекотку волос. Странно, но ему показалось, что надо обязательно запомнить это ощущение на руке — щекотку и тяжесть.

И опять они долго лежали без движения и молчали. Отличник попросту боялся что-нибудь сделать, пошевелиться, чтобы не спугнуть счастье, как дикую птицу, чтобы зло ничего не заподозрило, как вражеский пулеметчик не должен заподозрить живого человека, лежащего в снегу перед его пулеметом и притворяющегося убитым. Серафима, вздрогнув, подняла руку и убрала волосы с лица. Отличник понял, что это была ее попытка сломать скорлупу неподвижности, но все равно не пошевелился и смотрел на свое тело и на тело Серафимы в лунном свете. Взгляд скользил по мягким, едва выпуклым объемам, и можно было подумать, что Отличник видит холмистое поле, покрытое чистым и ровным снегом.

— Поцелуй меня... — хрипло попросила Серафима.

Отличник, отрешившись от созерцания, медленно перевалился на

левый бок, приподнялся на локте и потянулся к Серафиме губами.

И лед начал таять в долгом поцелуе — повернулся земной шар, унося за горизонт арктическое море и подводную лодку на грунте, осели сугробы вокруг человека, который под прицелом пулемета притворяется мертвецом, и трава, прорастая, постепенно скрыла его из виду, на заснеженное, холмистое поле нашла весенняя темная туча бедра Отличника. Рука его, словно сама собой, легла на грудь Серафимы, и Отличник ощутил, как в ладонь, словно набухающая почка, уперся сосочек. Отличник впервые в жизни гладил этого теплого, живого, податливого и упрямого зверька — женскую грудь.

Серафима, тяжело дыша после поцелуя, накрыла своей ладонью ладонь Отличника, шепча ему в лицо:

— Она по размеру как специально для твоей руки... Ты ее как котенка гладишь... У нас будет все по-настоящему?..

— Конечно... — сдавленно ответил Отличник.

— Я боюсь... — обнимая Отличника за шею, шептала Серафима. — Я очень боюсь...

— Не бойся... не бойся, родная моя... — в какой-то судороге, ломающей голос и тело, твердил Отличник.

Он тыкался, как щенок в блюдечко с молоком, давясь, глотал воздух, а по груди и животу, словно обморожение, тихо расползался холод отчаяния. Отличник не выдержал и сел над Серафимой на колени, стал мять горло трясущейся рукой. Ветер из приоткрытого окна качнул занавеску.

Серафима лежала опустив руки, закрыв глаза, запрокинув голову. Грудь ее вздрогнула, и на виске в лунном свете вдруг блеснула искорка. Серафима шмыгнула носом.

— А может, и так хорошо?.. — глухо спросила она.

— Не реви, — ответил ей Отличник, потянулся к ней и губами стал стирать с лица слезы. — Все у нас получится...

Он подался вперед, вверх, и неожиданно почувствовал, что легко, тихо, плавно входит в нее, только странная, несильная, но яркая боль удивила его да непривычное ощущение оголения и теплой защищенности.

— А-ай... — прошептала Серафима, открывая на Отличника огромные глаза: лунно-прозрачные, словно залитые дождем, в веере испуганно разлетевшихся ресниц.

— Вот видишь... — обнимая Серафиму под лопатки, радостно говорил Отличник, и душа его словно плавилась от любви к Серафиме, от благодарности. Серафима приоткрыла для него губы, а руки ее замкнулись на его спине и сами собою подтянулись ноги.

Отличник видел перед собой только полные ведра ее внимательных, любящих, восторженных глаз. И уже делая что-то, что выплыло из глубин инстинктов жизни, он медленно сходил с ума. Луна словно вкатилась в его голову. Панцирная сетка под матрасом нагло, ликующе и беззаботно запела голосом нелепого жестяного соловья. Отличнику передалась дрожь, вдруг сотрясая тело Серафимы. Серафима задышала тяжело и часто, по-собачьи, и перед тем, как последняя волна укрыла его с головой, Отличник еще успел увидеть и услышать, как прыгающие губы Серафимы чуть слиплись, пропуская одно только слово:

— М-мама...

Будильник еще не успел доорать до конца завода, а Серафиму уже сдуло с кровати. Отличник поглядел на циферблат и застонал — было еще полседьмого. А утро давно уже расселось повсюду в комнате — на столе, на шкафу, на книжной полке, в зеркале, в чайнике, в глянцевом календаре — и следило за Отличником прохладными, чистыми глазами. Серафима бегала от шкафа к тумбочке, доставала плечики с платьями, махала юбками, рылась в белье, вытягивая из него что-то неопознаваемое, рассматривала и заталкивала обратно. Ее кудрявая грива стояла дыбом, как наэлектризованная, и можно было подумать, что от суматохи у Серафимы задымилась голова.

— Ты куда торопишься? — спросил Отличник, садясь на кровати.

— В аэропорт, маму встречать, — быстро сказала Серафима.

— Я тебя провожу.

— Только до автобуса.

— Почему? — почти обиделся Отличник.

— Во-первых, я с мамой полдня по магазинам шляться буду, — пояснила Серафима, — и ты только сам намучаешься. А во-вторых, если она меня увидит с тобой, то своими вопросами загонит в гроб.

Серафима влезла в легкую блузку, яростно разодрала кудри массажной щеткой, а потом уставилась в зеркало и начала подкрашивать глаза.

— Рисуешь на своем лице лицо другой, более симпатичной девушки? — ехидно спросил Отличник, одеваясь.

— Ну и чувырла же я сегодня! — заметила Серафима. — Просто ужас!

Отличник подошел и остановился за ее спиной, глядя в зеркало. Серафима скосила на него глаза, продолжая щеточкой расчесывать ресницы. Отличник обнял ее за талию и поцеловал за ухом. Серафима, улыбаясь, зажмурилась и строго сказала:

— Не забудь повторить это же сегодня ночью. Отличник засмеялся и

отошел. Он включил чайник и вывалил в вазочку остатки вишневого варенья. Держа в руках толстую, пустую банку, Отличник подумал, что они начали ее есть, когда он в первый раз пришел сюда, а закончили, когда закончилась сегодняшняя ночь. Банка была как песочные часы, а вишни — песчинки счастья.

Серафима наконец закончила собираться и села пить чай. Они, торопясь, хлебали кипяток с желтой, вчерашней заваркой и сталкивались ложками в вазочке.

— Мамин самолет прилетает в восемь с минутами, если вылет из Москвы не задержали, — поясняла Серафима, — а поезд, на который я маме билет купила, уходит в двенадцать двадцать. Так что я вернусь сюда только в час. Тебе оставить ключ?

— Нет, не надо. Я с автовокзала в институт поеду, как раз к открытию библиотеки. Хоть ума наберусь перед экзаменом.

— Если не уснешь, конечно.

Общага еще спала и стояла безмолвная, как айсберг. Каблучки Серафимы простучали по лестнице, словно прокатилось квадратное колесо. В вестибюле за вахтой сладко спал какой-то студент.

Асфальт был темный, на шоссе отчетливо виднелись полосы от колес, земля под короткой травой газонов совсем почернела, с неподвижных лип капала роса. Солнце в лужах и стеклах окон расслаивалось спектром и горело то бирюзовым огнем, то оранжевым. Улицы еще не проснулись, и стены домов были розовыми, словно домам снились сны детства. В акварели неба высоко висели бутоны облаков, точно за ночь весь город пророс исполинскими цветами на невидимых стеблях. Воздух был такой, будто его всю ночь держали в холодной и мокрой пещере, а теперь выпустили, и неприкаянные сквозняки слонялись по улицам, без охоты хулиганили — то трясли ветки деревьев, то пытались отклеить прилипший к асфальту клочок бумаги, то тащили по мелким лужам липовый листок.

На остановке, откуда троллейбус шел в центр, толпились люди. Никто не сидел на мокрых скамейках. Мужчины в белых рубашках и черных брюках зябко курили. Женщины ежились, цвета еще не включились на их легких платьях и были блеклыми. Отличник с Серафимой напрямик пошли к другой, пустой остановке, которая находилась через перекресток.

— Успеем или как? — глядя на светофор, спросил Отличник.

— Успеем, — уверенно ответила Серафима. — Это добрый светофор.

Они в молчании перешли перекресток на зеленый свет.

— Так, объясняй, что значит «добрый» светофор, — велел Отличник, и Серафима засмеялась.

— А ты не замечал, что все светофоры имеют свой характер?

— Нет, — сознался Отличник.

— Ну и дурак. А светофоры делятся на пять типов. Первый тип — это добрые. Они всегда зажигают зеленый свет и держат его, пока не пройдешь. Второй тип — злые, они всегда зажигают красный. Третий — вредные, они заманивают и делают пакость. Четвертый — работяги, честные. Они ни на кого не обращают внимания и переключаются регулярно. И пятый тип — это светофоры, на которые никто не смотрит, все едут или идут, когда им хочется, на любой свет.

Отличник был поражен изысканиями Серафимы в области светофорологии. А Серафима стояла перед ним, держала обеими руками сумочку, легко поддавая ее коленками, и улыбалась.

Чистый, прозрачный и пустой троллейбус подкатил к остановке. Выражение его квадратной физиономии было понурое, отрешенное, смиренное, как у школьника, которого мама начистила, надраила и отправила в школу, а он не приготовил урок. Отличник и Серафима вбежали в заднюю дверь и плюхнулись на сиденье. Дверной проем с грохотом и лязгом зарос, и троллейбус, подвывая, поехал.

— Люблю пустые троллейбусы, — говорила Отличнику Серафима. — В них люди ведут себя нормально, а в набитых все какие-то взвинченные. Вот так сидишь, а над тобою какая-нибудь бабка повиснет, как обезьяна на пальме, и висит, сопит, ничего не говорит. Откуда я знаю, где она выходит, чтобы место уступить? Дождусь своей остановки, встану, а она с обидой так издевательски говорит: «Да нет, сиди уж, старики-то постоят, всю жизнь стояли, и сейчас постоим, молодые-то у нас шибко заботливые, воспитанные...» — Серафима скорчила рожицу, изображая вредную старуху. — Я всегда на это отвечаю, что попросить меня встать у нее слов нету, а орать так всегда находятся... Или терпеть не могу, когда в давке какая-нибудь дура стоит у свободного места и на него с краю свою сумку поставит. Все стесняются сесть, так место и пустует. А еще я заметила, что если хочешь сидеть и едешь с парнем, то его надо сажать у окна. Потому что девушку не сгонят с места, если рядом парень сидит, и парня не сгонят, потому что ему выбираться далеко. Только если незнакомый парень, то лучше не садиться. Он колени свои расставит, будто у него бочка между ног, и места рядом совсем нету. Это примета такая: чем глупее человек, тем шире он расставляет колени, когда сидит. И по тому, как абонементы компостируют, тоже можно определить, что за человек. Некоторые, бывает, так в компостер кулаком лупят, будто это морда врага...

— Ты — троллейбусная энциклопедия, — заявил Отличник.

— Да я просто смотрю, как люди себя ведут. Я даже один закон открыла: тот, кто сидит у окна, всегда выходит раньше соседа. Или, например, знаешь, что надо говорить, чтобы пробраться через давку? «Пропустите, пожалуйста» не всегда действует. Надо говорить: «Давайте местами поменяемся», — тогда начинают шевелиться. А однажды я видела высшее проявление доброты и веселости, я даже чуть с ума не сошла. Ехала зимой на задней площадке, народу битком, и заднее стекло изнутри инеем заросло, а снаружи грязное. Мне же позарез надо было видеть, где еду, чтобы остановку не прозевать. Я иней-то содрала, а все равно из-за грязи ничего не видно. И вдруг прямо во время движения снаружи появляется рука и протирает мне стекло. Я чуть не завизжала, думала — черт. А это, оказывается, какой-то мужик висел сзади на лесенке, увидел, что я иней счищаю, и помог мне...

— Наша остановка, — сказал Отличник.

Они выбрались из троллейбуса и пошли по тротуару к автовокзалу. Мимо них то и дело проносились яркие, красно-белые, сверкающие вагоны междугородных «Икарусов» с серебряными дисками на колесах и тонированными стеклами, в которых отражались мелькающие пешеходы. Отличник шагал, слушал, что ему говорила Серафима, и думал, что простота и ясность, поразившая его в ней, порождена ее странным отношением к миру — немного наивным, очень внимательным и совершенно серьезным. Отличнику и самому вдруг захотелось увидеть все глазами Серафимы.

Они подходили к перекрестку перед автовокзалом, и Отличник загляделся на светофор, около которого стояла толпа. «Злой», — решил Отличник. Светофор, словно бы с досадой, как неприятную обязанность, включил зеленый свет, толпа быстро потекла через дорогу, но последние все же не успели дойти и побежали на красный.

По перрону автовокзала, обнесенному сетчатым заборчиком, Отличник и Серафима двинулись к платформе, с которой в аэропорт регулярно отходил рейсовый автобус. Отличник вертел головой, наблюдая внезапно изменившийся, перекрасившийся мир.

— Вовка, ты куда мои фонарики засунул, черные такие? — спрашивал у приятеля турист, завязывающий рюкзак.

— Розовый Маринке запихал, а зеленый у меня.

Парень с девушкой курили, облокотясь на сетчатый заборчик.

— Смотри, вон собака рыжая, это не из вашего двора Милка?

— Где? Эта, что ли? Нет, это так... Подделка.

Монументальная бабка сидела на скамье, зажав между коленей

набитую сумку. К ней подрулила другая, с глупым и добрым лицом.

— Не подскажите, на каком автобусе мне к ЦУМу проехать?

— На пятнадцатом или на тридцать четвертом.

— А на каком лучше?

— На пятнадцатом.

— Почему?

Монументальная бабка задумчиво поглядела на любопытную.

— Не знаю, — строго сказала она.

Тощий, сутулый юноша в очках выгребал из карманов ворохи дырявых абонементов, бросал их в урну и жаловался другу:

— Теперь зайцем уже не езжу, нервы уже не те...

Сердитая женщина шагала, держа под руку мужа с унылым лицом, и тихо говорила ему:

— Терпеть не могу, когда ты такой кислый!..

— Заведи себе гиену, — нелогично отвечал муж.

— Зачем?

— Чтобы хохотала на балконе.

Когда Отличник и Серафима остановились на своей платформе, из шеренги одинаковых автобусов медленно вытянул длинное тело желтый «Икарус» с табличкой «Через Южный мост» за лобовым стеклом. На его боку были наклеены картинки, где герои из «Ну, погоди!» демонстрировали правильное и неправильное поведение на дороге. Волк бежал за Зайцем по пешеходной «зебре» на красный свет, и на него наваливался грузовик, из кабины которого Волку грозил кулаком Бегемот. Волк на велосипеде мчался по встречной полосе, сближаясь с хлебным фургоном. Волк и Заяц играли в футбол на проезжей части, и на них свистел в свисток Бобер-милиционер.

— Тебе кто больше нравится, Волк или Заяц?

— Не задумывался, — удивился Отличник.

— Мне — Волк, — сказала Серафима. — Заяц слащавый, везучий. А Волк невезучий, зато упорный и веселый. Он все умеет делать и очень артистичный. Он же совсем не злой, ему Зайца надо съесть из принципа. Он не может просто поймать и проглотить его, ему надо насладиться ситуацией, когда он обхитрил Зайца. Он всегда готовится, когда собирается его есть, — салфетку повяжет, возьмет нож и вилку. А Заяц глупый, вероломный и трусливый, ничего не понимает в искусстве. Волк — это боец, художник. Он отважный, азартный, честный, доверчивый. Если бы все были такие, гораздо легче жилось бы на свете.

Отличник горько усмехнулся. Серафима с легкостью снова обставила

его. Он мог, напрягшись, на несколько минут увидеть мир ее глазами, но потом опять становился самым собою. Простота и ясность Серафимы не давались ему с наскока, задешево, а то, что у него получалось, было не таким уж простым и ясным. Истина, подразнив его, как опытный воробей молодого кота, снова взлетала в недостижимое небо.

Автобус стоял с открытыми дверями, ожидая пассажиров.

— Ну, я пойду, — сказала Серафима и поглядела на Отличника.

Отличник тоже посмотрел на нее, и оба они замерли, странно пораженные этим первым в жизни настоящим расставанием. Не хватало каких-то слов, жестов, веры в то, что они увидятся снова, и от этого было страшно. Отличник виновато улыбнулся.

— Ну, пока... — неуверенно сказал он.

Оба они чуть качнулись друг к другу для поцелуя, но это было еще слишком непривычно, и смущение растолкнуло их обратно. Серафима кивнула Отличнику, повернулась и вошла в автобус. Отличник видел, как она пробирается по проходу к свободному месту. Она села у окна со стороны Отличника, прямо над Бобром-милиционером, и помахала ладошкой. Отличник, онемев и оглохнув, не мог даже пошевелинуться. Он глупо улыбался и глядел на Серафиму. Двери зашипели и распрямились, двигатель заклокотал, синий дым вывалился из выхлопной трубы. Длинный «Икарус» тронулся с места, мягко заваливая Серафиму на спинку сиденья.

Отличник проторчал в библиотеке до пяти вечера и отправился в общагу. Первым, кого он увидел в вестибюле, был Ванька, который сидел на вахте и читал газету. Отличник страшно изумился, но память о вчерашней встрече с вурдалаками не позволила ему заговорить. «Привет», — проходя мимо, негромко сказал он, и Ванька из-за газеты буркнул: «Здорово».

Серафимы дома не было. Она даже еще не возвращалась в семьсот десятую, потому что не имелось и записки от нее, где было бы сказано, у кого она оставила ключ для Отличника. Постояв у запертой двери, сникший Отличник побрел вниз, в вестибюль, решив дожидаться Серафиму здесь. Идти к кому-то в гости ему совсем не хотелось.

— Ванька, можно я у тебя посижу? — робко спросил он.

Прошедшая ночь, впрочем, сделала вурдалачьи оскалы далекими и размытыми. Беспокоясь о Серафиме, Отличник теперь даже не думал о них. Но Ванькин голос вернул его к памяти о том вечере.

— Тебе здесь не положено находиться. Ты нелегальщик.

— Но ведь и ты тоже нелегальщик, — осторожно заметил Отличник.

— Со вчерашнего дня я и легальщик, и вахтер, — отрезал Ванька.

— Тебя взяла Ботова? — Отличник не поверил своим ушам.

— Взяла и поселила. А я расписку дал, что не буду пить.

— Мне уйти? — спокойно спросил Отличник. Ванька долго чиркал спичкой, прикуривая.

— А-а, х-хрен с тобой, сиди! — яростно ответил он.

Отличник обошел его и сел на стул за вахтой. Ему даже стало немножко жаль Ваньку, вынужденного его гнать. Он сказал:

— А меня вот комендантша нашла, постель забрала, — Ванька делано хохотнул.

— Попробуешь на себе, каково нам приходилось.

Отличник помедлил, пытаясь определить свои ощущения.

— Почему ты говоришь так, будто я в чем-то вас обвинял, а виноват сам? — спросил он, глядя Ваньке в спину.

— Потому что так и есть. Разве ты не понял этого вчера?

— Вчера я понял только то, — заводясь, сказал Отличник, — что вы вели себя как свиньи. Точнее, ко мне отнеслись по-свински.

— Нет, не по-свински. По-человечески. Как к предателю.

— Как к кому?.. — потрясенно переспросил Отличник.

— Оглох, что ли? — глумливо поинтересовался Ванька.

— Нет, не оглох, — задумчиво ответил Отличник. — И как я вас предал? Я, что ли, толкнул вас на те гадости, которые вы совершили? А вчера я заявился произнести пламенную речь про ваши пороки, так?

— Нет, хуже. — Ванька помолчал. — Ты нас и вправду простил.

— А я вас ни в чем и не виню, — сказал сбитый с толку Отличник. — Да и что вам мое прощение? Я же не Иисус Христос!..

— Христос — это бог, его Богородица родила. А тебя мы, грешные, родили. Что было лучшего у нас в каждом, то в тебя и вложили.

— Ну а я что? Отрекся и растоптал?

— А ты простил нас, понимаешь? — Ванька впервые оглянулся на Отличника. — Мы тебя за совесть свою считали, а ты только одним обещанием простить уже нас предал, потому что руки нам развязал! Конечно, откуда ты знал, какую херню мы этими руками сотворить можем! Купились мы на твои умные глаза — ну и сами дураки!

— А вы, что ли, сами не понимали, чего делаете?

— Не понимали! Не знали! Когда в толпу с президентом гранату кидаешь, откуда знаешь, кого убьет? Может, президента, может, алкаша какого левого, а может, гения будущего!..

— Но вы же не гранаты кидали!

— С гранатами у нас напряженка была, это верно! Но зато все, что имели, мы на себя и обрушили! Мы же, в общем-то, не только тебя спрашивали... Как бы это выразиться-то, чтобы тебе понятно было?.. Каждый из нас свою душу в тебя вложил, и душа эта твоими устами говорила каждому: валяй, братва, все можно, ни шиша мне не сделается! Мы и навалили! А то, что мы сотворили, — нагадили под себя, продались, любовь похерили, — это нам наши души не должны были позволять делать!

— Так не делали бы! — чуть не крикнул Отличник.

— Худо было очень, вот и делали. Но не в этом страшное. Если нам наши души позволяли такое, то были они вообще или нет? Может, это химера одна — душа у человека? Мы, по сути дела, не прощения у тебя заранее просили, а выясняли: есть ли у нас души? И ты ответил: да нет, мол, ступайте, хер с вами, золотые рыбки...

— А вы меня ставили в известность, чего сделать хотите? Вы только о высших материях говорили, чтобы я толком не понял! Сами из меня прощение выжимали! И что, вы ничего бы не сделали, если б я сказал «не надо»? Мало верится мне, Ванька!

— Все ты понял, не ври. И должен был сказать «нет», — твердо ответил Ванька. — И пусть бы мы все равно продались, потому что выбора не было, но мы хоть знали бы сразу, что за койку души свои закладываем. Когда по нужде сподличаешь, то можно еще отмыться, но когда вот так, по ошибке, — только и остается рукой махнуть: а-а, пошло оно все к черту, нету — и не надо. Ты нас всех души лишил, понимаешь ты это? Не унизил, а убил! Ты такой же, как Гапонов, который козел не потому, что на Нельку полез, а потому, что блядью считал!..

— Ну не понимаю я, Ванька, не понимаю!.. Если у вас выбора не было, за что же мне вас винить? А если я вас винить не могу, почему же это значит, что я души ваши убил?!

— Души наши в тебе оставались! Мы сами с головой в говно ушли, а тебя на сухой бережок поставили! И что же ты? Просрал ты все! Я тебе как старый раздолбай говорю, и все под моими словами подпишутся: Серафима — девочка умненькая, чистенькая, в ней врожденное чутье на истину. И если она на тебя наплевала — значит, просрал ты нашу истину! Ты — пустышка. Ты нас не прощал, ты даже не заметил наших грехов! Значит, не осталось в тебе наших даров, которые нашими бы гадостями унижить можно было! И вдруг ты вчера заявляешься к нам как ни в чем не бывало, как равный к равным, как пустышка к пустышкам! А мы не хотим быть пустышками, хоть и торчим в говне по маковку!..

— Да чего вы все лезете в мою жизнь?! — вспыхнул Отличник. — Вам-то какое дело до моих отношений с Серафимой!

— Мы-то наоборот не лезли, а отстранялись. Просто вчера один только вид твой у всех мандраж вызвал! Ты всем противен стал, и я понять хочу: отчего? А всем остальным уже наплевать отчего. Подсознательно противен, и все!

— А по-моему, у вас просто досада и зависть, — по-ванькиному жестоко заявил Отличник. — Досада, что сперва меня устроили, а не себя, и выгоды с того никакой не поимели. А зависть от того, что я все-таки не залез в вашу лужу.

— Ну не-ет!.. — горячо возразил Ванька. — Какая тут досада? Благодеяния мы не сделали. Просто за тобой ни Ботва, ни Гапонов не охотились, на фиг ты им нужен, — потому ты и жил спокойно. А зависть... Так уж лучше в говне сидеть, чем любовь просрать!

— Нет, Ванька! Не укладывается это у меня в голове! — тихо сказал Отличник, морща лоб в мучительном усилии понять. — Напутал ты всего, нагромоздил... Не бывает так, не живут так люди. Души там передавать, страховка, прощение... Чушь! Чушь! Все неправда! Все это вы сочинили, потому что озверели, что я вместе с вами на дно не пошел!

— Думай чего хочешь. Но то, что воротит нас от тебя, что блевать тянет, — это факт. Не друзья мы тебе больше, а я тебе первый враг! Я тебе до последнего верил, спасти тебя пытался, когда остальные на тебя уже плюнули. Я говорил себе: может, прав Отличник, раз так себя поставил? Ладно, пусть нету у нас души, пусть это самообман. Ты меня убедил. Но почему же мы страдаем, если души нет и быть не может, если мы ничего не предавали? Какой закон мы преступили, если нам больно и стыдно от этого? Да обычной закон, человеческий, нравственный. Нельзя так делать, как мы сделали. Та девчонка из двести двадцатой от такого с крыши прыгнула, потому что не успела еще привыкнуть, маленькая была. А мы живем, потому что привыкнуть успели — по мелочи, но привыкли, хотя так крупно, как сейчас, еще не приходилось... И быть не может ничего такого, из-за чего человеку бы все разрешено становилось. Пусть это не шибко красиво звучит, но законы общежития превыше всего! И если уж ты сам меня убедил, что души нет, то получай по закону! А по закону ты — нелегальщик! Тебе здесь находиться запрещено! Этим я и караю тебя, потому что нельзя твое предательство оставлять безнаказанным. Нельзя прощать, как ты прощал. Игорь, Нелька, Лелька — они просто тебе кучу говна наговорили. А я тебя за нас всех покарал, все обдумал и покарал. Или ты решил, что Ботве святой дух нашептал, где ты живешь?

— О чем ты говоришь, Ванька?.. — холодея, спросил Отличник.

— О том и говорю, — криво улыбнулся Ванька. — С чего, думаешь, меня Ботва на работу взяла и поселила? Потому что я ей расписку дал, да? Да эта филькина грамота курам на смех, кто ей поверит! Расписка — так, подстраховка для комендантши, если я уйду в запой, а ее станут трахать, что она вахтера-пьяницу наняла. Она меня взяла, потому что я ей стучать предложил. Сам! Стучать я ей, конечно, не буду, но вот тебя сдал первого и сразу.

— Считаю, что ты добился даже большего, чем хотел, — тихо сказал Отличник, поднимаясь со стула.

— И куда ты пошел? — насмешливо спросил Ванька. — Поджидать Серафиму где-нибудь в другом месте? Мой тебе совет — сегодня же сваливай от нее. Она ни в чем не виновата. Не подставляй ее под удар за то, что она держала нелегальщика.

Тем более что твоих вещей в семьсот десятой уже нет. Сегодня утром мы с Ботвой собрали их и унесли в ее кабинет. Там и заберешь.

— Благодарю за заботу, — сказал Отличник и пошел прочь, но на полпути оглянулся и горько сказал: — Вам, Ванька, каяться надо, а не мстить, не обвинять, не сказки сочинять в оправдание.

— Давай ключ от крыши — верну вещи! — заявила Ботова, отхлебывая чай.

Когда пришел Отличник, она смотрела телевизор и ела бутерброды. Отличник бессильно опустил на стул возле ее стола.

— Я его выбросил, — устало сказал он.

— Ну конечно! — поддержала его комендантша. — Естественно, выбросил! Что еще с ним делать! В помойку его, и все!

Отличник вытащил из кармана смятую пятерку и положил на стол.

— Смените замок, Ольга Васильевна. И отдайте вещи.

— А что, думаешь, не возьму? — разозлилась комендантша. — Вы пол-общегития разворовали, я что, на свои покупать буду? И рожу еще корчит: на, мол, подавись! Да я должна тебя же еще заставить купить этот замок и повесить!..

Отличник с трудом перекинул свое внимание на телевизор. Передавали местные новости. «Закончили сев труженики совхоза „Первомайский“. В этом году корнеплодов посажено в полтора раза...»

— Теперь ключ от семьсот десятой, — распоряжалась Ботова.

— У меня его тоже нету. И не было. «Вступила в строй новая шахта „Авангард“. По подсчетам специалистов, месторождение может давать в

год не меньше...»

— Это еще проверить надо, что не было! Как же ты туда попадал — через окно, как Карлсон? Я еще разберусь со Стороженко — тоже мне, устроила бордель, парня к себе поселила!..

Отличник тупо смотрел в экран. Лица, дома, поля, какой-то вертолет, толпа, большой микрофон у чьих-то шевелящихся усов, трактор с прицепом... Ботова орала, время от времени делая риторические паузы и отхлебывая из стакана. До Отличника доносились только отрывки: «Бордель!.. Тоже хороша!.. Выселю!.. Развели здесь!.. Сопляки!.. Да таких надо!.. Мало еще!.. Я для них!.. Куда годится!.. Если совести нет!.. Пьянство, разврат, воровство!.. Ишь чего захотели!..»

«Где мой чемодан?» — подумал Отличник и тотчас увидел его. Чемодан как-то виновато стоял у тумбочки с телевизором и словно бы даже делал какие-то знаки хозяину: мол, погоди, сейчас все объясню...

— Я еще с вашим деканом поговорю! — орала комендантша. — Я этого так не оставлю! Зачем нам нужны такие студенты? В армию лучше иди — там уж не развернешься, быстро мозги вправят, как надо!..

«... Авария сегодня утром произошла на железнодорожном переезде по дороге в аэропорт», — бормотал телевизор, и Отличник, медленно вплавляясь сознанием в экран, увидел лес, поворот асфальтового шоссе, обочину, засыпанную битым стеклом, свернутый шлагбаум, смятые кусты. Суетились какие-то люди, мигали лампы на крыше милицейского «уазика» и на двух каретах «скорой помощи», в одну из которых загружали носилки. Грузовик по обочине осторожно объезжал длинные предметы, в ряд лежащие на дороге и укрытые белыми простынями. «Двигатель рейсового автобуса на переезде заглох, и локомотив, шедший с порожними вагонами, врезался в борт...»

— ... Ничего не отдам, пока лично ее не увижу! — орала комендантша. — Где она там целый день шляется? Вот пока она сама сюда не явится и не объяснит мне, по какому праву она тебя к себе поселила, ничего я тебе не отдам! Пусть мне объяснительную пишет: так, мол, и так, это мой любовник, потому и пустила! А я эту объяснительную в деканат отнесу, пусть с ней там разбираются! Только тогда свой чемодан и заберешь! Я с утра уже десять раз за ней посылала — нету ее, видите ли, занята! Вот и жди, пока она не вернется, сиди на улице на скамейке!..

«Среди погибших — женщины и дети...»

«Да не может этого быть!.. — растерянно и недоверчиво произнес какой-то благодушный и мечтательный голос в голове Отличника. — Говорю тебе, не бывает так!.. Ну, ладно, пусть бывает — но не с тобой же, в

конце концов!...»

Телекамера, панорамируя, показала автобус. Автокран уже выволок его из кювета и поставил на колеса. Стекол в окнах не было, фары вылетели. Один борт был смят и разорван посередине. В вертикальную дыру были видны снесенные с мест сиденья и поручни.

А вдоль изуродованного борта «Икаруса» тянулись картинки, где герои «Ну, погоди!» демонстрировали правильное и неправильное поведение на дороге. Волк бежал на красный свет, Волк на велосипеде мчался по встречной полосе, Волк гонял мяч на проезжей части... Только не было Бобра-милиционера, свистевшего в свисток. Уйти домой к своей Бобрихе он, естественно, с поста не мог. Здесь, на посту, его и убил локомотив, протаранив угловатой скулой автобус под дых. Там, где раньше стоял Бобер, и чернела дыра. Теперь Волку и Зайцу никто не мешал играть в футбол прямо посреди дороги.

— Чего молчишь-то, с тобой разговаривают!.. — орала комендантша.

Отличник медленно поднялся на ноги...

Отличник сидел на балконе общаги верхом на своем чемодане и глядел на желтый закат над городом, но города не видел. Он был устремлен внутрь себя. Он не помнил ничего, что случилось в те два или три часа, прошедших с того момента, как телевизор показал попавший в аварию «Икарус», и не помнил, как здесь очутился.

В душе Отличника сплошной цепной реакцией прошла громадная работа, которая развалила весь мир на куски и запалила слепящее светило истины. И Отличник понял, что будет дальше, потому что выбора у него не было. Выбора не бывает, не бывает, даже если один в лодке посреди океана решаешь, куда плыть. Поплывешь на восход и засохнешь от жажды — так поймешь, что всю жизнь шел именно к этому концу, все было не зря, все ради этого. А поплывешь на закат и услышишь пальбу прибоя у берега Тенерифы — то же самое: как на ладони будет написана судьба, с железной закономерностью обязанная вывести из океана. Где же выбор? Как понять, что ты выбирал, когда, оглядываясь назад, осознаешь, что только этой дорогой и должен был пройти? Нету внешнего выбора, есть только отношение к обстоятельствам, ни от кого не зависящим. Это тот же самый вопрос, что и вопрос о свободе воли и божьем предопределении. И что бы ни случилось, нельзя менять отношения, выбранного раз и навсегда, — только тогда останешься человеком. Пусть ошибающимся, пусть неверно истолковывающим порядок вещей, но честно стремящимся к истине.

Отличник не поверил давешним словам Ваньки. Не то чтобы Ванька

врал. Просто его картина была слишком сложной, слишком литературной. Слишком назойливо звучало в ней какое-то несоответствие. И даже не то, что Ванька посчитал, будто Серафима отвергла Отличника. Нет, звучало несоответствие духу истины — простой и ясной. Друзья Отличника вместо того, чтобы возвращать в себе отношение, пытались выбирать там, где выбора нет, выбирать одну дорогу из единственной. А когда поняли, что их подвело зрение, было поздно, и никакого другого отношения, кроме озлобленности, они принять уже не могли. Озлобленность рикошетом и ударила по Отличнику, который, прощая их, понял все заранее.

А выбора нет потому, что человек одинок. Природа не транжирится и все изготавливает в единственном экземпляре. В человеке главное — Дар, проекция вселенской истины на его натуру. А истина одна, потому и человек одинок. Это не значит, что вокруг него никого и ничего не существует. Конечно, нет. Закрывая глаза, человек не погружает мир во тьму, а умирая, не взрывает мироздание. Просто во всем, что его окружает, он так или иначе может видеть только свое отражение — искаженное, исковерканное, но свое. Человек смотрит на дерево и думает: я тоже дерево, вырастающее из моей могилы. Видит камень и понимает: это я через миллион лет. Глядит на луч света, и ему кажется, что это он сам, летящий со всей возможной скоростью. Так вселенная одухотворяется человеком и впитывает в себя его законы. И если же один человек встречает другого, то считает встреченного человеком лишь настолько, насколько тот похож на него самого. Выбора у человека нет — себя не выбирают. Есть только отношение к существующему.

По этой причине Дар и является в человеке главным. Инстинкт — он горизонтален. Он позволяет проникать во все стороны на своем уровне, но истины он не дает, потому что повсюду — одни собственные отражения, повсюду одно и то же. Разум — это диагональ, это перерождение инстинкта, переползание вперед и чуть повыше, бесконечное накопление отражений при совсем невеликом прогрессе высоты. Но на пути разума к истине стоит время. Тот краткий отрезок, что отмерен человеку, недостаточен, чтобы достичь истины разумом, как недостаточен, чтобы достичь физически соседней галактики. Достичь истины с помощью разума — это все равно что достичь вершины башни, бесконечно долго обходя ее кругом. Конечно, за пятьдесят тысяч лет космическая пыль засыплет башню до верхних зубцов, как она засыпала города Шумера, но разве ж столько проживешь? Единственный путь к истине — это вертикаль. Единственное сообщение человека с истиной — по вертикали. А если проекция истины на человека — это Дар, значит, жить надо Даром, любить

Даром.

А друзья Отличника не обзавелись отношением к миру, и Дар выскочил из их воли, как мокрое мыло из мокрых рук. Они предали и друг друга, и самих себя. Глядя друг на друга, они видят тождественные себе отражения, и поэтому им вместе терпимо. Он же, Отличник, никого не предавал. Он сохранил свой Дар. Он любил Серафиму, и Серафима ответила ему любовью. Но к тому же он сохранил и Дар своих друзей, ведь его Дар был их общим подарком. Этого они и не смогли простить. Глядя на него, они видят себя такими, какими могли бы остаться, видят собственное неискаженное отражение. Неудовлетворенный инстинкт истины душит их, и Отличник их бесит, как обезьяну бесит банан, до которого она не допрыгнула.

Если бы человек не был одинок, они не отвергли бы меня, думал Отличник. Дело в том, что я, видимо, подошел к истине ближе, чем они. Если бы истин было столько же, сколько людей, если бы сладкой была только своя, а остальные были противны на вкус, то люди были бы уверены, что никто на их истину не покусится. Они знали бы, что можно еще посидеть в своей вонючей луже, скушать еще пару горстей навоза и закусить лягушкой, оставив сладкое на десерт. Некуда торопиться. Но инстинкт истины гонит человека за ней наверх, и человек, шипя и плюясь от бессильной злобы на себя, все-таки ползет за ней, понуждаемый своей природой, в которой этот закон записан. А истина одна, и чем кто-то другой ближе к ней, тем остальным омерзительнее собственное отражение, тем гаже вкус навоза, тем сильнее желание сравняться самым простым способом — стащить обратно, схватив за хвост.

Но почему мои друзья не выработали своего отношения? — думал Отличник. Из-за того, что обживали, разрабатывали свой Дар только с одной стороны: любовь, например, талант или бог? Это так, но этого мало для объяснения. И Отличник думал, что опять виновато одиночество. Его друзья не были к нему готовы. Когда их выселили и они начали жить поодиночке, их зрение просто замутил страх. Они смотрели не вперед, на истину, а назад, на остальных. А если наступать, постоянно оглядываясь, то наступление будет неотличимо от отступления. Друзья Отличника вскочили на ступень выше, чем прочие, и кинулись строить крепостные стены, чтобы никто не покусился на достигнутую ими высоту. Правда, высота эта, как выяснилось, не превышала высоты койки.

А что значит — строить крепостные стены? Крепостные стены — это право на собственный образ жизни. В общаге, где глаза и уши со всех сторон, друзья Отличника яростно доказывали свою правоту. А доказывать

было вовсе и не нужно, потому что их правота, их Дар — это аксиома, а не теорема. Это и была их попытка выбирать там, где нет выбора, а есть отношение. Во вселенной общаги есть и хорошие, и дурные стороны. Доказывать, будто что-то одно целиком хорошо, — это доказывать, что оно же, наоборот, плохо. Все свои силы они отдали доказательству, и на самое главное — на отношение — сил не осталось. Не надо доказывать, надо относиться — пусть немного наивно, но внимательно и серьезно.

Ну а что делать ему, Отличнику? Что ему нужно в этот страшный час? А нужно мне, сказал себе Отличник, чтобы я был с Серафимой — раз, чтобы мне не было больно — два и чтобы друзья мои не боялись оставаться самими собою — три. Что ж, боль можно заглушить хотя бы и другой болью. Друзья сами должны понять, что жизнь — это такая дорога, на которой не останавливаются и не идут вспять. А Серафима...

И память пробилась сквозь спазмы души. И Отличник вновь увидел Серафиму — их первая встреча, Серафима с цветами, а он «уже с чемоданом», Тенерифа, вечера, закаты и вишневое варенье, дискотека и танцующая Серафима, Серафима на крыше под темным и облачным небом, Серафима в ночнушке в пустом общажном коридоре, голая Серафима, обнимающая его за шею, Серафима и теория светофоров, Серафима и Волк, Серафима за окном отъезжающего «Икаруса»... Боже, как недавно все это было — еще только сегодня утром! И вдруг страшная пропасть между ними, разлука навсегда, непреодолимая бездна...

Непреодолимая?

Отличник сам не понимал, что он давно уже не сидит на балконе верхом на чемодане, а носится по коридорам и лестницам общаги, цепляясь громоздким чемоданом за косяки, углы и перила. Его жгло, жгло, жгло, ему нужен был ветер, чтобы остыть, но путь на крышу, где можно было встретить ветер, был закрыт.

Отличник остановился на какой-то промежуточной площадке черной лестницы. В душе его, незаметно от рассудка, уже созрело решение, как вернуться к Серафиме, как спасти друзей, как загасить костер боли. Он пытался его оправдать. «Я человек! — твердил он, уткнувшись лбом в холодную и шершавую стену. — Мне, как любому человеку, нужен я сам — счастливый. Нужен тот, кого я люблю, и нужны те, кто любит меня. Мне нужны счастье, Серафима и мои друзья... А этого нету... Боль, любовь, одиночество — пронзительная формула человека. И что же я хочу сделать, чтобы ее вывести? Какой ужас, на что толкает меня мой Дар!»

Он, мгновенно обессилев, побрел по лестнице вверх и свернул на этаж. «Постой! Постой!» — визжало что-то в душе. «Так, —

останавливаясь, сказал себе Отличник. — Да, все пропало. У меня больше ничего нет. Мне не к кому и некуда идти. У меня истерика?.. Ладно, ладно, пусть истерика, но я еще соображаю... Я делаю это на трезвую голову. Значит, так надо. Иначе нельзя соблюсти формулу. Потому я иду... И все. Больше ни о чем не думаем. Больше ничего нет и ничего уже не будет».

Он пошел дальше и свернул в первый же попавшийся блок. «Я просто вывожу несложное уравнение, формулу», — вслух бубнил он. Он щелкнул выключателем и заглянул в туалет. Мокрый пол, унитаз в дерьме, куча мятой бумаги в урне... Он постоял и закрыл дверь.

«Значит, не судьба!» — облегченно ухнул кто-то в душе.

Отличник вышел в коридор. «Мама-мамочка, ой, не надо, ой, как мне страшно», — подумал он и пошел в другой блок.

Здесь туалет был свежeweымыт.

Отличник запер за собой дверь и сел на унитаз. Чемодан он положил на колени. Чемодан затрясся. «Ну, довольно, хватит, — подумал Отличник. — Есть во мне упорство или нет? Верю я в собственную правоту или сам себе врал?»

Он открыл чемодан и начал рыться в вещах, уложенных чужими руками. Вот, так и есть, в пакетике умыwальные принадлежности: мыло в мыльнице, зубная щетка, тюбик с пастой, бритвенный станок. Отличник аккуратно достал из фантика бритвенное лезвие, бросил фантик в урну, пакет убрал в чемодан, а чемодан тщательно запер и поставил в угол. «Ну, к полету готов», — бодрясь, фальшиво подумал он.

«А-а-а! — выл кто-то в душе. — Постой! Постой! Ну хоть пять минут! Ну выйди в последний раз поглядеть на солнце-то!..»

«Ладно, видал я его, — сказал Отличник. — Если выйду сейчас, то уж точно ничего не сделаю».

«А мать, отец? — твердил кто-то. — Им-то за что? Кому ты чего докажешь? Кто тебя поймет? Ведь скажут — психанул, смалодушничал!..»

«А я ничего и не доказываю. Это не аргумент в споре. Это логический конец, вывод, формула. И что там скажут — плевать. Ведь есть и третья правда».

«Но ведь больно себя резать-то! Посмотри на руку — какая она тонкая, живая. А бритва — стальная, холодная... Ведь будет сегодняшний вечер, а ты не увидишь... А что покажут по телику? А недочитанные книги? А новые женщины? Ведь все пройдет, все забудется, жизнь прекрасна!»

«Это верно, — согласился Отличник. — Только если мне не хватит воли сейчас, то и потом ее не будет хватать, и ничего прекрасного из жизни все равно не получится».

«А сегодняшняя ночь в морге? А послезавтра тебе на лицо будут кидать землю!..»

«А Серафима?»

Голос захрипел удушенно.

«А разве Серафима не там же? А разве ей не будут кидать на лицо землю?»

«Ну и пусть тебя найдут в сортире у толчка...» — злобно прошипело, угасая.

— Ну и пусть, — вслух согласился Отличник.

Он взял лезвие покрепче и поднес его к сгибу локтя. «Ой, страшно...» — сознался он себе.

А Серафима? Сегодня ночью она стала твоею, твоими стали ее губы, глаза, руки, тело, твоею стала ее любовь, а ты?..

— У-у-у!.. — беззвучно заревел Отличник и, надавливая изо всех сил, провел по руке бритвой.

Кровь вывалилась наружу, как теплое, щекотливое насекомое, а яркая боль полоснула по глазам.

Так, теперь вторую.

Отличник попробовал переложить лезвие в пальцы левой, разрезанной руки, но оно выскочило и упало со звенящим шелестом.

Подними.

Он наклонился, кровь потекла на колени, и его затошнило. Нет, не могу. Больше не могу. Сил нету. Ладно, и так сойдет. Он сполз вниз, обхватил руками унитаз и начал в него блевать.

«Что за гадость, — подумал он. — Ничего-то сделать толком не могу...» Он дотянулся до цепочки и смыл рвоту, а рот вытер рукавом. Обхватив унитаз, он так и лежал щекой на фаянсе. Больно не было, страшно не было, даже жалко не было.

«Ты прости, Серафима... — бормотал он. — как-то я мало сейчас про тебя думал, и вышло все позорно — блевотина, нужник... Противно... И вообще, все противно... Ради третьей правды надо хоть речь какую-то произнести, сделать выводы... А-а, плевать... Сами пусть делают... Никому мне сейчас уже не объяснить, почему это я так возвышенно рассуждал о миссии человека и вдруг так паршиво, совсем не оптимистически кончаю... Ну и ладно... Как уж получилось... Ого, сколько уже кровищи выхлестало...»

Отличник услышал, как кто-то толкнулся в дверь туалета. «Хоть бы не успели... — вяло подумал он. — А то стыд один будет...»

Свет лампочки начал тускнеть.

«Умираю, — удовлетворился Отличник. — Все штаны от крови мокрые, под задом хлюпает... Нужно было руку в унитаз положить...»

Он попробовал переменить позу, но уже ничего не получилось.

«Надо бы о Серафиме еще подумать», — напомнил себе он, но мысли его разъехались, как ноги у пьяницы.

«А что, — оживился вдруг Отличник. — Как это бог-писатель меня убивает? Ведь я — это он здесь, в общаге... Что, и он в это время тоже умирает, что ли?.. Не-ет, кто ж тогда допишет роман? А если роман дописан не будет, то как же я живу? Значит, я не умру? Неужели успеют, откачают? Вот гады!.. За кого тогда меня мой бог держит — за идиота? А-а, нет! — осенило его. — Значит, есть жизнь и после смерти, вот что! Значит, все не зря, и я еще увижу Серафиму! Это хорошо... Хорошо, что я сейчас о ней вспоминаю... Серафима!.. Надо повторять ее имя, а то уж совсем непристойно помру... Серафима... Серафима... Серафима... Серафи...»

И вдруг из мглы медленно выплыло ее улыбающееся лицо, потом показались плечи, руки, и вот уже видно все — он стоит на узкой лестнице, а двумя ступеньками выше, напротив него, Серафима. Лестница ведет к маленькой двери в бесконечной стене, рассекающей мир пополам. Стена сложена из желтых, как вечность, кирпичей, и в ней мириады горящих окон, столько, сколько звезд на небе. А кругом свет.

— Привет! — говорит Серафима.

— Вот те на! — изумляется Отличник.

— А я ждала тебя, — смеется она.

— И я спешил, — смеется он. — А что это такое?

— Это?.. — Она оглядывается. — Это — Вечная Общага.

— На крови?

— На любви.

— Значит, рай?

— Какие у тебя банальные представления.

— Ну, так я здесь в первый раз, — оправдывается он.

— Зато навечно.

— Там посмотрим, — независимо говорит Отличник.

Серафима хохочет.

— Пойдем, будем поселяться.

— У меня ордера нет, — вызывающе заявляет Отличник.

— А здесь без ордера. Такая уж система. Селят всех. Навсегда. С кем захочешь.

— Хочу с тобой.

— И я хочу с тобой.

Они берутся за руки и идут вверх по лестнице к двери.
— Ой, заперто, — говорит Серафима, дергая за ручку.
— Общага — она везде общага, — назидательно поясняет Отличник.
— А у меня ключ есть, — зловредно отвечает ему Серафима и показывает язык.
В ее руке — ключик от замка на крышу.
— Я же его потерял, — изумляется Отличник.
— Ничего не теряется, — возражает Серафима. Серафима вставляет ключик в скважину, но ключ вдруг выскакивает из ее пальцев, падает и катится вниз по лестнице.
— Я догоню!.. — кричит Отличник, устремляясь за ним.
Ключ катится и катится по ступенькам, Отличник мчится за ним, но никак не может догнать. Ключик катится, звенит, и звон его рассыпается, расходится, разрастается, превращается в гул, в колокольный набат, в грохот... И это не грохот крови в ушах Отличника, ибо крови почти нет в его теле, — это грохот прибоя на далеком острове Тенерифа.

1992

notes

1

Песня «Время колокольчиков» Александра Башлачева.

Стихотворение Елены Подольской.